

С.А.БРАТАШОВА

ЗЕМЛЕОПИСАНИЕ РУСИ

САРАТОВ, 2021

УДК 913 (470+571) |1/16|
ББК 63.2 (2РОС)
Б 87

Браташова С.А.

Б 87 Землеописание Руси. / С. А. Браташова. – Саратов:
Амирит, 2021. – 348 с., ил.

Рецензенты:

Председатель Саратовского регионального отделения Русского географического общества, доктор географических наук, профессор **В. З. Макаров**

Кандидат исторических наук, профессор **А. В. Балановский**

ISBN 978-5-00140-782-9

Монография посвящена сложным вопросам исторической географии нашей страны от эпохи появления её названия на карте планеты до эпохи Петра Великого, когда раннее землеописание сменили методы точных геодезических измерений.

В этой книге на основе систематизации письменных, нумизматических и некоторых археологических источников, их ретроспективного анализа установлены исторические границы Руси на определённых этапах её развития. По данным современников событий рассмотрены маршруты наиболее известных путешественников и завоевателей, заходивших на её земли, составлен иллюстрирующий их ряд схем и карт.

Книга предназначена для географов, историков, археологов, краеведов, студентов соответствующих специальностей, всех интересующихся вопросами исторической географии.

© Браташова С.А., 2021

ВВЕДЕНИЕ

К настоящему времени создано великое множество исторических описаний Древней Руси. Но при всём их красочном богатстве географическая их составляющая произвольно вызывает ряд вопросов.

✓ Зачем нам последние годы так навязчиво рассказывают, а чаще ещё и показывают грустные истории о том, что Русь, маленькая и беззащитная, была где-то там, у Киева и его окрестностях на уже почти отторгнутом от России Днепре? Причем настолько маленькая, что для ее обороны потребовалось команду крепких норманнов с севера приглашать.

✓ Зачем крайне назойливо твердят о пути из варяг в греки? Тогда как в базовом своде «Повесть временных лет» (ПВЛ) он упомянут всего раз – в мифе об апостоле Андрее, якобы прошедшем по нему: «Бѣ путь изъ варягъ въ греки и изъ грекъ по днѣпру и верхъ днѣпра волокъ до ловоти. По ловоти внити в ѡлмеръ ѡзеро великое из него же ѡзера потечеть волховъ и вътечетъ в озеро великое нево. Того ѡзера внидеть оустье в море варяжское и по тому морю ити до рима а ѡ рима прити по тому же морю ко црѣюгороду а ѡ црѣюгорода прити в поноть моря в неже втечет днѣпръ рѣка». То есть и в этой изначальной для нашей истории летописи лишь апостолу было под силу пройти из грек в варяги,

но обратно из варяг в греки он вернулся морем через Балтику, Атлантику и Средиземноморье.

✓ Зачем постоянно, упорно, целенаправленно раздувают, словно мыльные пузыри, Хазарский каганат на просторах от Волги до Днепра и Волжскую Булгарию от Ледовитого океана до Аральского моря?

Не для того ли это делается, чтобы русских людей, внимающих вновь сотворённой «исторической географии» их родной земли, лишить моральных прав на неё. Дескать, пусть постепенно забудут о величии Отчизны, сначала на уровне подсознательном, при просмотре «Рюриковичей» и им подобных «шедевров», при прочтении разрекламированного ныне эпоса ПВЛ, который, в общем-то, был одним из множества вполне стандартных эпосов Средневековья о происхождении народов.

Сегодня о большинстве тех эпосов, давно отправленных в глубокие запасники истории, мало кто помнит. Упоминают их лишь как показатель уровня знаний о прошлом в мрачную эпоху деградации наук под клерикальным гнётом, именуемую ныне «Средние века». Но почему-то именно за этот свод, созданный, как отмечал ещё академик А. А. Шахматов, под сильным княжеским и церковным влиянием, так ухватились ещё в XVIII в. немецкие историки Г. З. Байер, Г. Ф. Миллер, А. Л. Шлёцер и их последователи. Не потому ли, что цель таких манипуляций с историей и географией – отказать русским в моральном праве на родную землю, по возможности раздробить и ослабить наше Отечество.

Ведь предмет исторической географии составляет определение территорий, занятых тем или иным народом на относительно длительном промежутке времени.

Она определяет границы государств на разных этапах их развития, торговые и военные пути, а также их опорные населённые пункты. Стоит чуть запутать эту сеть, убрав часть начальных условий, и алгоритм решения задач исторической географии никогда не даст верного ответа. А тогда уже в полном объёме легко использовать методы политики в интересах современных правителей.

Но можно ли окончательно и бесповоротно переписать реальную историю великой страны? Ведь важные исторические события нередко отражены во многих источниках. Ни одна из стран не жила сама по себе в гордом одиночестве, а изменить зарубежные сведения, показывающие те же события со стороны, было сложнее.

Роль важного независимого свидетеля может взять на себя география. Так как ещё со времён архаики, точнее с VI в. до н.э., великие державы мира обзавелись традицией демонстрировать масштабы своих завоеваний и на картах, и в географических сочинениях.

Поэтому цель данного исследования составили анализ и систематизация данных о географии Руси и её окружения не только по отечественным, но также по зарубежным свидетельствам того времени. Для её достижения требовалось решить ряд задач:

1. Систематизировать по времени факты упоминаний Руси и её окружения с учётом до-летописных времён.
2. Рассмотреть противоречия, возникшие при создании истории народов СССР, особенно после его распада.
3. Дать ретроспективный абрис их земель по дошедшим до наших дней пространственно-временным сведениям, учитывая реальные, соответствующие конкретным историческим эпохам единицы измерений.

Самой сложной была последняя из поставленных задач. В своё время А. В. Клименко, приступая к уточнению ранних единиц измерений, справедливо отмечал, что *«изучение трудов древних учёных бывает весьма затруднено, а часто вообще невозможно без установления значений применявшихся в далеком прошлом единиц измерения расстояний. Особенно большие трудности возникают при анализе источников, в которых расстояния выражены в стадиях, фарсах или схенах. Именно поэтому многие вопросы истории геодезии древних и средних веков до сих пор остаются не выясненными»* [Клименко 1977, 85].

Проблема перевода античных данных в современную СИ чаще всего возникала из-за необходимости выбора варианта стадия. Ведь одна и та же римская миля составляла 10 римских, 8 аттических или 7,5 ионийских стадиев. Вавилонская миля соответственно составляла 10 ионийских стадиев и т.д. Но в каких стадиях и милях автор указывал расстояния, надо было ещё догадаться. А ведь были ещё и большой караванный из трёх вавилонских миль и малый пешеходный из трёх римских миль фарсахи Востока, парасанги и схены Юга...

Средние века лишь добавили проблем. Особенно сложно было разбираться с днями пути, где на известные с эпохи архаики дни пути по 10 фарсахов Востока, канонизированные астрономической географией древности, стали накладываться варианты дней пути как разных народов, так даже отдельных путешественников.

Чтобы разобраться в этом метрологическом хаосе, пришлось вводить три принципа своеобразной теории относительности – СТО для исторической географии:

➤ Принцип согласования единиц измерений, позволяющий сравнить измерения разных научных школ, с их своеобразными единицами и системами координат, провести их согласование меж собой и с современной СИ.

➤ Принцип синхронизации исторических событий, взятых из разных источников. Его частое отсутствие донныне осложняет создание точных пространственно-временных моделей отдельных территорий.

➤ Принцип перехода от систем координат (с тремя составляющими x, y, z) к системам отсчёта (с четырьмя учитываемыми параметрами x, y, z, t), введение которых позволяет аккуратно проводить ретроспективный анализ ранней топографии без ложных усреднений единиц измерений разных времён и народов, породивших мифы о неопределённости длин фарсаха или дня пути.

Фантазии по поводу ранних измерений, слабая изученность древней метрологии зачастую имели крайне негативные последствия, приводили к невозможности определения точного местоположения упоминаемых в источниках объектов и псевдонаучному произволу в описании границ стран или областей, а также к заметной активизации исторического мифотворчества.

Дабы по возможности избегать использования недостоверных источников, пришлось ввести новый критерий – «взгляд очевидца», так как лишь сравнение описаний исторических и современных позволяло отсеять мифопоэтические легенды. Ведь нельзя дать правдивое описание местности, если там не был или хотя бы не видел её изображения. Слишком много скопилось разных «Джагфар тарыхы» или «кембриджских документов». Последний (письмо Шехтера), к примеру, якобы повествовал о со-

бытиях X в.: Олег и хазары, но стилем конца XI в. с упоминанием имени Песах, известного только с XIII в., и созданный в XX в. (1902 г.), судя по топонимике и именам. Чтобы не нарушать логику изложения материала, такие фальшивые нарративные источники были пропущены.

Нехватка надёжных документов до-летописных и летописных времён заставила привлечь данные археологии и геологии, позволившие точнее обрисовать земли Древней Руси, туманно показанные в тех скудных обрывках источников, что дошли до наших дней. Для времён, когда землеописания России стали более пространными и многочисленными, основное внимание в этой книге уделено Волге, как становой жиле, первооснове великой страны, как реке, давшей ей имя, но для которой даже документы XVII в. оставили много нерешённых вопросов.

Часть их уже была рассмотрена в моих прежних работах, но для соблюдения последовательности изложения из них были выбраны и вновь процитированы крайне важные, по личному мнению, фрагменты. Тем более что из-за скромных тиражей они мало известны.

К тому же это даёт повод ещё раз выразить мою глубокую благодарность всем коллегам, помогавшим в создании тех книг; передать искреннюю признательность рецензентам и консультантам: д.г.н. В. З. Макарову, д.и.н. А. И. Юдину, к.и.н. А. В. Балановскому, зав. сектором ЗНБ СГУ С. В. Клейменовой; вспомнить добрым словом всегда поддерживавших на этом сложном пути, но, увы, уже покинувших этот мир замечательных саратовских историков и краеведов Е. К. Максимова и Д. С. Худякова, д.г.-м.н. М. Г. Миниха, д.и.н. Н. Я. Мерперта, д.г.-м.н., член-кор. РАН Г. И. Худякова.

II век нашей эры: *Волга – Рось*

«Земля есть книга, где история человеческая записывается в географической номенклатуре», еще в начале XIX столетия отмечал Н. И. Надеждин. Географическая номенклатура Восточной Европы была впервые системно показана в трудах великого географа античного мира Клавдия Птолемея (ок. 100 – ок. 170 г. н.э.), когда в его знаменитом «Руководстве по географии» были собраны воедино сведения о разных странах Ойкумены II в. н.э.

Тот век во многом уникален. С ним совпал так называемый климатический «Римский» оптимум – один из наиболее тёплых интервалов нашей эры. К тому же это было время наивысшего расцвета Римской империи – эпоха правления «пяти хороших римских императоров», когда у власти один за другим были Нерва, Траян, Адриан, Антонин Пий и Марк Аврелий. При них максимально возросли размеры империи.

Но из-за множества их войн в 165 г. в империи разразилась эпидемия. Она началась при осаде города Селевкии и к 180 г. убила согласно подсчетам до 30% населения империи. Не обошла болезнь даже предпоследнего императора, из-за которого получила название Антониновой чумы. Инфекция распозлась по владениям Рима, уничтожив до 10 000 000 человек.

Очевидным плюсом тех войн стало приобретение знаний о народах вокруг империи. Сведения аккумулировала библиотека в Александрии, где и творил знаменитый Клавдий Птолемей. Будущие земли Руси он показал как две Сарматии, Европейскую и Азиатскую, с границей между ними по реке Танаису, ныне Дону.

До наших дней протограф Птолемея не дошел. Наиболее ранние списки его «Руководства», известные нам, относятся к XIII-XIV вв. Карты, приписываемые ему, тоже лишь средневековые реконструкции по координатам списков XIII-XIV столетий. Не зря большинство из них, за исключением реконструкций византийца Максима Плануда (1260-1305) и его последователей, имеет латинскую, а не греческую транслитерацию.

В тех списках и картах названия крупных рек, нередко рождавших названия областей, стран и народов, различаются. Для Днепра это вариации названия *borischnif*, Дон – это уже устоявшееся ко II в. название *thanaif*. Разнятся и впервые возникшие именно в трудах Птолемея названия Волги. Это не только привычная ныне река *Rha*. Даже в латинизированных списках есть также Волга - *Rhaf* (SCITHIA INTRA, 1467г.). На греческом у византийцев это река *ρασ* Максима Плануда (рис. 1) [Urb.gr.82, 92r] XIII в. или *ρας* Никифора Григораса [Urb.gr.83, 80v], XIV в.

Но наиболее любопытна в этом плане краткая анонимная география III-IV вв.! с изложением данных Птолемея, где среди рек, впадающих в Каспий, Волга указана как река *Ρῶς* [Müller 1861, 502]. А так как *ω* читалась как «ο», то, видимо, сам Птолемей Волгу именовал рекою **Рось**. Переписчики за века сменили её имя на Ра.

Рис. 1. Фрагмент реконструкции М.Плануда с рекой ρασ - Волгой

Встает вопрос, а кто были те росы? Археология показывает, что тогда на Волге были распространены в верховьях и Волго-Окском междуречье – Дьяковская, а на Средней и Нижней Волге - Городецкая оседлые археологические культуры. Их носители создавали укрепленные рвами, валами и частоколом небольшие городища на высоких мысах в устьях рек и оврагов. Южные городки последней были в своеобразном симбиозе с кочевой сарматской культурой. Не зря же их пусть и не всегда мирное сосуществование растянулось на столетия.

В том же II веке пришли на Волгу с Дуная и Днепра, расселились здесь и создали Именьковскую культуру носители славянских Черняховской и Киевской культур. Их следы находят поверх Городецких на тех же укрепленных мысах. Эвакуировались ли тогда братья-славяне от наседавших римских легионов или бежали подальше от эпидемии, не ясно. Но на городищах лесостепного правого берега Волги появились с этих времён очень интересные комплексы «гибридной» посуды с гладкостенными, иногда с бугристой поверхностью горшками с защипами по венчику именьковцев, включавшие сарматские и черняховские миски, кувшины и бокалы.

Академик В. В. Седов выделил три волны миграции славян на восток. Последняя и самая мощная из них будет связана с нашествием гуннов IV в. После неё поселения славян-именьковцев, коих ныне известно более 600, стояли уже по обе стороны Волги.

Их маркирующий признак – рожь, хотя кроме земледелия у именьковцев развивались кузнечный промысел, охота, рыболовство. Покойников они сжигали, в захоронениях с разрозненными обгоревшими костями скеле-

та ставили свои лепные сосуды с весьма характерными венчиками (рис. 2).

Рис. 2. Фрагменты венчиков славянских горшков с г-ща с. Сосновка (Саратовская обл., Красноармейский р-н)

А вот их южных соседей – хазар источники покажут поздней, причем вначале не как народ, а лишь как должность. В Сасанидской табели о рангах Ирана появятся должности: «хазарапат» – глава тысяч (тысяцкий), верховный жрец – «магупат», где пат означал верховенство, а сам термин «хазар» это тысяча. К примеру, название книги «Хазар афсане» переводится со средне-персидского – «Тысяча сказок», а известная «Матагдан-и хазар датастан» – «Книга тысячи решений».

Скандинавию Птолемей тогда уже упомянул как остров Сканди(з)у около устьев реки Вистулы (ныне р. Висла), а на нём показал семь племён, но среди них ещё не было ни норманнов, ни варягов. Молчали тогда источники и о булгарах.

III–VI века: «Скифы, они же Росы»

Значительное похолодание (пессимум) эпохи Великого переселения народов, стронувшее с родных мест сначала готов с севера, следом гуннов с заледеневших степей востока, не способствовало дальнейшему развитию науки. Максимум похолодания пришелся на 535–536 гг., когда лета не было совсем. Начался голод. С подвозом зерна из дальних стран в Константинополь пришла чума, названная позднее по имени императора Юстиниановой. Жертвами пандемии на Востоке стало около 66 млн., в Европе около 25 млн. человек.

К этому времени относится легенда, упомянутая Иорданом в его книге по истории готов (гетов) «Getica» середины VI в. о прибытии их с о.Скандзы на трёх кораблях с королем Беригом (у нас Рюриком) и захвате ими селений ульме-ругов, где ульм – это остров. Пятый после Берига король готов Фелимер (у нас Владимир), сын Гадарига (для нас страна Гардарика), пришел и захватил земли Скифии. Причем Скифия Иордана – это вся Восточная Европа. Она *«имеет с востока серов, живущих у самого её начала на берегу Каспийского моря; с запада германцев и реку Вистулу (Вислу – С.К.); с севера она охватывается океаном, с юга Персией, Албанией, Иберией, Понтом и Нижним течением Истра, который называется также Данубием от устья своего до истока»*.

Иордан в VI в. уже знал болгар, бывших тогда в Причерноморье, но о хазарах он пока не слышал. Впро-

чем, Волги у него тоже нет. Видимо, его знания о реках Восточной Европы заканчивались на Танаисе.

В то же время в сирийской «Хронике» Захарии Ритора с амазонками за Меотидой всё же соседил народ **ерос**, он же **рос** в зависимости от добавочного алефа в сирийской транскрипции [Пигулевская 1941, 166]. Но в основном в Византийской империи времён Юстиниана Великого знали лишь ближайших к ним славян – венедов, разделяя их на антов и склавов, периодически нападавших на её земли.

То, что земли по Волге принадлежали тогда росам, показывает и другой, для нас пока анонимный византийский автор. В его схолиях к сочинению Аристотеля «О небе» также использован этноним «рос» применительно к Скифии: *«Мы, говоря, заселяем среднее пространство между арктическим поясом, близким к северному полюсу, и летним тропическим, причём скифы-русь (Σχύθας τοῦς Ρῶς) и другие гиперборейские народы живут ближе к арктическому поясу»* [К сочинению... 1947. № 2, 332].

А ведь именно Волга служила границей Скифии и Сарматии, и именно ее истоки Птолемей указал на Гиперборейских горах, причем в Византии это знали, но с самим народом росов практически не общались. Поволжье, судя по серебряным монетам с именьковских городищ, торговало тогда более с Сасанидским Ираном, но после жесточайшего разгрома той империи уже в следующем столетии её письменные источники погибли.

Сегодня изучение славянских археологических культур (Именьковской, Лбищенской, Славкинской...) на берегах Волги и Камы пока имеет заметный региональный акцент. Доныне в литературе бытует локализа-

ция именковцев в границах Средней Волги, то есть между устьями Оки и Камы. Хотя ещё в работах академика В.В.Седова (1924-2004) их южная граница заходила за Самарскую Луку. Но тогда в Саратове из-за разгона истфака СГУ (2006 г.) было не до славян. Волгоград же датировал свою схожую с именковской керамику VIII-IX вв., поэтому здесь она отнесена к культуре салтово-маяцкой, подаренной хазарам д.и.н. С.А.Плетнёвой.

Волжские славяне, с комфортом разместившись на бывших городищеских поселениях, подновляли те городища или создавали новые, иногда с бастионами типа Лбища. Им сопутствовали также многочисленные селища. Жилые постройки в них были наземные, чаще срубные, заглубленные в землю для утепления.

Славяне первыми на Волге стали активно использовать подсежное земледелие, плуг с железным ральником да железные серпы. Бытовали у них также металлообработка, разведение крупного рогатого скота, рыболовство и охота, в том числе и на ценного пушного зверя.

Судя по найденным на их поселениях драхмам – восточным серебряным монетам, которые местные умельцы почему-то не успели переплавить в свои украшения, здешним славянам не были чужды и дальние торговые связи. Ведь затянувшееся на пять столетий похолодание долго сохраняло стабильный, если не сказать активный, спрос на меха. Видимо, поэтому помимо монет по Волге на север шла ещё и драгоценная серебряная утварь Сасанидов, доходившая в V-VI вв. до лесов Вятки [Кропоткин 1967, 75] на восточной окраине славянского мира.

На западе же славянский мир антов, венеков, склавинов дотянулся до берегов Эльбы и Эгейского моря. В

550 г. славяне, разгромив ромеев у Адрианополя, впервые дошли до Длинных стен Царь-града и с богатой добычей вернулись домой. Позднее, по словам Иоанна Эфесского, «в третьем году по смерти Юстина царя (581 г. – С.Б.) и правление победительного Тиверия - вышел народ лживый славяне. И прошли они стремительно через всю Элладу, по пределам Фессалоники и Фракии всей. Они захватили много городов и крепостей: они опустошали, и жгли, и захватывали в плен, и стали властвовать на земле и живут на ней, властвуя, как на своей собственной» [Свод... 1994, 279].

Венецы. Киевская археологическая культура. III – V вв.
По материалам Курской области и Уссульского клада (Брянская область, Россия).
Реконструкция А.Г. Шпилева. Художник И.Г. Василенко.

Рис. 3. Славяне Киевской археологической культуры (И.Г. Василенко)

Антипатия Иоанна к славянам–язычникам вполне понятна. А вот византийский император Маврикий (582–602 гг.) в своём «Стратегиконе» описал славян в ином ключе: *«Племена склавов и антов одинаковы и по образу жизни, и по нравам; свободные, они никоим образом не склонны ни стать рабами, ни повиноваться, особенно в собственной земле. Они многочисленны и выносливы, легко переносят и зной, и стужу, и дождь, и наготу тела, и нехватку пищи. К прибывающим к ним иноземцам добры и дружелюбны, препровождают их поочередно с места на место, куда бы тем ни было нужно; так что если гостю по беспечности принявшего причинен вред, против него начинает вражду тот, кто привел гостя, почитая отмищение за него священным долгом.*

Пребывающих у них в плену они не держат в рабстве неопределенное время, как остальные племена, но, определив для них точный срок, предоставляют на их усмотрение: либо они пожелают вернуться домой за некий выкуп, либо останутся там как свободные люди и друзья. У них множество разнообразного скота и злаков, сложенных в скирды, в особенности проса и полбы. Жены же их целомудренны сверх всякой человеческой природы, так что многие из них кончину своих мужей почитают собственной смертью и добровольно удушают себя, не считая жизнью существование во вдовстве. Живут они среди лесов, рек, болот и труднопреодолимых озёр, устраивая много, с разных сторон, выходов из своих жилищ из-за обычно наступающих их опасностей...» [там же, 369].

Масштаб расселения славян при взгляде на карту их распространения, в общем-то, не удивителен. Шла эпоха Великого переселения народов. В то время схватка где-

то далеко в Средней Азии эфталитов с тюрками за Согдиану с Бухарой, к примеру, рождала в самом сердце Европы агрессивный Аварский каганат с соответствующими перемещениями всех соседствующих народов. Причем авары, они же летописные наши обры, то со славянами воевали, то в союзе ними обрушивались на ромеев, угрожая великому Константинополю. А дошедшие по следам авар предгорьями Кавказа до Тавриды тюрки, с ходу взяв Боспор, уже под стенами Херсонеса сражались.

Но среди этого хаоса почти непрерывных войн по-прежнему сохранялась крупная область стабильности славянского мира на реке Рось – Волге. Здесь под защитой могучих лесов, граница коих из-за длительного похолодания сместилась далеко на юг, славяне могли спокойно процветать и благоденствовать.

Не зря же на их городищах найдены разнообразные монеты дальних стран [Зайковский 1926, 42-50; Богачев и др. 2013, 128, 154, 163]. И видимо, не зря сложная система фортификации отмечена всего на 8 из 96 изученных славянских городищ 2-3 четверти I тыс. н.э. по Волге с Камой: на Самарской Луке это Лбище, Переволокское, Стенькин Городок и Кармалинское, в Закамье – Девичий городок, в Заволжье – Урнякское, в Предволжье – Большетарханское и в Посурье – Ош-Пандо Моргинское. Лишь на них отмечены сложные фортификационные земляные сооружения из нескольких рядов валов и рвов, эскарпированных краёв оврагов, башен, бастионов [Богачев и др. 2013, 122]. Причём самая мощная фортификация отличает наиболее ранние из них. Это 9 бастионов Лбища, павшего при нашествии гуннов, Переволокские укрепления IV века, Стенькин городок той же эпохи...

Византийским логографам эти земли были мало интересны. Их занимали только свои проблемы. Всё, что можно узнать о них в VI в., сконцентрировано в паре строк Прокопия Кесарийского: *«Над саганами сидит множество гуннских племен. Страна, что оттуда, называется Эвлисия, и варварские люди занимают как ее приморье, так и внутренние области, вплоть до озера, называемого Меотида, и реки Танаис, которая впадает в озеро. А само озеро несет свои воды к берегу Понта Эвксинского. Люди же, которые там живут, в древности именовались киммерийцы, а теперь называются утигурами. А за ними, еще выше к северу, сидят бесчисленные племена антов»* [Свод... 1994, 201, выделено С.Б.].

К счастью топонимы, сопряжённые с бесчисленными племенами антов, близки к названиям перипла, то есть ранней лоции, Чёрного моря Псевдо-Арриана V в. н.э. Данные лоции позволяют понять местонахождение тех народов. Ведь саганы VI в. сопоставимы с санными V в.: *«мне кажется, что этот народ – санны. Они ведь и весьма воинственны еще донныне, и весьма враждебны трапезунтцам, и живут в укрепленных местечках, и не подчинены царям. <...> До этого места простирается Понтийское царство варваров в Тибарении, Саннике и Колхиде, а соседние области принадлежат автономным варварам»* [Псевдо-Арриан / Латышев 1948, № 4, 230].

И Санника, и санны, соседствующие с Колхидой, указывают на восток – земли между Черным и Каспийским морями. А страна Эвлисия Прокопия из Кесарии, это, видимо, Эвдусия перипла Псевдо-Арриана, бывшая Синдика, ныне окрестности Анапы. Озеро Меотида, как известно, ныне Азовское море, а Танаис – река Дон.

Жаль, что ромеи знали лишь размеры своей страны. Но и по ним видно, как широко раскинулись земли славян от склавов Запада у устья Истра-Дуная до антов Востока, живших к северу от утигуров Предкавказья (рис. 4). Особенно если вспомнить дни пути всё того же Прокопия, измерившего в них берега Византии по Черному морю:

«Местности же вокруг Понта Эвксинского, простирающегося от Византия до Меотийского озера, описать все точно невозможно, так как из-за варваров обитающих к северу от Истра, называемого Данувием, этот берег совершенно недоступен для римлян. Известно только, что расстояние от Византия до устья Истра составляет 22 дня пути, причем исчислять его следует так, как это делается по отношению к Европе. Со стороны Азии, если считать от Халкидона до реки Фасис, которая, вытекая из пределов колхов, впадает в Понт, расстояние равно 40 дням пути. <...> Один день пути равен 210 стадиям. Таково расстояние от Афин до Мегары» [Прокопий К. 1993, 88-89]. То есть до Истра считалось 4620 ст. (856 км), а до Фазиса 8400 ст. (1555 км).

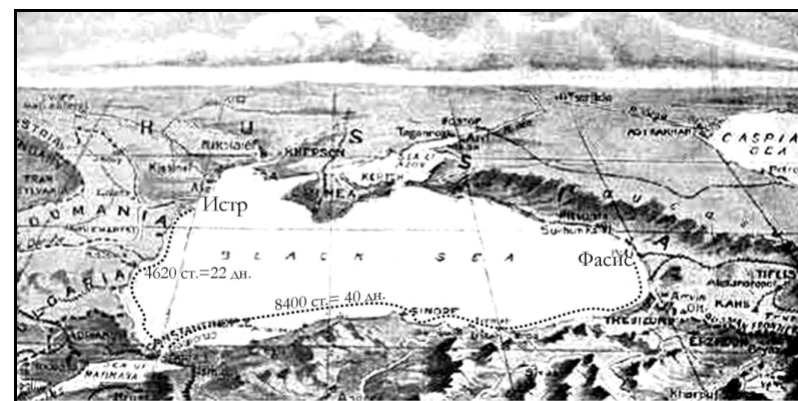

Рис.4. Интервалы Прокопия до Истра 22 дн. и Фазиса 40 дн. (пунктир)

VII век: *великие мореходы*

А значит, Прокопий Кесарийский широким жестом всё Предкавказье отдал кочевникам утигурам, а земли к северу от них славянам-антам, что, кстати, неплохо совпадает с данными археологии с её именьковской керамикой на мысовых городищах Волги и Дона.

Насколько продвинутыми были те восточные анты в морском и военном деле, показала «История» Агафия Миринейского. Ведь некоторые из тех славян воевали в составе византийских войск всё там же на востоке, на пограничной согласно Прокопию, реке Фасис (совр. Риони): *«Чтобы эти находящиеся на реке корабли ни в малейшей степени от кого-либо не пострадали, Дабрагез, ант, таксиарх, и некий гунн, лохаг именем Элмингир, – так вот, они, по приказанию стратегов, разместив на десяти каких-то кораблях с двойной кормой воинов из постоянно подчиненных им отрядов и пройдя как можно выше, охраняли бдительно...»* [Свод... 1994, 295].

То, что в этих отрядах сражались и другие славяне, рассказывает последующий фрагмент «Истории»: *«...И прежде чем они стали приближаться и прятаться, некто именем Сваруна, славянин, бросает копье в более уязвимого и поражает его насмерть»* [там же, 297].

Офицерский чин варвара анта – таксиарх вполне объясним, так как анты были союзниками Византии с 545 по 612 гг. [Свод 1995, 63]. И хотя наличие земель этих антов как минимум к северу от Переволоки между Волгой и Доном никак не вписывается в современную теорию великого Хазарского каганата, но в VI веке тысяцкие, они же хазары, владели лишь своими личными уделами. Впрочем, тех уделов могло быть немало из-за частой смены власти в дряхлевшей державе Сасанидов.

Начало VII века, казалось бы, тоже не предвещало славянам Поволжья никаких новых бурь. Жестокие войны, как и прежде, полыхали где-то далеко на юге. Потому в документы первой трети столетия попали лишь народы, уже побывавшие ранее в огне сражений.

Тогда очередной этап затянувшихся ирано-византийских войн, начавший в 602 г. с убийства императора Маврикия, привел под стены Константинополя не только персов Хосрова Великого, дошедших до самого Босфора, но также авар и славян Причерноморья. Любопытно разделение сил той коалиции. Славяне почти повсеместно выполняли функции как легкой пехоты, так и перевозчиков через водные преграды, независимо от того, шла ли речь о реке, проливе или море.

То, что славяне в VII в. были уже искусными мореходами, подтверждает лично видевший штурм Константинополя в 626 г. Феодор Синкелл: *«Ведь славяне приобрели большой навык в отважном плавании по морю с тех пор, как они начали принимать участие в нападениях на ромейскую державу»* [Свод... 1995, 85].

Размеры славянских судов, которые ромеи презрительно называли «моноксилами», то есть однодеревками, показал Феофилакт Симокатта, отметивший, что для переправы через реку использовалось 150 лодок с 30 гребцами, а это по 5 человек на судно, видимо, четверо на веслах и один у руля. Причем перевезли тогда те мо-

ноксилы 3000 воинов, то есть по 20 пассажиров в полном вооружении на одну лодку [там же, 23-25].

Подробнее корабли славян при морской осаде города Фессалоники показал местный архиепископ Иоанн, очевидец тех событий начала VII века. С его слов следует, что у славян при нападении были разные суда, причем основную роль играли не мелкие долблѣнки, а реальные морские ладьи. Ведь из описания попытки славян прорваться в город со стороны гавани видно, что они понадеялись на попутный ветер, а значит их «моноксилы» имели паруса. Иоанн отметил, что славяне покрыли свои суда сверху досками для защиты от камней и стрел горожан, но при этом внутри оставались гребцы, а такое защитное сооружение могли нести только ладьи, а не маленькие долблѣнки [там же, 193]. И лишь на таких судах славяне могли совершать дальние морские рейды, ведь Иоанн упомянул намерения славян «*опустошить всю Фессалию и острова вокруг нее и Эллады, еще и Кикладские острова, и всю Ахайю, Эпир и большую [часть] Иллирика и часть Азии*» [там же, 125-127].

Впрочем, планам тем не суждено было сбыться. Смена в VII в. градиента температур с долгого падения на заметный их рост сменила и направление вектора движения народов, положив начало эпохе великих арабских завоеваний. Уход пророка Мухаммеда с приверженцами в 622 г. из южной Мекки в северную Медину был лишь началом тренда – общего исхода аравийских племен с постепенно раскалявшихся пустынь на север.

К середине VII столетия арабская конница поглотила Иран Сасанидов, охватив с обеих сторон южное побережье Каспийского моря. Под давлением арабов заметно

сократились и владения Византии в Причерноморье. А на северо-западе Прикаспия в эпоху арабской экспансии появилось новое государство. Тогда под натиском арабов сасанидские «тысяцкие», что на языке пехлеви звались хазарами, все далее отступали на север.

В 643 г. из-за предательства одного из них, Шахриара (Шахрбараза других источников), пали крепостные твердыни Дербента, созданные Хосровом Великим: «*В Баб-ал-Аббабе находился тогда царь, по имени Шахриар, который пошел к Абдуррахману обратно, заключил мир с тем, чтоб не платить дани (арабам) и сказал следующее: «Я нахожусь между двумя врагами, один – Хазаре, а другой Русы, которые суть враги целому миру, в особенности же Арабам, а воевать с ними, кроме здешних людей, никто не умеет. Вместо того, чтоб платили дань, будем воевать с Русами сами и собственным оружием и будем их удерживать, чтоб они не вышли из своей страны. Считайте это нам данью и податью»* [Ат-Табари/ А.Я.Гаркави 1870, 74-75].

Как ни странно, но арабов устроил этот своеобразный вариант выплаты подати. Договор был заключен. И арабы смогли продолжить свои завоевания. Пока их интересовали лежавшие севернее земли Беленджера, до которого арабы с боями дошли к 653 г. А вот далее их наступление на север захлебнулось, столкнувшись с ожесточенным сопротивлением не только хазар, но и обитавших здесь кочевников, названных Прокопием утигурами. Впрочем, и попытки хазар позднее взять реванш тоже не увенчались успехом.

Десятилетия непрерывных боевых действий у северо-восточных отрогов Кавказских гор немало поспособст-

вовали кристаллизации нового государства – Хазарско-го каганата, сплотившего ушедших на север военачальников и беженцев из Сасанидского Ирана с местным населением. Тем более что Западный тюркский каганат, в который входили земли Северного Прикаспия, из-за китайской агрессии к середине VII в. прекратил существование, а последний тюркский каган в 659 г. умер в китайском плену.

Видимо, поэтому тогда на его западных окраинах появились два известных по источникам следующих столетий новых каганата: хазар и русов. А вот более ранние упоминания о кагане хазар времён Хосрова Великого из недошедшей до нас книги Ху(ва)дай Намак в арабском переложении Ибн Мискавейха X в. и из компиляции ат-Табари IX в., которые часто упоминают ныне «хазароведы», представляются бездоказательными.

Во-первых, из-за отсутствия этого сюжета в Шахнаме – переложении Худай-Намак. Во-вторых, из-за того, что сравнить исчезнувший источник с его переводами IX-X вв., увы, невозможно. В-третьих, тюрки вряд ли бы допустили подобные вольности на контролируемой ими территории, достаточно вспомнить раннюю историю аварского каганата. Совсем другое дело – середина VII столетия. Тогда прежние так называемые великие государства рассыпались буквально на глазах.

В самом начале века распался надвое гигантский Тюркский каганат, от Китая до Херсонеса Таврического дотянувшийся, а в середине этого столетия исчез и его западный наследник. Тогда же под копытами победоносной арабской конницы погиб великий Иран Сасанидов. И примерно в это же время со смертью хана-основателя

рассыпалась и Великая Булгария Кубрата (605-665 гг.?) в Приазовье, оставив о себе память лишь в виде ценностей Перещепинского клада из ханского погребения (рис. 5).

Рис. 5. Перещепинский клад из могилы хана Кубрата (?)

Само захоронение находилось под одной из множества песчаных дюн даже без кургана. В комплексе не было ярко выраженных маркирующих признаков его племени. Лишь по монограммам колец удалось узнать вероятную принадлежность богатого погребения (рис. 6).

Рис. 6. Перстни хана Кубрата с монограммами

Хотя странная смесь иранских и византийских сосудов, ритонов и чаш, грубо спаянные в ожерелья монеты, а также оружие позволяют и поныне вести дискуссии на

тему определения личности, захороненной в VII в. на Полтавщине, как и о том, почему погребение оказалось так далеко к северу от земель Булгарии Кубрата. Впрочем, тогда многие племена кочевых народов из-за продолжавшегося роста высоких температур смещались с привычных мест своего обитания и уходили на север. Мягкие зимы в Восточной Европе позволили части племён той рассеянной к VII в. Болгарии Кубрата, уйдя из Приазовья из-за начавшихся там тяжелых засушливых лет, занять земли аж между Камой и Волгой.

Там из-за появления кочевников анты-славяне, столетиями мирно дотоле жившие по берегам Волги – своей древней Руси, причём многие в ничем не укрепленных селищах, были вынуждены сниматься с мест или защищаться. Их привычная мирная жизнь заканчивалась. Проблемы раздела земель добрались-таки и до этих окраин Ойкумены, ведь название анты так и переводилось с индоиранских наречий, господствовавших на Нижней Волге ещё со времён сарматов, как внешние, крайние, жившие у границы или какого-то предела [Седов 1988, 79]. Видимо, тогда им вновь предстояло раздвинуть свои пределы, благо климат становился заметно мягче.

К сожалению, разобраться с этими пределами пока достаточно трудно. Во-первых, потому что погребения славян, использовавших кремацию, крайне сложно находить, и ещё сложнее их датировать. Во-вторых, из-за полного отсутствия нарративных источников для этих земель, что даёт возможность разгуляться фантазиям представителям разных национальных научных школ. Достаточно взглянуть на карты-реконструкции современных «хазароведов» (рис. 7) и «булгароведов» (рис. 8).

Рис. 7. Вид Хазарии Э.Д.Зиливинской [https://mhealth.ru/life/leisure/arxeologicheskie-tajny-mn-ishchet-stoliczu-xazarskogo-kaganata/]

Рис. 8. Карты Булгарии, слева ХЛьюиса, справа А.А. Бушкова

Так, представитель «хазароведов» Э.Д.Зиливинская на сайте <https://mhealth.ru/life/leisure/arxeologicheskie-tajny-mn-ishchet-stoliczu-hazarskogo-kaganata> показывает облик Хазарского каганата в рамках концепции 1999 г. К. А Brook. По их мнению, Хазария владела не только всей Нижней и Средней Волгой, но и Доном, и Днепром. Тогда как на картах «булгароведов» перед нами встречающаяся волна экспансии, где уже Болгария раскинулась от Баренцева и Карского морей до Каспия и Арала (см. рис. 7, 8).

Складывается впечатление, что современные почитатели Торы и Корана затеяли яростную борьбу между собою за максимальный рост подведомственных их конфессиям земель. Хотя сим фантазиям противоречат подлинные географические данные, причём не только ат-Табари, но и географов последующих столетий. Но в пылу полемики наши «научные» школы с национальным уклоном окончательно забыли о том, что в Средние века Понизовье Волги и Дона называли Русскою рекою. Запомнили они и о сильно пугавших всех русах, из-за коих арабы от податей Дербента отказались. Зареклись вспоминать они и о самом Русском каганате.

Не зря это раннее упоминание русов ат-Табари подвергалось жёсткой критике. Ведь его автор был родом из Табаристана. Он знал о трёх налётах русов IX-X вв. Ибн Исфандийара, и ему пытались приписать подмену более ранних русских нападений на Табаристан современными для него битвами. Но надо отметить, что ат-Табари был очень аккуратным учёным, и грамотно различал времена и этносы. Например, в описании войн Марвана VIII в. он использовал уже термин славяне, а не русы, что говорит о его скрупулёзной работе с информацией.

VIII век: *арабы о землях Севера*

Знаменитые походы на Кавказ будущего арабского халифа Марвана II (688-750) с захватом в плен тысяч славян отражены не только в трудах ат-Табари, но также у Ибн Хайата, ал-Балазури, ал-Куфи и других. Это позволяет сравнивать их описания.

Наиболее раннее описание оставил творивший в середине IX столетия Халифа ибн Хайат (около 777-854). Описывая походы Марвана, он тоже писал не о русах, а о славянах: «Сказал Абу Халид со слов Абу-л-Бара'а: *«Пошел Марван в 114 году в поход и, пока не перешел реку ар-Р.мм, убивал, угонял в плен и совершал набеги на ас-сакалиба»* [Русская река 2007, 160].

Учитывая время создания его «Истории», когда исламский мир с лёгкой руки халифа аль-Мамуна целиком погрузился в изучение Птолемея, река *ар-Р.мм*, вероятно, взята Ибн-Хайатом из «Руководства по географии» великого географа античности. Реку Румми (руцци лт.) Птолемей помещал между реками Урал (Даикс) и Волгою (Рось), именуя так текущие между ними древние Узени.

То есть конница арабов, по его мнению, промчалась в 114 г. Хиджры (732-733 г.) ровным левым берегом Волги, совершая набеги на славян Поволжья. Но как только она сместилась восточнее, брать в плен там стало некого. Последующие перечисленные им набеги арабов под руководством всё того же талантлившего полководца Марвана ибн Мухаммада были уже к западу от Каспийского моря:

117/735 г. «В этом году Марван ибн Мухаммад, который был правителем Арминии и Азарбайджана, отправил два отряда в горы ал-Кабк (Кавказ – С.Б.). Один из этих отрядов завоевал три крепости аланов, а другой отряд напал на туман-шаха, и туман-шах подчинился власти Марвана ибн Мухаммада».

В 118/736 г. «Марван ибн Мухаммад предпринял поход из Арминии. Он прошел в землю В.р.т.ниса по трем проходам. В.р.т.нис бежал к хазарам, покинув крепость, а Марван поставил против нее катапульти. Жители Х.мрина убили В.р.т.ниса и послали его голову Марвану. Марван поставил голову, показывая ее жителям крепости, и они подчинились его приказу. Он уничтожил тех, кто сражался, и увел в плен детей».

В 119/737 г. Марван «предпринял дальний поход из Арминии. Он проник в ворота алан (Баб ал-Лан), прошел землю ал-Лан, затем вышел из нее в страну хазар и прошел Баланджар и Самандар и дошел до ал-Байд'а, в которой пребывает хакан. Хакан бежал».

В 121/738-39 г. Марван «подошел к крепости «дома Трона» (байт ас-Сарир), убивал и захватывал пленных. «Затем он пришел к другой крепости, где убивал и брал пленных...» [Бейлис 1998, 43-44].

Так как Халифа ибн Хайат ещё мог расспросить последних очевидцев тех походов, у нас больше оснований доверять именно ему. Потому весьма любопытно упоминание им славян (ас-сакалиба) на Нижней Волге в 732 году. Хотя в эпоху основания Дома мудрости в Багдаде и широкого внедрения в науку стран ислама воззрений Птолемея, а именно тогда Ибн Хайат трудился над своей «Историей», под ас-сакалиба могли подразумеваться не

реальные славяне VIII столетия, а скифы Птолемея. Ведь Левобережье Волги попадало на карту Внутренней Скифии. Славяне тогда считались потомками скифов, были для ученых арабского и византийского мира идентичны.

Ещё более запутан вопрос с захваченными Марваном славянами у ал-Балазури (около 820–892) и у Ибн А'сама ал-Куфи (?–926). Ал-Балазури объединил походы и взятых пленных в лаконичной реляции: «После него был назначен Мерван ибн-Мухаммед, который расположился в Кисале и построил в нем город, в 40 фарсах от Берда'ы и 20 от Тифлиса. Потом он вступил в землю хазар со стороны Алленских ворот, а Асиду ибн-Зафиру сулямиту и Абу-Язиду с бывшими с ним царями гор, он приказал вступить со стороны ал-Баб-у-ал-абваба. Мерван набросился на находившихся в земле хазар славян и взял в плен 20 000 семейств, которые поселил в Хахите. Позднее (эти славяне), убив своего вождя, убежали, но (Мерван) настиг их и перебил» [Жузе 1927, 18-19].

А вот творивший в начале Хв. Ибн А'сам ал-Куфи показал поход Марвана уже в соответствии с представлениями своего времени. Тогда арабская география начала интересоваться междуречьем Волги и Дона. Не потому ли у него впервые в арабской географии появляется загадочная река славян: «после того войска выступили и вскоре достигли города ал-Байда, в котором пребывал хакан, царь хазар. <...> Хакан стал убегать от Марвана и вскоре добрался до гор. <...> Марвану и мусульманам в стране хазар сопутствовал успех, и они достигли земель, расположенных за Хазарией. Затем они совершили набег на ас-сакалиба и на другие соседние племена неверующих и захватили из них в плен 20 000 семей. По-

сле этого они пошли дальше и вскоре добрались до реки славян (нахр ас-сакалиба)» [Русская река 2007, 159]. Но понять такое описание без измерений сложно. В научные труды пора было возвращать математические методы.

Те же проблемы были и у византийских учёных. Например, согласно «Хронографии» византийца Феофана (760-818 гг.) Восточная Европа выглядела следующим образом: «В северных, противоположных частях Эвксинского Понта, у озера, называемого Меотидой, в которое впадает величайшая река, стекающая от океана по земле сарматов и называемая Атель, в которую впадает река, называемая Танаис, сама вытекающая от Ивирийских ворот, что в Кавказских горах, а от слияния Танаиса и Ателя выше уже названного Меотидского озера, когда Атель разделяется, течет река, называемая Куфис, и впадает в край Понтийского моря поблизости от Некропил у мыса, называемого Баранья морда» [Чичуров 1980, 60].

Если вспомнить, что в античное время Эвксинским Понтом называлось Чёрное, а озером Меотида Азовское море, а величайшая река Атель, в которую по Феофану впадал Танаис, были Волга с Доном, перед нами очень занятная картина (рис. 9). Она уже не похожа на карты Птолея (см. рис. 1), рождая законный вопрос, откуда взялась? Ведь река Танаис от Ивирийских ворот, что в Кавказских горах это никак не Дон. Да и Волга уже не Рось или Ра Птолея, а река Атель. Они и указывают на источник. Танаис мог вытекать с Кавказа только для хазар, где водная система притоки Маныча–Маныч–низовья Дона в VIII в. была в зоне влияния их скромного каганата, который Марван за сезон проходил и туда, и обратно.

В начале этого столетия хазары активно контактировали с Византией: Юстиниан II женился на сестре кагана, в крещении Феодоре; а Константин V в 732 г. женился на дочери кагана Чичак, в браке Ирине, так как у них был прежний общий враг – Арабский халифат. Потому о хазарских реках Атель и Танаисе с Кавказа, Феофан мог узнать непосредственно при дворе василевса.

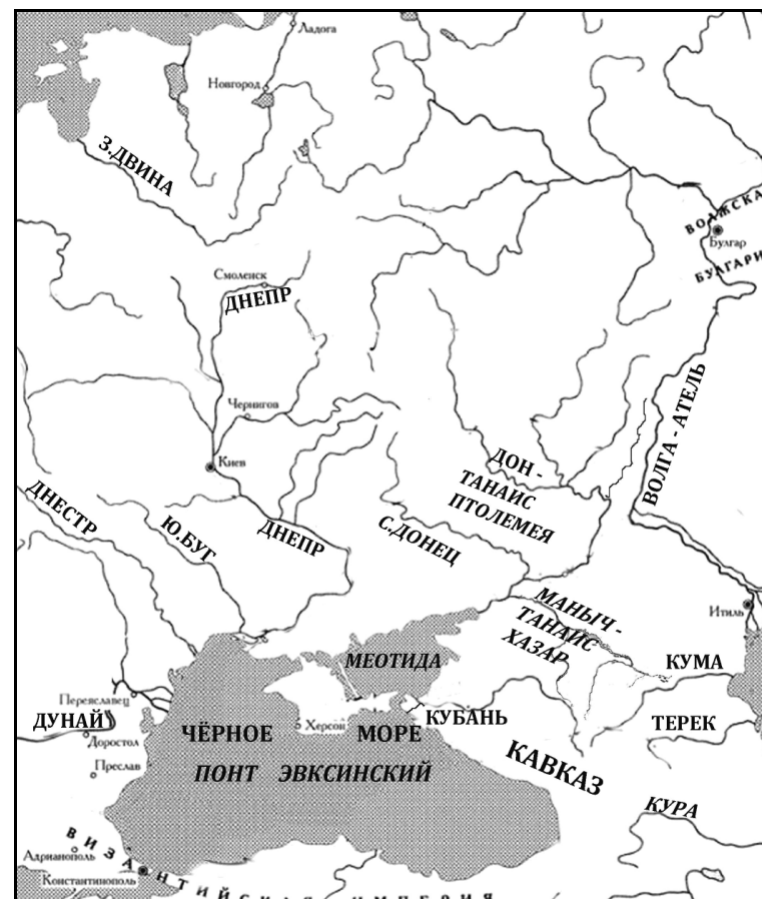

Рис. 9. Гидросеть Восточной Европы, упомянутая Феофаном

Но грамотно показать даже Хазарский каганат Феофан не мог опять же из-за отсутствия простейших математических измерений. Поэтому из его описания видно лишь то, что зона влияния Хазарии была относительно невелика, ограничивалась зоной Предкавказья и не доходила даже Волго-Донской Переволоки. Ведь вне земель между низовьями рек Атель и Танаис, за территорией этой скромной Хазарии перед нами явный вымысел. Стекавшая *от океана* по земле сарматов река Атель, её деление надвое и устья в Азовском и Каспийском морях хазары позаимствовали, видимо, с описаний шедших вдоль рек чьих-то торговых путей.

Но самим хазарам эти торговые пути были, увы, не ведомы, впрочем, как и византийцам, иначе зачем им хазар цитировать? О том же говорит и монетный византийский материал VIII в., который крайне скуден в интересующей нас части Восточной Европы, сосредоточен в основном по Черноморскому побережью Крыма и Кавказа [Кропоткин 1962, карта 5].

Следуя традициям XVIII-XIX вв., можно было бы предположить, что это были пути викингов конца VIII столетия. Но тогда эпоха их завоеваний едва-едва началась. Поэтому о какой-то их торговле говорить было рано. Да и чем тогда они могли здесь торговать?

Хотя *от Океана* торговый путь на юг всё же был. Это был путь так часто упоминаемых арабскими учёными славян, соседей Хазарского каганата. Не зря же керамика славян с её характерными защипами или насечкой по венчику, удивительно похожая на сосуды именьковских городищ V-VII вв. близ Камского устья и Самарской Луки, встречается также в погребениях Саратовской и Волгоградской областей (рис. 10).

Рис. 10. Сосуды славян из музеев краеведения Саратова и Волгограда. Раскопки у с. Петрунино вблизи г. Камышина на полпути меж Саратовом и Волгоградом помогли датировать эту керамику (рис. 11) по сопутствующим монетам VIII в.

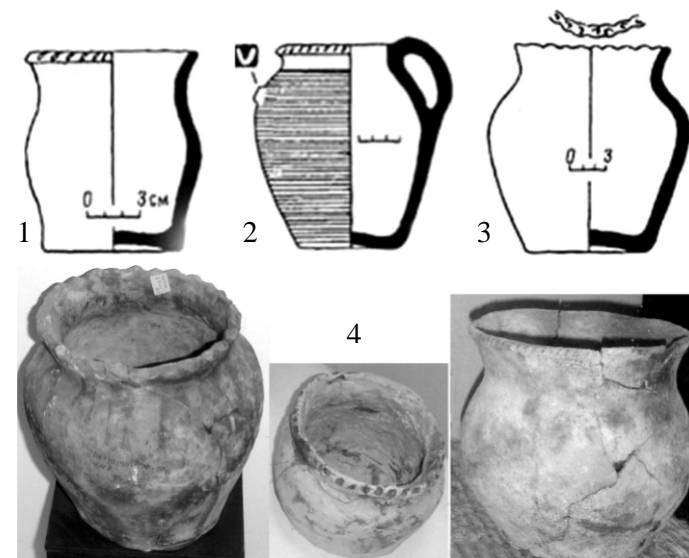

Рис. 11. Сосуды VIII в. из Петрунино. Прорисовка Е.В.Круглова: 1- лепной с косою насечкой, 2 –гончарный (№13 с солидом), 3 – лепной с защипами (№7 с дирхемом), 4- снимки сосудов славян в КИКМ

Судя по этой датированной монетами керамике, славяне с Волги познакомились с салтово-маяцкой культурой Дона уже во второй половине VIII в., то есть в момент её зарождения. Ведь здесь у Камышина в соседние погребения попали гончарный сосуд салтовцев и лепной именковцев (см. рис. 11), датированные монетами одного времени – второй половины VIII в.

Складывается впечатление, что продолжительная арабская экспансия на Кавказе вынудила часть населения Алании, Сарира и соседних с ними земель уйти с мест исламской агрессии в вольные степи, где на укрепленных мысах рек и речушек высились небольшие славянские городища и селища. Славяне могли поделиться с беженцами ценным опытом ведения хозяйства в условиях суровых зим и летних засух, южане – навыками в создании гончарной керамики, в поисках и обработке металла, а также в возведении крепостей, дабы не терять по 20000 семей при жестоких набегах арабов и хазар.

Так находит объяснение и странная смесь керамики в междуречье Волги и Дона VIII в., и зарождение уникальной салтово-маяцкой культуры с её непривычными для славян катакомбными погребениями, свинцовыми пряслицами из металла с месторождений Донецкого края, с белокаменными крепостями для защиты от набегов с юго-востока, вставшими по правому берегу Дона.

Хотя славяне тоже умели создавать не только земляные и бревенчатые, но и каменные крепости. Ещё в начале VIII в. они дошли до берегов Ладожского озера и возвели в устье реки Волхов каменно-земляную Любшанскую крепость почти напротив Земляного городища Старой Ладogi, в то время населённого выходцами

из Северной Европы. В 760-е гг. это поселение скандинавов было разрушено и тоже заселено славянами. Выход к *Океану* был уже не только открыт, но и надёжно защищён. Именно славяне с 780-х гг. развернули в Старой Ладoge ремесленные производства, в частности, дивных глазковых бус, аналоги которым были найдены также у самых первых крепостей по Волге и Дону.

Археологи, исследуя самые ранние города на том торговом пути *«по величайшей реке, стекавшей от океана по земле сарматов и называемой Атель»*, выявили, что базисом накопления богатств восточных славян были меха. Тех славян по их главной реке по-прежнему называли росы или русы. Именно они выменивали у окрестных охотничьих племён меха на бусы, используя схему тройного обмена: бусы – меха – серебро, шедшее с Востока по Великому Волжскому торговому пути:

«В обмен на привозные товары, в частности бусы, русы получали, скорее всего, пушнину. Приобретенные меха везлись в Великие Булгары, где русы продавали их арабским купцам, требуя от них взамен по свидетельству Ибн-Фадлана только арабское серебро. А полученное серебро вывозилось русами в страны Западной Европы, лишённые собственного серебра – Швецию, Норвегию и Польшу. По данным нумизматов, до конца X в. здесь получали его с востока при посредничестве русов и были кровно в этом заинтересованы. <...>»

Арабы везли меха в города Саманидского государства Средней Азии, а оттуда в отдаленнейшие места Аббасидского Халифата вплоть до Испании и Северной Африки. Круг замыкается. Наличие тройного обмена: бусы и другие товары – меха, меха – серебро, серебро – бусы и

другие товары могло бы объяснить причины заинтересованности в торговле бусами всех участвовавших в ней лиц. Одни приобретали восточное серебро в обмен на бусы или сырье, другие – бусы в обмен на меха, третьи – меха в обмен на серебро. Наибольшую выгоду от такой торговли должны были получать русы, в руках которых оставались излишки серебра, образовавшиеся в результате неэквивалентного обмена бус и других товаров на меха и продажи последних. <...>.

Проходившая по северным районам Восточной Европы торговля стала причиной формирования не только Ладожского городища, но и других многочисленных торговых поселений IX–X вв., расположенных на торговых путях из Ладоги к Средней Волге, причиной становления Северной Руси» [Львова 2008; Кирпичников 1986, 199–225].

Можно дополнить данные с севера данными с юга, по созданию таких же бус на Увекском городище: «кроме гончарного производства, некоторые находки на Увекке заставляют предполагать здесь существование производства разноцветных бус из непрозрачного стекла. Бусы в готовом виде здесь находят в неисчислимом количестве. Но помимо сего, здесь же бывают находимы куски разноцветной смальты, еще не переделанной в бусы. Куски эти встречаются черного (всего более), синего и желтого цвета, а один кусок был найден красноватого цвета, как красно-бурый сургуч» [Кротков 1915, 13].

Учитывая, что это городище на Нижней Волге упомянет как крепость уже в следующем IX в. сам великий аль-Хорезми, перед нами, судя по всему, проступает абрис Великого торгового пути русов от Волхова до южных морей, контуры таинственного Русского каганата.

Не зря, видимо, его великий предшественник, Мухаммад ибн Ибрахим ал-Фазари, живший при дворе халифа ал-Мансура (754–775) и создавший в конце VIII в. знаменитый «Синдхинд», изначальный базис арабской астрономической географии, указал **область славян 3500 на 700** фарсахов [Свод 1995, 510] при размере фарсаха около 6 км. Эта область по площади уступала лишь Китаю и Индии, но превышала отнюдь не маленькую в ту эпоху Византийскую империю при её размерах 5000 на 420 фарсахов, раскинувшуюся от Гибралтарского пролива до верховьев Тигра и Ефрата.

А вот даже **общее** владение Хазар и Алан тогда не превышало **700 на 500** фарсахов [Гаркави 1870, 9], то есть по длине было **в пять раз!!!** менее протяжённости славянских земель. В свете этих подлинных математических данных гигантское пятно Хазарии, размазанное от берегов Днепра до Арала К. А. Врук и Э. Д. Зиливинской (см. рис. 7) выглядит, мягко говоря, нелепо.

То же самое можно сказать и о современных картах Волжской Булгарии А. А. Бушкова и Х. Льюиса (см. рис. 8). Ведь ал-Фазари указал лишь область бурджан, то есть болгар, живших на Дунае: 1500 на 300 фарсахов [там же]. Волжскую Булгарию он проигнорировал, так как указывал лишь страны, чья длина превышала несколько сотен фарсахов. Самым скромным по размеру им показано владение Кабул-Шаха – 400 на 60 фарсахов.

Независимое мнение ал-Фазари – весомый аргумент в спорах о принадлежности салтово-маяцкой культуры и размерах области расселения славян, коим, пока города хазар ал-Байда, Самандар и Беленджер были лишь в предгорьях Кавказа, ничто не мешало плавать хоть до Каспия.

IX век: башни Волги и Дона

Пленение 20000 семей славян у границ Хазарии должно было привести к их оттоку с низовьев Волги. А так как свято место пусто не бывает, то исход одних открыл дорогу другим, и неожиданным следствием арабо-хазарских конфликтов стало расширение земель и рост богатств каганата. Взятие Беленджера, а потом «ал-Байда, в которой пребывал хакан» заставили хазар укрыть свою новую столицу среди протоков волжской дельты, где они получили контроль и свои 10 % с каждого проходившего по Великому Волжскому пути судна.

Так показал ситуацию IX в. глава почтового ведомства Арабского халифата Абу-ль Касим ибн Хордадбех (около 820–912 гг.) в своей «Книге путей и стран». Несмотря на высокий чин, о северных землях Ибн Хордадбех знал не много. В его книге лишь титулы правителей: «Владыка ар-Рума, которого простонародье называет Кайсар, – Басил (цезарь и базилиус соответственно – С.Б.). Все владыки тюрок, тибетцев и хазар – хаканы, <...>, владыка ас-Сакалиба – князь» да лаконичные данные о ближайших к Халифату соседях. Из их владений наиболее пространно дано описание земель ар-Рума (Византии), для которой он перечислил византийские провинции – фемы и пути, указал размеры Босфора. В Хазарии ему были известны города Хамлидж, Баланджар и ал-Байда к северу от укреплений Баб-ал-Абваба (Дербента).

Русов он ясно указывает как один из видов славян: § 73: «что касается купцов русов, а они – вид славян, то они везут меха бобра, меха черных лисиц и мечи из отдаленных славян к морю Румийскому, и берет с них десятину властитель Рума. А то идут по ...нису, реке славян, входят в Хамлидж, город хазар, и берет с них десятину их властитель. Затем отправляются к морю Джурджана (к Каспийскому – С.Б.) и выходят на каком-либо облюбованном его берегу, а окружность этого моря 500 фарсахов. Иногда везут свои товары из Джурджана к Багдаду, и переводят им славянские слуги <...>» [Древняя Русь 2009, 30-31 / ВГА 1889, 155, выделено С.Б.].

То есть Ибн Хордадбех, описывая именно пути русов, вновь показал тот общий Волго-Донской маршрут, что и Феофан. По нему русы ходили и до моря Чёрного (Румийского в Византию – Рум) по Дону, и до моря Каспийского (Джурджана) по Волге – реке славян, в названии которой уцелел лишь последний слог «...нис» или «...вис», ведь у арабов «н» и «в» совпадали и это мог быть арабский перевод греческой *ρως ποταμος* – *Рось реки*, схожий с *ρως ποταμος* на рис. 1. Не зря большинство исследователей локализует Хамлидж в дельте Волги.

Идея лёгкого получения доходов в виде десятины с проходивших судов, видимо, очень нравилась правителям Хазарии. Не потому ли уже в тридцатых годах IX в. они просили византийского василевса Феофила поспособствовать им и на Дону крепость для поборов создать?

И на левом берегу Дона у самой воды действительно был выстроен Саркел «спафарокандидатом Петроной, по прозванию Каматир, так как хазары просили василевса Феофила построить им эту крепость», как о

том написал император Константин Багрянородный в трактате «Об управлении империей». Крепость Петро-на начал строить в 834 г.: *«посадив людей на транспортные корабли, он отправился к месту на реке Танаис, в котором должен был строить крепость. Поскольку же на месте не было подходящих для строительства камней, соорудив печи и обжёгши в них кирпич, он сделал из них здание крепости, изготовив известь из мелких речных ракушек».*

Прямоугольник крепости Саркел относительно невелик 193,5 x 135,5 м и не слишком примечателен. А вот технологии её возведения любопытны, особенно рассказ императора об отсутствии камня. Ведь камень-то как раз поблизости был: из крупных блоков светлого известняка сложены мощные стены треугольной по форме крепости 110 x 130 x 135 м на правом высоком берегу Дона (рис. 12), вздымавшейся над ним как русский Свяжск, созданный для взятия татарской Казани.

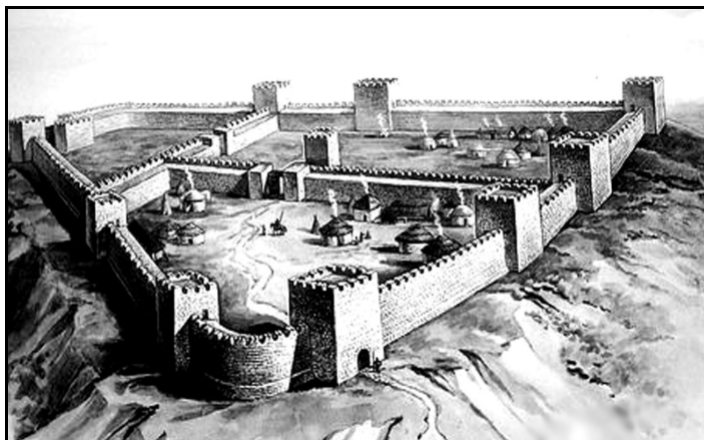

Рис. 12. Реконструкция В.С.Флёровым облика Правобережной Цимлянской крепости

Причём, как указывал проводивший раскопки Правобережной Цимлянской крепости М. И. Артамонов, она напоминала другие известные ему городища салтово-маяцкого типа и была возведена ранее Саркела, созданного Петроной на левом берегу Дона.

Поэтому не зная о том, что камня поблизости предостаточно, греческий инженер не мог. Здесь, у ст. Цимлянской, на склонах правого берега на поверхность выходят известняки сарматского возраста. Не заметить их невозможно. Зачем же было печи строить и *«мелкие речные ракушки»* на известь два года собирать и выжигать? Наиболее логичное объяснение – граница по этой великой реке, разделявшая давних противников: росов, вид славян, и хазар. Потому здесь крепость хазары попросили византийцев построить, потому Петроне с хазарами на правый берег Дона за строительным камнем доступа не было. Не зря же неплохо образованный византийский император Константин (905-959 гг.) именно Саркелом ограничил места расселения хазар на запад.

Не случайно, видимо, и то, что после завершения в 837 году постройки крепости Саркел, в Бертинских анналах епископа Пруденция, официальной хронике императора франков Людовика I, отмечены прибывшие к нему 18 мая 839 г. в составе византийского посольства от всё того же василевса Феофила, что Петрону на Дон посылал, люди народа Рос:

«Он [Феофил] также послал с ними тех самых, кто себя, то есть свой народ называли Рос [Rhos на латыни или Ῥῶς по-гречески], которых их король [rex], прозванием хакан [chakanus на латыни или χακανος по-гречески], отправил ранее ради того, чтобы они объявили о дружбе к

нему, прося посредством упомянутого письма, поскольку они могли [через это] получить благосклонностью императора возможность вернуться, а также помощь через всю его власть». С тех пор минуло 1180 лет, но как мало меняется психология власть имущих!

Так как в тексте хроники упомянуто сопроводительное письмо василевса Феофила, то становятся понятны не только явно заимствованные из него титулы и этноним. За витиеватыми оборотами дипломатической переписки Феофила проглядывает горячее желание «умыть руки», не ссорясь ни с одним из каганов, ни с хазарским, ни с русским. Василевс явно «отфутболил» искавших справедливости росов в даль светлую, а конкретно аж в Ингельхайм на Рейне, по первому классическому принципу бюрократа: пусть другая инстанция разберётся и окажет «помощь через всю его власть».

Но собрат император был из той же когорты. По второму классическому принципу бюрократа: как бы чего не вышло, он велел задержать посланников. Расспросив, узнал, что те из народа свеонов [*esse Sueonum*]. Вариантов толкования *Sueonum* Бертинских анналов великое множество. Послы могли сказать от «свои оне» до «с Эоне», если в состав толмачей знаток Плиния с его «Эоне» затесался. Но если у кого-то что болит, тот лишь о том и говорит. Шёл уже IX век, ранняя «эпоха викингов», и император франков решил, что это свеи (шведы).

Пусть реальные свеи на своём любимом шведском именовали себя *svear* или *sviar*, а Швецию *Sverige*=*svea + rige* (государство шведов). Но кто на такие мелочи внимание обратит, если сам император решил, что это шведская разведка.

Впрочем, на это сгнувшее посольство народ Рос ответил вполне адекватно. Как писал академик В. В. Седов: «Такие действия Византии были расценены в Русском каганате как недружественные. В ответ русы совершают военный набег на византийский город Амастриду, расположенный на южном побережье Черного моря.

Этот пункт был избран не случайно. Амастрида являлась административным центром фемы Пафлагония, а среди строителей Саркела и крепостей на хазарско-славянском пограничье большую часть составляли мастера именно из этой фемы.

О нападении «варваров росов - народа, как все знают, дикого и жестокого», на Амастриду рассказывает "Житие Георгия Амастридского", которое, согласно изысканиям В.Г. Васильевского и И. Шевченко, было написано до 842 г. Время разорения русами центра Пафлагонии в связи с этим определяется исследователями около 840 г., т.е. сразу же после безрезультатной миссии росов в Константинополь» [Седов 1999, 73-74].

Следует дополнить, что с реки Танаис-Дон до византийской Амастриды путь был наикратчайшим, и, судя по описанию в «Хронографии» Феофана вылавливаемой в нём рыбы [Чичуров 1980, 60], продолжал использоваться в VIII-IX веках.

Поэтому вся история с посольством к Феофилу в глазах росов выглядела оскорбительно. Не стремление ли смыть тот позор породило их великий поход на Константинополь летом 860 г.? Тогда 200 судов росов выгрузили несколько тысяч воинов на берегу Босфора у самых стен Царь-града, совсем как когда-то в далёком 626 г. Но на этот раз их морской поход был намного удачней.

Росам досталась огромная добыча, а заносчивым византийцам – скорбь и печаль. «О, как же все тогда расстроилось, и город едва, так сказать, не был поднят на копье! Когда легко было взять его, а жителям невозможно защищаться, то очевидно, от воли неприятеля зависело – пострадать ему или не пострадать ... Спасение города находилось в руках врагов и сохранение его зависело от их великодушия ... город не взят по их милости и присоединенное к страданию бесславие от этого великодушия усиливает болезненное чувство пленения» – возглашал с амвона Царь-града в своей второй гомилии видевший всё лично патриарх Фотий.

Благодаря тому, что и на Каспии отношения с местным населением тоже далеко не всегда протекали мирно, росы и там попали в местные летописные своды. Так, Ибн Исфандийар в своей «Истории Табаристана», что был на южном берегу Каспия, сообщал о военном походе русов во времена правления Алида ал-Хасана ибн Зайда (864-883 гг.), которые пытались овладеть одним из самых крупных торговых пунктов региона – Абаскуном.

Причины нападения на этот важнейший пункт русской торговли с Востоком точно не известны. Но так как горцы Табаристана во главе с Алидом в 867 г. отпали от Халифата, то, возможно, русские воины лишь пытались защитить своих шедших к Багдаду купцов и их хранилища. О том говорит относительно малое число судов того нападения, сравнимое с 16 судами похода на Абаскун 910 г. [Алиев / Ибн Исфандийар 1969, 317].

Любопытно, что столь отдалённые друг от друга летописцы абсолютно одинаково именуют нападавших на них с кораблей воинов. Ведь вряд ли те в стиле нынеш-

них боевиков шли в бой с криками «За Русь!». Или шли? Ведь 60-е годы IX в., по данным первого русского летописного свода «Повести временных лет» (ПВЛ), это время основания Русского государства. По крайней мере, так гласит легенда о призвании Рюрика и его варягов. Тогда русы «в лето 6370 <...> идоша за море к Варягом» [Никитин 2006, 35] и призывают на правление в том же 862 г. трёх братьев Рюрика, Синеуса и Трувора, которые «раздая мужемъ своимъ волости и города рубити: овому Полѣтескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро» [там же, 36]. В том же году рюриковым боярам Аскольду и Диру во время их похода на Царь-град Киев приглянулся, где они и осели, не забыв всё же посетить Царь-град четыре года спустя и ознакомиться с гомилиями Фотия, внесёнными в ПВЛ за 6374 (866/867) г. [там же, 37].

Встаёт вопрос, а чем был так славен 6370, что летописец Руси, списывая с византийских хронографов сказания, утрамбовал в него столько событий и даже сместил даты? Что хотел донести до потомков писавший под жёстким княжеским контролем Нестор таким странным числом? Ведь если внести в текст, как прежде, эту дату буквами с титлом, то перед нами встаёт год #**СТО**.

Сегодня известно, что летопись была создана в 1115 г. Не намёк ли эти **100** лет на реально переломный 1015/1016 год и на смерть Владимира, сменившего веру Киева? Страшный год начала распрей Владимировичей, раскола страны, время реального призвания варягов Ярославом младшим в Новгород. Год, после коего новой династии надо было утвердить своё видение событий, создать свою, пусть и полумифическую летопись. Не о том ли подсказка Нестора? Потому доверять мифам XII века о

веке IX-м ныне уж чересчур наивно. Надо возвращаться к данным иноземцев. Но если византийцы ещё могли узнать о росах от их послов, то кто поведал о них арабам?

И здесь всплывает имя великого математика, астронома и географа Востока Мухаммада ибн Мусы аль-Хорезми (Moham-mad ibn Mūsā al-Khwārazmī, около 783 – около 850 гг.). Уроженец Хорезма, основоположник алгебры, популяризатор десятичной позиционной системы записи чисел, способствовавший внедрению индо-арабских цифр, аль-Хорезми был энциклопедически образованным учёным. К тому же он долго руководил библиотекой знаменитого Дома мудрости, созданного в 20-е годы IX в. в Багдаде халифом аль-Мамуном (786-833 гг.).

В эту самобытную Академию наук были приглашены выдающиеся учёные самых разных стран, собрано множество научных трактатов. Аль-Мамун специально направил переводчиков в Византию для приобретения греческих рукописей, включая труды Птолемея. Вычитав из них, что величина 1° окружности планеты равна 500 стадиям, но не зная размера стадия, он приказал выбрать ровное место в степи Синджара, где его астрономы провели инструментальную сверку данных, получив $1^\circ = 56$ милям [Бируни 1966, 211]. То есть длина меридиана, по их мнению, равнялась $56 \times 360^\circ = 20160$ миль. Те мили, а это 39 827 км, расходятся с нынешними 40008 км менее чем на 0,5 процента.

Считается, что аль-Хорезми, изучив «Руководство по географии» Птолемея, принимал участие в тех измерениях. Сохранилась его небольшая рукопись с переводом таблиц Птолемея на арабский язык. В ней аль-Хорезми не только перевёл трактат с греческого

языка на арабский, но и внёс ряд изменений. Ведь за 700 лет, прошедших с времён Птолемея, изменились этнография, топонимика, единицы измерений. Не зря его абрис Волги заметно отличался от античного:

«Река Ра, начало её – от горы около Д $72^\circ 20'$ Ш $60^\circ 30'$. Идёт к месту слияния Д $81^\circ 30'$ Ш $58^\circ 30'$, к месту поворота Д $75^\circ 40'$ Ш $57^\circ 30'$. Идёт и ударяется об одну из двух башен, которые построил Зу-л-Карнайн. Течёт и впадает в море около Д $81^\circ 10'$ Ш $49^\circ 20'$. Впадает в эту реку река из горы, начало её – около Д $92^\circ 30'$ Ш $61^\circ 0'$, а впадение в реку – около Д $81^\circ 30'$ Ш $58^\circ 30'$ » [Калинина 1988, 53-54].

Перед нами уже не два равных истока Птолемея: западный явно доминирует, именно он назван рекою Ра в переводе Т.М.Калининой, тогда как восточный – лишь безымянная река с горы. Видимо, торговые пути первой половины IX в. уходили на запад, а не на восток. Потому у аль-Хорезми главенствует Волга, а не Кама.

Башня, впервые возникающая в описании берегов Волги, сразу привлекает внимание. Правда, у Птолемея в этом регионе тоже были Александровы столпы, но под ними он понимал точечный, задаваемый двумя координатами, объект, возможно, действительно какое-то раннее монументальное сооружение.

Тогда как у аль-Хорезми это уже «два наблюдательных пункта, построенных Зу-л-Карнайном» [там же, 40], то есть Александром Македонским, популярным на Востоке в Средние века и именуемым так по его двурогому шлему. Координаты этих пунктов приведены им в таблице горных массивов шестого климата, с которыми они, видимо, были сопряжены, причём сами башни разнесены достаточно далеко друг от друга (табл. 1).

Таблица 1. Данные по Волге аль-Хорезми

Название аль-Хорезми	Долгота (Д)	Широта (Ш)	Современное название
Исток реки Ра	72°20'	60°30'	Исток Волги
Исток реки, впадающей в Ра, из горы	92°30'	61°00'	Исток Камы
Слияние этих рек	81°30'	58°30'	Устье Камы
Поворот	75°40'	57°30'	Горы Жигули
башня Зу-л-Карнайна	77°45'	56°00'	?
башня Зу-л-Карнайна	77°15'	54°15'	?
Устье	81°10'	49°20'	Устье Волги

Местонахождение тех башен легко рассчитать, зная, что один градус при миле, равной 1975,54 м [Клименко 1977, 87], составлял $56^\circ \times 1975,54 = 110630$ м. То есть протяжённость его интервала №1 от устья Камы до поворота составляла 250 миль (494 км); №2 от поворота до 1-й башни – 141 милею (279 км); №3 между 1-й и 2-й башнями – 33 мили (263 км) и №4 – 410 миль (810 км) [Браташова 2020, 28]. В сумме эти четыре интервала от устья Камы до устья Волги у аль-Хорезми получается 1846 км, и сведения астрономической арабской географии о Нижней Волге неплохо совпадают с данными волжских лоций, указывавших около 1780 вёрст (≈ 1900 км).

Интервал № 1 длиной почти 500 км от устья Камы до Поворота заканчивался у Сызрани, где *Поворот* аль-Хорезми называется ныне Самарской Лукой

Интервал №2 длиной в 279 км к первой башне, о которую «идёт и ударяется» Волга (рис. 12), выводит к Саратову, где Волга столетиями размывает могучий мыс Увецкого поднятия с его древним городищем. Название этого городища «Укек» с распространённых тогда здесь

тюркских наречий переводится по словарю XI в. как «башня городской стены, оснащенная для боевых действий» [ал-Кашгари 2005, 324], что само по себе показательно. Но ещё важнее местонахождение этой «Башни». Именно к Увеку выводил отмеченный курганами почти всех исторических эпох путь от западного колена р. Урал, резко сворачивающей на его широте к югу (рис. 13).

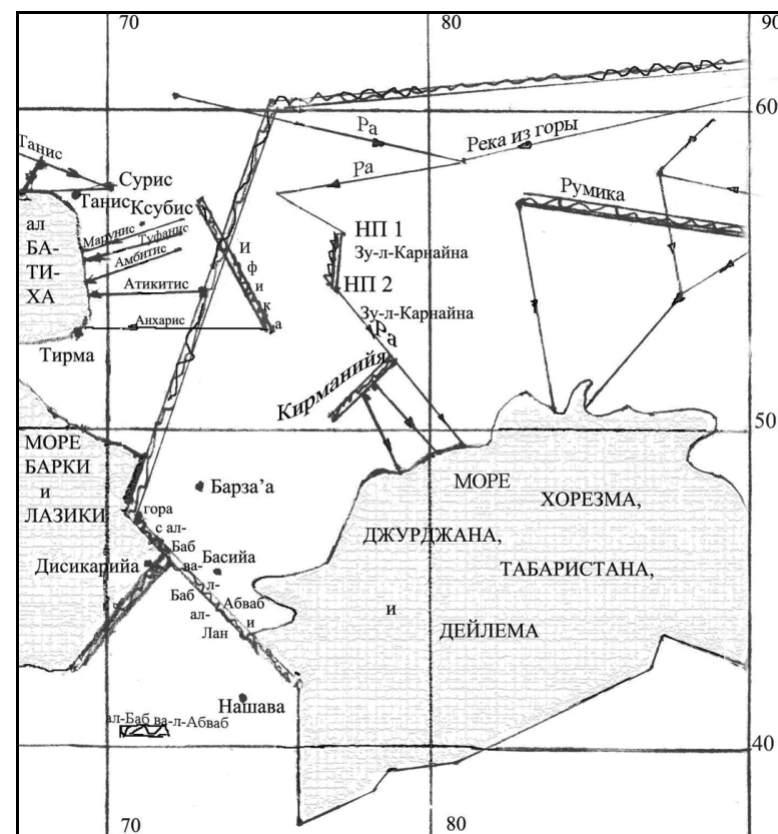

Рис. 12. Абрис Нижней Волги аль-Хорезми, где волнистая полоса – горы; прямые линии – реки; точки – города; НП 1, 2 – наблюдательные пункты Зу-л-Карнайна [Браташова 2011, 27]

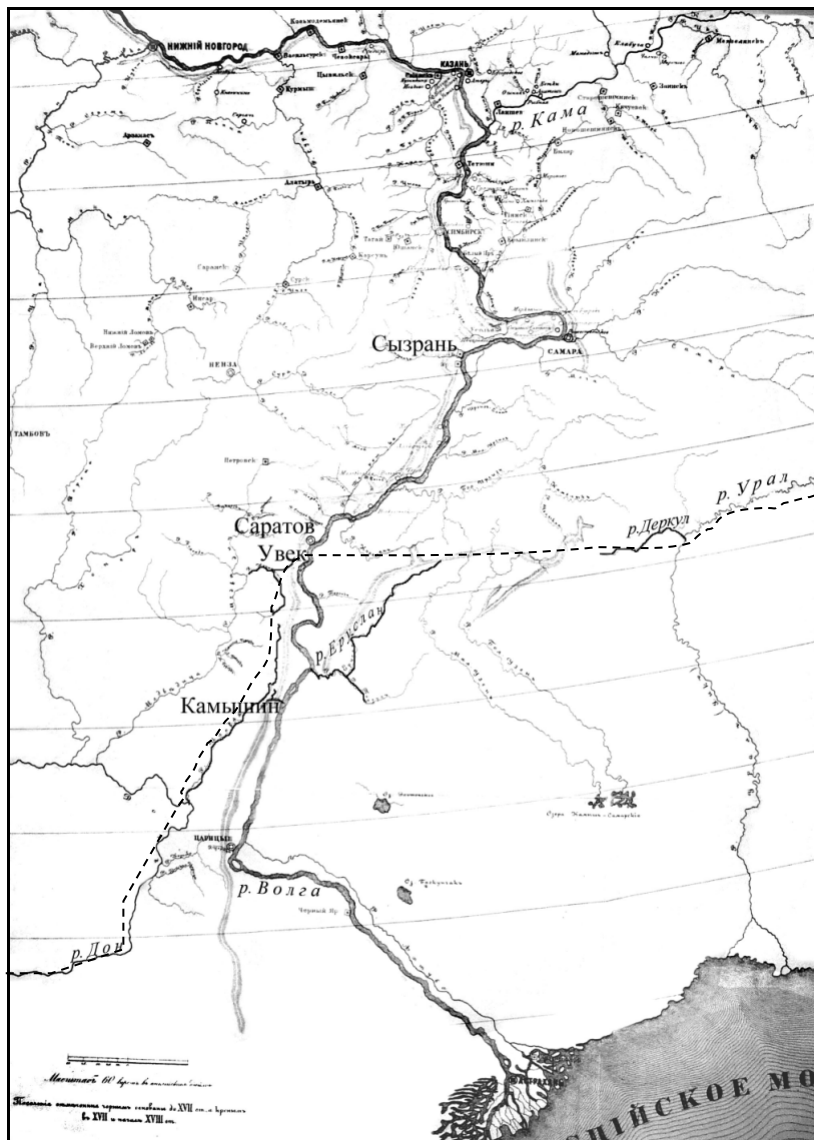

Рис. 13. Карта Нижней Волги. Пунктиром показан древнейший путь с Урала к Черному морю

От того колена Урала путь вёл строго на запад вдоль текущей в широтном направлении р. Деркул, далее через верховья Узеней и Еруслана к Волге (см. рис. 13). По этому прямому, указываемому самим солнцем пути, без страданий от жажды в пустынях Прикаспия, шли уральские руды в небогатое ими Поволжье ещё с эпохи бронзы [Черных 1970, 33]. Не для контроля ли за этой древней торговой артерией был позднее создан отмеченный аль-Хорезми в списке гор его *наблюдательный пункт*? Ведь он реально стоял на одной из «гор» Приволжской возвышенности, исполинами вздымавшихся над равниной Левобережья.

Интервал №3 в 263 км шёл вдоль обрывов Приволжской возвышенности до знаменитых Столбичей (рис. 14). Далее за Камышинские горы отходят от берега. Возможно, поэтому он указал именно эти места с древними укреплениями Терновского и Уракова городищ южнее устья р.Еруслан (см. рис. 13). Здесь, как и у Саратова, Волго-Донской водораздел не превышает 5км, то есть со стратегической точки зрения местонахождение тех «*наблюдательных пунктов*» было выбрано безукоризненно.

Рис. 14. Вид Столбичей в XIX в. (Г. и Н. Чернецовы, 1838 г.)

Эти удивительные горы позволяли со своих высот контролировать торговые потоки, что шли к Уральским горам на восток, к морям Азовскому и Чёрному на юго-запад, а также по Волге с севера на юг и обратно.

Самый южный интервал №4 от второго НП до Каспия у аль-Хорезми был самый длинный, около 810 км, и самый безликий. Не показаны им ни обширная дельта Волги, ни поселения. Это странно, так как известно, что последние свои годы при халифе ал-Васике (842–847 гг.) географ провёл в Хазарии и видел всё сам. Но, видимо, его «Книга картин Земли» преследовала другие цели.

Хотя при всей схематичности описания, характерные особенности реки им отражены неплохо. Даже если рисовать их в простой ортогональной проекции (так предложила переводчица аль-Хорезми Т.М.Калинина и именно так они показаны на рис. 12 автора, где нет сокращений для параллелей $1^\circ = 500 \times \cos \alpha$, где α – градусы широты), то Волга всё равно узнаваема. Жаль, что в этой рукописи она этнографически безлика, но, видимо, на момент её создания аль-Хорезми интересовали лишь объекты таблиц Птолемея, а таких мест, где он мог бы заметить следы античного мира, на Волге немного.

Заметный акцент на античность в написании этого трактата, судя по всему, не помешал его популярности. Скорее наоборот. Наука Востока органично впитала в себя и античную топонимику, и математические данные, приведённые ал-Хорезми. А потому, начиная с середины IX в., термины русы и нахр Русийу (Русская река) надёжно закрепились за Поволжьем и в среде арабских географов, особенно из Средней Азии и Ирана. Ведь туда о Волге по торговым путям поступала самая свежая информация.

Х век: последняя битва қаганатов

Если уж сам Нестор указал доверительный интервал его летописи в 100 лет, то изучать предыдущий X в. всё же лучше по зарубежным источникам. Тем более что на него выпал пик климатического оптимума Средневековья. А с ним сопряжены активизация Волжского торгового пути и вновь начавшиеся здесь перемещения народов. Они заметно обогатили географические описания Позднего Средневековья. К тому же в начале этого столетия шло становление «классической» школы арабской географии.

Основы её развития заложил учившийся в Багдаде и потом проживавший в Иране уроженец города Балха географ Абу Зайд Ахмед ал-Балхи (850-934), создавший в 920/921 г. труд, именуемый ныне как: «Карты климатов», «Виды стран», «Разделение стран». Продолжателями его работ стали ал-Истахри (?), Ибн Хаукаль (?), ал-Мукаддаси (947-ок.1000). Тексты представителей этой научной школы, которую можно также назвать иранской, очень тесно переплетены друг с другом, бывало, издатели путали их авторов.

Одним из важнейших отличительных признаков трудов учёных классической иранской школы от ал-Балхи до ал-Мукаддаси было использование в качестве основной единицы измерений короткого фарсаха в 4,445 км, то есть пути, который путник легко проходил за

час. Дневной переход пешехода за 10 часов составлял 44,45 км. Стандарты фарсахов, короткого из трёх римских миль и длинного из трёх миль Вавилона, были канонизированы более 2000 лет тому назад. Эти эталоны очень грамотно разъяснил ещё Герон Александрийский.

Последователи другого известного географа Востока ал-Джейхани (?–941) из города купцов Бухары, стоявшей на Великом Шелковом пути, предпочитали использовать среднеазиатский (персидский) длинный фарсах, равный 5,927 км – путь, который за час проходил караван верблюдов. Дневной переход каравана составлял за 10 часов 59,27 км. Хотя труд Джейхани не дошёл до наших дней, но цитаты из него сохранили труды его последователей Ибн Русте, Марвази, Гардизи, других географов, творивших в традициях среднеазиатской научной школы.

Те описания для нас крайне важны, ведь там математически указан путь до одного из стольных градов русов – Куйабы. Но чтобы её найти, надо досконально разобраться с вариантами их измерений.

Если сравнить топографические данные X в. среднеазиатской и иранской школ, то получается интересная картина. У всех у них в описании торгового пути по Волге всего три интервала: №1 – от Итиля до бургасов, №2 – земли бургасов, №3 – от бургасов до Булгара, но длина этих интервалов в днях пути у разных географов на первый взгляд разная. Среднеазиатская школа указывала месяц пути или 30 дней, а иранская и взявшая у неё данные в XII в. средиземноморская (ал-Идриси, Ал-Гарнати...) – 40 дней. Но вот пересчёт этих дней пути в километры с учётом разных систем измерений совпадений даёт заметно больше (рис. 15):

✓ Во-первых, эти научные школы считали одинаковой длину всего пути по Волге от Итиля до Булгара. Она совпадала как с данными аль-Хорезми, так и с реалиями, ведь Булгар стоял на 30 км южнее места слияния Камы и Волги, а Итиль – в дельте Волги южнее Астрахани. В X в. координаты аль-Хорезми были уже адаптированы под нужды купцов, которым удобней были дни пути. Но если нанести их на современную карту, переводя дни в километры, то перед нами реальный путь вверх по реке, промеренный до походов по Волге киевских князей и разгрома ими булгар, бургасов и хазар: 30 д. x 59,27 км/д.= 1778 км; 40 д. x 44,45 км/д.= 1778 км.

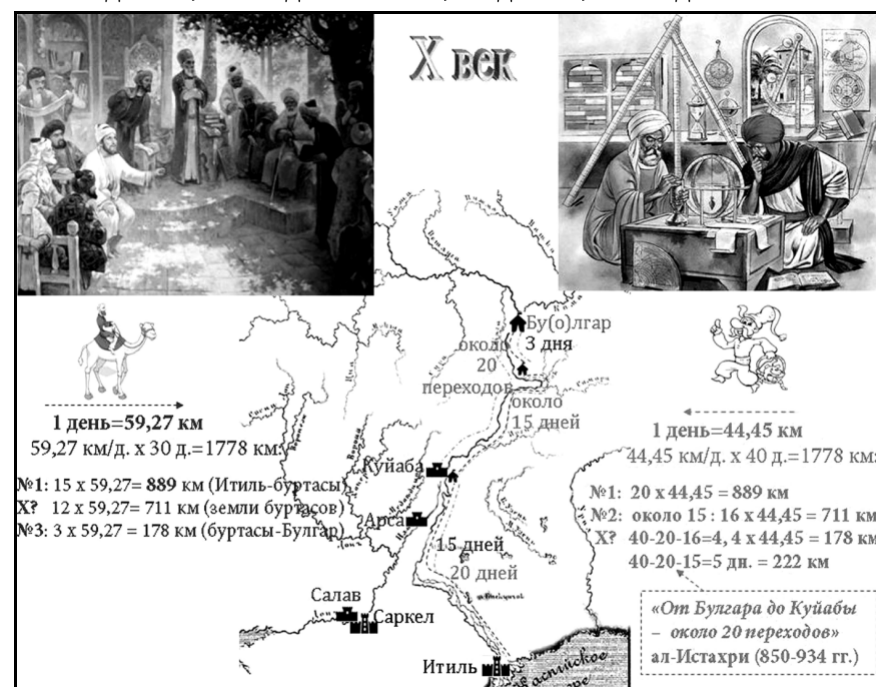

Рис. 15. Среднеазиатские (слева) и иранские (справа) измерения интервалов по Волге

✓ Во-вторых, обе школы указали одинаковые расстояния от Итиля до земель буртасов, начинавшихся, судя по пропорциям, на полпути между Булгаром и Итилем:

$$1778 : 2 = 889 \text{ км, где } 15 \times 59,27 = 20 \times 44,45 = 889 \text{ км.}$$

Это место находилось на левом берегу Волги в пределах современной агломерации Саратов–Энгельс, так как крепость Саратова была специально возведена на полпути между Казанью и Астраханью. В позднем Средневековье Казань сменила Булгар, сместившись чуть северней, Астрахань встала северней Итиля, и интервалы между этими важными торговыми пунктами остались прежними. О Левобережье говорит и описание того пути: «От области буртасов до хазар все степь, дорога – благоустроенная, с источниками, деревьями, текучими водами» [Заходер 1962, 27]. В XII в. ал-Идриси процитирует эти данные, но укажет здесь уже не начало земель буртасов, а город Буртас [Коновалова 2006, 121]. В XIV в. на этом же месте картографы братья Пицигани покажут г. Яйлак напротив г. Укека.

А вот к северу от этих мест мы видим уже разночтения. У представителя среднеазиатской школы, ученого-энциклопедиста Ибн Русте (устар. Ибн Даста), автора «Дорогих ценностей», есть лишь интервалы №1 – 15 дней пути и №3 – «от земли Буртасов до земли этих Болгар 3 дня пути» [Хвольсон 1869, 13]. Видимо, указание среднего интервала – №2, когда известен весь путь и два крайних участка, он счёл излишним. Но его протяженность в 12 дней пути сохранил один из поздних компиляторов данных среднеазиатской школы Мехмед Займ. Всего вышло $15+12+3=30$ дней – месяц пути каравана верблюдов.

Судя по текстам, собранным в «Каспийском своде»

Б.Н.Заходера, у среднеазиатской научной школы и у Ибн Русте в частности эти 12 дней тоже есть, но они завуалированы, с математической точки зрения показаны более изящно: «Согласно Ибн Русте «пространство их земель (буртасов) 17 дней как в длину, так и в ширину». Те же самые промеры упоминают Гардизи и Марвази» [Заходер 1962, 233]. Переводы гуманитариев с арабского на немецкий и на русский затуманили смысл текста.

Пространство на Востоке традиционно указывали в виде окружности. Её диаметр равен корню квадратному из суммы квадратов двух равных катетов (*равных длины и ширины*). Именно диаметр (гипотенуза) в 17 дней, а не путь (катет равнобедренного треугольника) указан в среднеазиатских текстах. То есть длину пути на север (один из катетов L) можно было рассчитать по теореме Пифагора, известной на Востоке за тысячелетие до рождения самого Пифагора: $L^2 + L^2 = 17^2$; где искомым катет $L = \sqrt{(17^2/2)}$ действительно равен 12 дням пути.

Далее, на интервале №3 протяженность пути в 3 дня (178 км) от буртасов до Булгара показана среднеазиатской научной школой опять открытым текстом.

Иначе передала интервалы №2 и №3 классическая иранская географическая школа X века, указав лишь примерные данные:

№2: «от начала (земли) буртасов до конца её около 15 дней» Ибн Хаукаль и ал-Истахри указали напрямую [там же, 235-236]. Их информация, видимо, заимствована, получена из дней пути географов Средней Азии с пересчётом караванных в пешеходные фарсахи, так как около 15 дней, а точнее их 16 дней дают такое же расстояние: $16 \times 44,45 = 711 \text{ км.}$

№3 – длину пути по Булгарии иранская школа прямо не показала, предпочла чуть завуалировать. Акцент смещен на интервал к землям южных русов, где у ал-Истахри указаны от Булгара до Куйабы русов «около 20 переходов». То есть длина №3: $20 - 15 = 5$. Ведь реальная Куйаба, а это, увы, не Киев, стояла на кручах правого берега Волги напротив начала земель буртасов. Как *Башия* (Укек), *наблюдательный пункт Зу-л-Карнайна* была указана ещё в IX в. аль-Хорезми, руководившим библиотекой «Дома мудрости» Багдада. Иранская школа не могла не знать о нём и его пропустить, хотя и вернулась к удобной схеме трёх волжских интервалов Птолемея.

Из этих «около» видно, что первичные сведения здесь принадлежали среднеазиатской научной школе во главе с ал-Джейхани, имевшей реальные данные с разных ответвлений Великого Шелкового пути. К тому же известно, что родоначальник иранской классической школы ал-Балхи одно время «был в близких сношениях с везиром Саманидов географом ал-Джайхани, но все же не рискнул по предложению того приехать в Бухару» [Крачковский 1957, 195]. Вероятно, именно те их сношения и создали столь схожий абрис левого берега Волги, отличающийся лишь единицами измерений и формой описания у разных научных школ Востока.

Далее северная ветвь Великого Шелкового пути уже по правому берегу, точнее по Волго-Донскому пути возвращалась к югу. О ней лучше знали опять же в Средней Азии. Безымянный среднеазиатский «конспект» 982 г. «Худуд ал-'алем», то есть «Пределы мира» наиболее подробно описывает этот маршрут, проходивший через три стольных града страны русов – Русского каганата:

«К востоку от этой страны - горы печенегов; к югу от нее – река *Ruta*; к западу от нее - *саклабы* (славяне – С.Б.); к северу от нее - *ненаселенные Земли Севера*. Это обширная страна. <...> Властитель их называется *Rus-khaqan*. <...> Они носят шапки из шерсти с хвостами, спадающими сзади на их шеи. Мертвых хоронят они со всем их имуществом, одеждой и украшениями. Они помещают в могилу вместе с мертвым еду и питье.

1. *KUYABA* (*Кубаба* ѳс.) – это город русов, расположенный ближе всего к землям ислама. Это приятное место и местопребывание властителя. Оно производит различные меха и ценные мечи.

2. *S.LABA* – приятный город, из которого, как только воцаряется мир, выходят они для торговли в уделы Булгара.

3. *URTAB* – город, в котором чужеземцев, когда они посещают его, убивают. Он производит весьма ценные клинки и мечи, которые можно согнуть вдвое, но как только руку убирают, они возвращаются в прежнее положение» [Худуд ал-'алем, Ч II, §44].

Пределы земель этих трёх градов русов дополнительно упомянуты также в описании Русской реки: «Еще одна река - это река русов, которая начинается из внутренней области страны *саклабов* (славян – С.Б.) и течет в восточном направлении, пока не прибудет в пределы русов. Затем она окаймляет пределы *Уртаба*, *Слаба* и *Куйабы*, которые есть города русов, пределы *хыфджахов*. Затем она меняет свое направление и течет в южном направлении до пределов *печенегов* и изливает себя в реку *Атиль*» [Худуд ал-'алем, Ч I, §44]. Причём пределы *Дешт-и-Кипчак*, степи *хыфджахов*,

окаймляя границы земель трех градов русов, не позволяют локализовать эти грады не только, как ныне принято, в Ростове, Суздале, Белозере, Смоленске, Орше, но и в Рязани на Оке, тоже стоявшей в зоне лесов, а значит не граничившей даже с лесостепью, не говоря про степь. Да и пейзаж с рекой русов, что *изливает себя в реку Атиль*, на котором встречаются река русов – Дон с рекой Атиль – Волгой чересчур схож с хазарско-византийской картиной VIII-IX вв., чтобы ошибиться с определением Волго-Донской водной системы.

Ещё ярче Волга с Доном просматриваются в упрощённой схеме иранской научной школы X в., где тоже есть три вида русов: «*вид их – ближайший к Булгару, и царь их располагается в городе, называемом Куйаба, и он – больше, чем Булгар. А вид их самый отдаленный называется Салавийя. А вид их [третий] называется Арсанийя, и царь их располагается в Арса. Люди достигают для торговли Куйабы. Что же касается Арса, то не упоминают, чтобы кто-нибудь входил в нее из чужеземцев, потому что они убивают каждого, кто ступит на их землю из иностранцев. И вот спускаются по воде для торговли и не сообщают ничего о своих делах, и не позволяют никому сопровождать их, и не входят в их страну. Привозят из Арса черных соболей и олово. <...> Эти русы торгуют с хазарами, торгуют с Византией и Великим Булгаром. <...> От Булгара до Куйабы – около 20 переходов*» [ал-Истахри / Калинина 1988, 225-227, выделено С.Б.].

По этой схеме видно, что современные проблемы с локализацией создала заимствованная из описаний VIII-IX вв. западная (донская) «ветвь» Итиль-Волги,

впадавшая в Чёрное море. Именно по ней спускались **по воде** те три вида русов, привозя бургасские меха не только в Багдад, но и на берега Чёрного моря в Византию, как о том писал Ибн Хордадбех в IX веке.

По ал-Истахри ситуация на Волге X в. выглядела так: «*Внешний Булгар - небольшой город, в нем нет многочисленных округов; известен как порт для тех государств. Русы – народ в стороне булгар, между ними и славянами. <...> Что касается хазар, то это - имя вида людей. А что касается их города, то это столица, называемая Итиль, и тем же именем называется река, которая течет через нее к морю Хазар. Нет у этой столицы ни хорошего обустройства, ни богатства казны. Они находятся между морем Хазар, Сарир, русами и огузами*» [там же, 10]. Согласно нему, хазары имели к югу Каспий, к западу на Кавказе страну Сарир, к северу русов и на востоке племена огузов. Днепр в X в. арабские географы не показывали, вероятно, и не знали, так как их интересовали лишь земли ислама.

Все их пути были проложены к единоверцам в Булгар. А потому загадочная Куйаба, которая тогда показана крупнее Булгара, невольно притягивает внимание. К тому же указана она как одна из столиц русов. Кажется, в чём вопрос? Раз начинается на «к» и это столица русов, значит Киев, о чём дискутировать? Но проблемы есть.

И Днепр им не был известен, и всего 20 переходов до Булгара. Ведь «ближайшим к Булгару» Киев никогда не был: по прямой, не принимая во внимание переправы через реки и болота, горы и буераки, по коим академик Б. А. Рыбаков прочертил свой путь Булгар-Киев, расстояние между ними – **1360** км. Даже при самом длин-

ном из известных на Востоке дневных переходов каравана по 59,27 км, за эти **20 дней**, увы, не пройти.

А ведь переход географа иранской школы ал-Истахри составлял не 60, а всего 44,45 км, то есть его Куйабу надо искать где-то в 889 км от Булгара. Да и астрономические измерения, давшие прямую Рыбакова, здесь не применялись. Например, на путь от Булгара до Итиля, меж которыми по такой же прямой всего-то 1000 км, последователи ал-Джейхани отводили месяц пути, а классическая иранская школа 40 дней. Вот и киевский князь Святослав тридцать лет спустя с Киева на Волгу пойдёт, как отмечают летописи, по дуге Оки. Сам князь Киева не догадывался об этом «Великом» пути?

Потому те 20 дней от Булгара до Куйабы указаны всё же вниз по Волге. Отсчитав вниз по реке от городища Булгара на 1785 версте от устья Волги и до Саратова на 980 версте от него же согласно данным старых лоций, получим интервал в 805 вёрст или 859 км. С добавлением к ним 16 км до Увекского городища, всего 875 км. При дне пути с использованием малого фарсаха ал-Истахри в 44,45 км, основанного на дне пути пешехода налегке, реально получается $875 : 44,45 = 19,7$, то есть искомые 20 переходов.

К тому же здесь перед нами на высоком правом берегу Волги напротив начала земель буртасов встает древняя Башня Александра, она же тюркский Укек, она же Куйаба арабов. И встает она на пересечении древних путей: Уральского к Волге, а затем к Чёрному морю и Волжского с Балтики к морю Каспийскому.

Видимо, не зря путь от печенегов с реки Яик (Урал) и до славян Ибн Русте завершал всё там же, в Куйабе:

«Между страной Баджанаков и страной Славян расстояние 10 дней пути. В самом начале границы страны Славян находится город по имени Куяб», по мнению А.Я.Гаркави [Гаркави 1870, 264]. И совсем не случайно именно здесь, на Увеке, были найдены характерные для средневекового Закавказья «кувшинные» погребения, имевшие место по VIII в. включительно, многочисленные амфоры Причерноморья, а также скромная среднедонская керамика, попавшие сюда задолго до монгольского нашествия. И хотя несколько неожиданно было увидеть здесь башни с панцирной кладкой из местного песчаника, удивительно схожей с кладкой стен Любшанской крепости на Волхове, но ведь не случайно же арабские и византийские учёные писали о торговом пути русов от океана до южных морей, начиная с VIII в. н.э.

О более раннем функционировании Волжского торгового пути по сравнению с Днепровским маршрутом, говорят также данные нумизматики, показывающие этапы распространения восточных и византийских монет [Янин 2009, 105].

Судя по ним, в X веке византийцы уже лучше знали русов. Потому творивший тогда император Константин Багрянородный (913-959) в трактате «Об управлении империей» смог дополнить ранние сведения Востока о Руси Волго-Донского междуречья и о её торговых путях описанием прежде неизвестного средневековой географии пути по Днепру «из внешней России в Константинополь» [Константин 1991, 45].

Он привёл названия городов, откуда славяне с притоков Днепра сплавляли по весне суда - моносилы, продавая их в Киеве русам той внешней России: Немо-

гард, Милиниска, Телиуца, Чернигога, Вусеград. Где Вусеград исследователи сегодня интерпретируют как Вышгород, Чернигога – Чернигов, Милиниска - Смоленск.

Сложнее с локализацией Немогарда и Телеуцы. Хотя под первым традиционно понимают Великий Новгород, но гнать дубы с Волхова на Днепр далековато (902 км по прямой), из-за волоков тяжко, да и просто не выгодно. Тем более что по соседству на правом берегу р. Десны, впадающей в Днепр, всего в 270 км от Киева в X в. Новгород Северский стоял, на что указал В. А. Пархоменко ещё в начале XX в. А с Телеуцей ещё веселей. Ею ныне считают г. Любеч. Не потому что совпало название, а потому что он на Днепре, потому что известен с IX в. Хотя, по смыслу, г. Телеуца (Тельца?) проще с г. Туров сопоставить, что в Полесье над Припятью, впадавшей в Днепр в X в. высился, если император пошутить изволил.

Его ирония заметна также в описании Киева. Город *Киоав* он упоминает вкупе с крепостью Самв(б)атас, прозрачно намекая на миф о реке Самбатсион, что где-то на краю света дико бурлит и бушует по будням, не давая вернуться пропавшим десяти коленам Израилевым. Благо с бурлящей водой у него проблем не возникло – следом он красочно показал мощные пороги Днепра.

Суть современного подгона топонимов под урбосеть пути из варяг в греки проста – это попытка «удревнить» сей путь по достоверному источнику. Главное, указать города на Днепре нужного возраста, и не важно, что император чёрным по белому написал: «рубят в своих горах моносылы во время зимы и, снарядив их, с наступлением весны, когда растает лёд, вводят в находящиеся по соседству водоёмы. Так как эти впадают в реку Днепр, то

и они из тамошних входят в эту самую реку и отправляются в Киову» [там же, 45-47]. То есть речь явно о ближайших к Киеву притоках Днепра, а не о пути от Балтики до Чёрного моря. Да и упомянутая им Чернигога – бесспорно Чернигов на Десне, а не на Днепре (рис. 16).

Рис. 16. Города внутренней и внешней Руси X в. (пунктир – пути)

Как видно, император показал всего лишь ближних к его землям внешних росов с их «*нактиотами*» - славянами. Цель его трактата – передача сыну оперативной политической информации. Опускаться до повторения сведений своих предшественников с Востока по внутренней России (*Ρωσίας*) он не стал. Поэтому на востоке он показал только Новгород-Северский, «*в котором сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта России*» [там же], который вполне логично вписывается и в сплав моноксил для походов на Византию, и в будущие походы князя Святослава Игоревича на Дон и Волгу (см. рис. 16).

Но в трактате архонт ещё Игорь. Согласно ПВЛ, он погибнет зимой 945/946 г. То есть, с учётом промедлений доставки информации в Константинополь, перед нами политическая ситуация середины X в. Тогда печенеги, главная сдерживающая сила врагов Византии, с берегов Яика (р. Урал) уже с полвека как ушли на запад.

С конца IX в. они заняли длинную полосу земель Причерноморья «*от понизовья реки Дунай, против Дистры <...> вплоть до Саркела, крепости хазар, в которой стоят 300 таксеотов, сменяемых ежегодно*» [там же, 171]. Причём полоса эта, по сведениям императора, была относительно узкая, так как он уточнил: «*Пачинакия отстоит от Узши и Хазарии на 5 дней пути, от Алании – на 6 дней, от Мордии – на 10 дней, от России – на 1 день, от Турции – на 4 дня, от Булгарии – на полдня, к Херсону она очень близка, а к Боспору еще ближе*» [там же, 157].

Получается, что Хазарии ни Крым, ни Тамань (Тмутаракань) в первой половине X в. не принадлежали. Ведь до Хазарии пять! дней пути от печенегов, указанных как очень близких к Боспору (г. Керчь). А день пути у Кон-

стантина величина немалая, ведь там же он писал, что между Фессалониками и Белеградом на Дунае 8 дней пути, тогда как ныне меж ними по прямой 503 км. То есть его день пути был не менее 60 км ($503 : 8 = 62,875$), а его 5 дней составят более 300 км. Значит, Хазария тогда и Крымом не владела, и до пролива не дотягивалась.

Мнение византийского василевса совпало с мнением царя Хазарии Иосифа, указавшего протяженность своей страны от Волги в западном направлении лишь 40 фарсахов (4 дня пути или 237 км при длине фарсаха 5927 м, ведь «*parsa встречается уже в вав. Талмуде (например в тр. Песахим, л. 93Б-94Б), где, в соответствии с системой мер римского императорского времени, приравнивается к 4 милям, следовательно, обозначает меру длины в 5920 м (см.: Nissen H. Griechische und romische Metrologie. Handbuch Ивана Мюллера. 1. 1892. С. 860 сл.)*» [Коковцев 1932, 107 + комментарий].

Не зря же император, показывая риски для хазар со стороны владыки Алании, писал: «*он может сильно вредить им, и подстерегая на путях, и нападая на идущих без охраны к Саркелу, к Климатам и к Херсону. Если этот эксуократор постарается препятствовать хазарам, то длительным и глубоким миром пользуются и Херсон, и Климаты, так как хазары, страшась нападения аланов, находят небезопасным поход с войском на Херсон и Климаты*» [Константин 1991, 53].

То есть, не только Херсон, но и горные крепости – Климаты хазарам не принадлежали. Да и хазарский Саркел на Дону, судя по риску походов к нему, выполнял роль выносного форпоста, торговой фактории, места сбора налогов. Лишь там хазары, расширив свою сеть по

сбору десятины, смогли с помощью Феофила дотянуть до Дона и перекрыть по нему транзит. Не зря на Днепр вынуждены были тогда русы свой торговый путь сместить.

Как прямо писал ещё ал-Истахри: *«Источник доходов царя составляет изымание пошлин на заставах на сухих, морских и речных путях»* [ал-Истахри / Караулов 1901, 43]. Но их северным соседям – русам вряд ли те ни за что ни про что взимаемые пошлины могли нравиться. Как внутренней Руси по Волге и Дону, так и внешней на Днепре, которой из-за них ежегодно на днепровских порогах головой рисковать приходилось, надо было как-то решать проблему выхода к южным морям.

Из Новгорода-Северского в междуречье Днепра и Дона Святославу Игоревичу это особенно хорошо видно было. Поэтому *«в лѣто 6472 (964/965) князю Святославу, вѣзразѣшию и вѣзмужавшию, нача воя сѣвокупляти многы и храбры. <...> В лѣто 6473 (965/966) иде Святославъ на Козары. Слышавше же Козаре, изыдоша противу съ княземъ своимъ Каганом, и сѣступнишася бити. И бывши брани межи ими, одолъ Святославъ Козаромъ, и городъ ихъ Бѣлу Вежю взя. И Ясы побѣди, и Касогы, и приде къ Киеву. В лѣто 6474 (966/967) побѣди Вятичь Святославъ и дань на нихъ вѣзложи»* [Никитин 2006, 90-91].

И всё. На этом данные о его походах на восток в ПВЛ заканчивались. Никакого взятия Булгара или Итиля нет и в помине. Уже в 967 г. он ушёл на Дунай, в Переяславец. В 968 г. именно оттуда позовёт его Ольга в Киев для защиты города, себя и внуков от печенегов. В 969 г. он вновь на берегах полюбившейся ему реки. В 972 г. Святослав весной погибает на порогах Днепра в схватке с печенегами, возвращаясь с Дуная в Киев.

Впрочем, из-за смены письменности при насаждении христианства его младшим сыном Владимиром не удивительно, что информация о походах по Волге 150-летней давности исчезла.

К счастью, последователь ал-Истахри – Ибн Хаукаль творил уже после похода Святослава по Волге. Беженцы из разгромленной Хазарии щедро делились своими воспоминаниями. Ибн Хаукаль ведь повторит прежний рассказ о трёх видах русов со столицами в Куйабе, Арсе и Салаве, и о том, что они продолжали жить торговлей с югом, но с одним важным дополнением: *«И не осталось в это наше время ни болгар, ни буртасов, ни хазар [из-за] народа рус, кроме разбросанной неполной части этих народов, и за ней рыскали. Целями и надеждами бежавших было оставаться по соседству со своими областями»* [Ибн Хаукаль / Древняя 2009, 94]. Потому по разгрому поволжских градов второй половины X в. есть вопрос: досталось Булгару, Итилю, буртасам, а Куйабе? Какие русы воевали тогда на Волге: пришедшие со Святославом, волжские или же силы их тогда объединились?

Регион, по его мнению, выглядел так: *«Продавали руссы в Болгарии этот товар, прежде чем разгромили ее в 356 году (967 г. – выделено С.Б.). <...> Я спрашивал об этом в Джурджане в 358 году (969 г. – выделено С.Б.) одного, который недавно там был, и он мне сказал, что, если там еще есть виноградный куст или сад, то все, что в нем есть, представляет милостыню для бедных. <...> Все это погибло вместе со страной, а она весьма изобиловала лозами и виноградом. Ее населяли мусульмане и другие, и в городе у них были мечети, у христиан храмы, а у иудеев - синагоги. Затем пришли руссы, разрушили все*

это и разгромили все, что принадлежало людям хазарским, болгарским и буртасским на реке Итиль. Руссы овладели этой страной, а жители Итиля искали убежища на острове Баб-уль-Аббаба» [Караулов 1908, 218-219].

Этот разгром людей хазарских, болгарских и буртасских на реке Итиль дал Ибн Хаукалю полное основание написать: «Река Итиль — самая большая по протяженности, и это река русов» [Ибн Хаукаль / Древняя... 2009, 88]. Из текста опять неясно, какие это русы, с волжской Куйабы или уже с днепровского Киева, который по арабской и византийской географии находился в области ас-сакалиба, то есть славян. Так как далее Ибн Хаукаль пояснил: «Русы — народ варваров, живущий в стороне болгар, между ними и славянами по реке Итиль <...> (Река Итиль. — Т. К.) течет (к хазарской столице Итиль. — Т. К.) из страны русов» [там же, 90]. Ведь возможен также перевод: «руссы — народ варваров, живущий в стороне болгар по реке Итиль, между ними и славянами». Это лишь переводы. К тому же варианты рукописей дают разброс дат от 356 до 358 гг. Хиджры. А в 358 (969 г.) Святослав согласно ПВЛ был на Дунае.

Расхождение дат отмечено давно. Конечно, ПВЛ была создана полтора века спустя, даты могли спутать. Но всё же взятие двух крупных городов Хазарии, форсирование Волги вряд ли промелькнули бы так незаметно, как в записях от 965-967 гг. Ведь и Переяславец, и осада печенегами Киева показаны там очень ярко.

Встаёт вопрос, а не было ли в битве Святослава с хазарским каганом третьей стороны, тех самых внутренних, то есть волго-донских русов, что смогли бы продолжать войну в Понизовье? Ведь Константин в се-

редине X в. всё ещё явно противопоставлял днепровских славян пришедшим сюда веком ранее росам: первые дважды указаны им пактиотами росов, не исключая крепость Витичев всего-то в дне пути от Киева.

Поэтому логично предположить, что когда войска хазарского кагана вместе с союзными им воинами Кавказа — ясами и касогами были полностью разбиты князем киевским в 967 г., когда он с чистой душой в том же году на Дунай отплыл, а орды печенегов добрались до стен Киева, тогда Русский каганат мог продолжать свои завоевания без помех. Причём волго-донские росы, увлечшись, и часть Прикаспия по Семендер включительно захватили. Так сказать, творчески продолжили начатое своим новоявленным юным и сильным каганом дело.

Ведь именно под упомянутой в ПВЛ Белой Вежей должен был Святослав встретиться с защитниками трёх стольных градов каганата русов. Молчит о том «Повесть временных лет». Но вот титул кагана русов потомки павшего при возвращении с Дуная Святослава всё же унаследовали. Так величали его сына — Владимира, в крещении Георгия (около 960-1015), внуков — Мстислава (рис. 14) (987-1036) и Ярослава (?-1054), видимо, и правнука — Святослава II (1027-1076). Хотя брат его Всеволод будет величать себя на печатях «князь всея Руси».

Например, митрополит Иларион в своём трактате «Слово о законе и благодати» XI в. именовал князя Владимира: «великааго кагана нашеа земли Володимера <...> каган наш Влодимер», а также сына его Ярослава -

Рис. 17. Печать МІСТІСЛАВ КОГАН РОСКІ [Жуков 2014, 129]

Георгия: «*помолися о сыне твоём, благовернем кагане нашем Георгии*». Тогда как граффито 13: «*Спаси, господи, кагана нашего*» на стене храма Софии Киевской, возможно, упоминало уже Святослава Ярославича.

Князь Владимир не пренебрегал этим титулом и данными им правами. В середине 990-х гг., ещё до крещения, как отмечал в XI веке Иаков Мних в своей «Памяти и похвале князю русскому Владимиру», он повторил отцовский поход на Волгу: «*Идеже идяше, одолеваше: радимицы победы и дань на них положи, вятичи победы и дань на них положи, и ятвяги взя, и сребренья болгары победы, и на козары шед, победы и дань на них положи*».

Но после принятия христианства начался разворот его политики в сторону Запада. Смена веры и письменности вели к смене жречества и к утрате исторической памяти. А так как позднее Владимир «Святой» сюда более не добирался, вопрос с верой в бывшем Русском каганате остался открытым. И если не обращать внимания на современные воззрения о Киевской Руси из мифов «Повести временных лет», то можно предположить, что внутренняя *Рωσία*, лежавшая на древнем торговом пути от Тмутаракани до Ладоги, продолжала жить как прежде. Ведь упоминания о ней сохранили страницы не только трактатов, но и договоров X столетия.

Например, в договоре между русами князя Игоря и греками василевса Романа в статье «О Корсуньской стороне» от русов требовалась защита Херсона (ныне г. Севастополь) в Крыму от набегов черных болгар: «*иже то приходятъ Чернѣнии Болгаре и воюютьъ въ странѣ Корсуньстии, и велимъ князю Рускому да ихъ не пуцаетъ*» [Никитин 2006, 72]. Но эта «оборона Севастополя», без-

условно, была нереальна для русов с верховьев Днепра. Для спасения Херсона помощь грекам могла поспеть вовремя лишь из ближних земель, из неизвестной ныне «тавро-тмутараканской» Руси, которой, по мнению современных «хазароведов», не было (см. рис. 7). Хотя она отмечена и в арабских, и в византийских источниках того времени.

Ведь не зря же в этом договоре греки просят русов не трогать их выброшенные штормами на берег суда: «*аще обрящють Русь кувару Гречьску, вывержену на нѣкоемъ любо мѣстѣ, да не пребидять ея*» [там же], и речь здесь, несомненно, шла о морских берегах, протяженность которых должна по тексту быть немалой.

Не зря Лев Диакон, упоминая в своей «Истории» о походе князя Игоря, отметил возвращение того с Царьграда на Боспор Киммерийский, ныне Керченский пролив, а отнюдь не на Днепр [Лев Диакон 1988, 58].

Не зря часть арабских географов размещала Русь на острове длиною в три дня пути, а ал-Мас'уди, рассказывая о Чёрном море, прямо указывал: «*которое есть Русское море; никто кроме них (Русов) не плавает по нему и они живут на одном из его берегов. Они образуют великий народ, не покоряющийся ни царю, ни закону...*» [ал-Мас'уди / Гаркави 1870, 130]. Причём и плавали, и жили они на Чёрном море ещё до походов князя Святослава на Хазарский каганат и его разгрома, ведь ал-Мас'уди (896-956) до этих славных дел не дожил.

Выходит, что не зря знавшие Геродота византийцы русов тавроскифами звали. Ведь Русь X в., заняв земли Скифии от Балтики до Волги и южных морей, давала отпор хазарам, печенегам и прочим не хуже них. А вот продолжение той фразы ал-Мас'уди о *великом народе*,

не покоряющемся ни царю, ни закону ясно говорит о том, что русами он считал не только жителей берегов Чёрного моря. Ведь далее следовало: «*между ними находятся купцы, имеющие сношения с областью Бургар. Русы имеют в своей земле рудник, подобный серебряному руднику, находящемуся в горе Банджгира в земле Хорасана*» [там же, причём ал-Мас'уди сравнил рудник русов с богатейшими рудниками Панджшера Афганистана].

Это сравнение древних рудников Руси и Хорасана ал-Мас'уди не оставляет уже сомнений о местонахождении Русского каганата, так как в Восточной Европе лишь на Донецком кряже у Северского Донца (см. рис. 16) известны древние серебряные копи. Только здесь, вблизи крепостей салтово-маяцкой культуры, С. И. Татариновым были найдены остатки плавильных печей и шлаков горняков от эпохи бронзы и раннего железа. Длительность их использования подтвердили работы И. А. Пислария, который нашёл на юго-восточной оконечности Донецкого кряжа – на Нагольном кряже древний рудник-разнос на золото, на отвалах которого был раскопан луганскими археологами курган скифского времени [Татаринов 2003, 201].

О добыче серебра в этих горах известно не только из работ археологов. Ещё в 1720 г. Степан Иванетинков нашёл здесь серебро «по следам старинных разработок на месте 129 заброшенных горнов на реке Донце. В 1724 г. он получил разрешение на добычу серебряной руды, средства для этого и охрану» [Кузин 1961, 202]. В конце XIX в. с 1895 по 1897 гг. на Острове Бугре г-н Глебов добыл пуд (16 кг) серебра и почти полпуда золота. Ныне разведанные запасы одного лишь только Бобриковского месторождения составляют до 400 тонн серебра, не гово-

ря уж об сопутствующих 28 тоннах золота. Жильное их залегание, добыча русами руды горной проходкой, видимо, и вызвали ассоциации с Панджшером у ал-Мас'уди.

Тогда как о богатствах хазар ал-Истахри и Ибн Хаукаль писали: «*Хазары не производят ничего и не вывозят ничего, кроме рыбьего клея*». Даже в похвалившей богатства Хазарии рукописи «Худуд ал-'алем» отмечено, что из неё происходят лишь «*рогатый скот, овцы и бесчисленные рабы*» [Худуд 1930, 31]. Драгметаллы никто никогда не упоминал. Да и размеры этой страны средневековые географы, в отличие от нынешних «хазароведов», всегда указывали относительно скромные.

В VIII в. источники в её пределах упоминали только три города: Баланджар, Самандар и ал-Байд'у, в которой *преживает хакан*», причём ал-Байд'у, согласно ал-Куфи, была вблизи как Самандара, так и гор, точнее меж ними. А значит река, вдоль которой отступал хакан, с её горами и дебрями, – это Терек, а его река славян, видимо, Кубань.

В начале IX в. у ал-Хорезми, посещавшего Хазарию, нет в устье Волги города, хотя он и верно измерил длину реки, начиная от устья Камы. А вот в конце IX в. Ибн Хордадбех указал уже новую столицу: «*Город Семендер лежит за Бабом, и вся страна за ним во власти хазар <...> От Джурджана до Хамлиджа, – столицы Хазарии, лежащей на берегу реки, которая выходит из земель славян и впадает в джуржанское море, – при благоприятном ветре 8 дней плавания. Города хазар: Хамлидж, Беленджер и Бейда*» [Караулов 1903, III, 15-17]. Всего четыре города. К тому же хазары добрались-таки до устья Волги и перекрыли его. А также попробовали, используя возведенную с помощью дружественной Византии крепость

Саркел, перекрыть ещё и путь русов по Дону.

Лишь в X в. число хазарских городов начало расти. Максимум их дан в «Худуд ал-'алем»: «Итиль – город, через который посредине проходит река Итиль; он столица хазар и местопребывания царя, которого называют Хазар-тарханом <...>. Семендер – город на берегу моря, богатый; есть базары и купцы. Хамидж, Баланджер, Байда, Савгар, Хтиг, Лкн, Сур, Масмада – города в стране хазар, все с крепкими стенами, богатые» [Бартольд 1973, 544], причём пять из них ныне не известны.

Чуть отстал от «Худуд» по числу городов уроженец Иерусалима ал-Мукаддаси. Он творил после разгрома каганата (985 г.). Поэтому писал не о стране Хазарии, а об одном из округов в созданной им системе деления климатов, лишь взяв известное в регионе имя. Потому в его округ вместе с городами Хазарии вошли ещё и бывшие далеко за границами той уже исчезнувшей страны болгарские и русские города по Волге: «Касаба его – Итиль, а города его – Булгар, Самандар, Сувар, Баганд, Кайшава, Хамлих, Баланджар, ал-Байда» [Бейлис 1994, 283-284, касаба – главный город. С.Б.]. Из них хазарскими были Итиль, Самандар, Хамлих, Баланджар, ал-Байда; болгарскими – Булгар и Сувар; русским – Кайшава, она же Куй-аба. Чей был город Баганд – пока неясно.

А вот за границами Руси на севере знаменитые норманны к возведению городов ещё и не приступали. «В Скандинавии до XI в. города отсутствовали» [Мельникова 2008, 65]. Ещё более поздние даты приводят скандинавские медиевисты Т.Линдквист и М.Шеберг: «Но по настоящему строительство городов в Швеции началось

только с конца XIII в. Именно тогда появилось несколько крупных городов, ставших значительными центрами Средневековья...» [Lindkvist, Sj"Oberg 2008, 42, 62-63.].

То есть ни хазары, ни скандинавы, ни тем паче греки меж Доном и Днепром городов не создавали. Поэтому крепости и поселения салтово-маяцкой культуры (рис. 18), как и их керамику надо относить к одной из 3-х ветвей восточных славян, названных русами Русского каганата. Их стольным градом в X в. был Салав. Не зря первые раскопки здесь В.И.Сизова показали, что «в составе этого материала преобладали русские вещи» [ОАК 1882-1888, CLXXVII, Сизов 1889, 273-279, Артамонов 1958, 9].

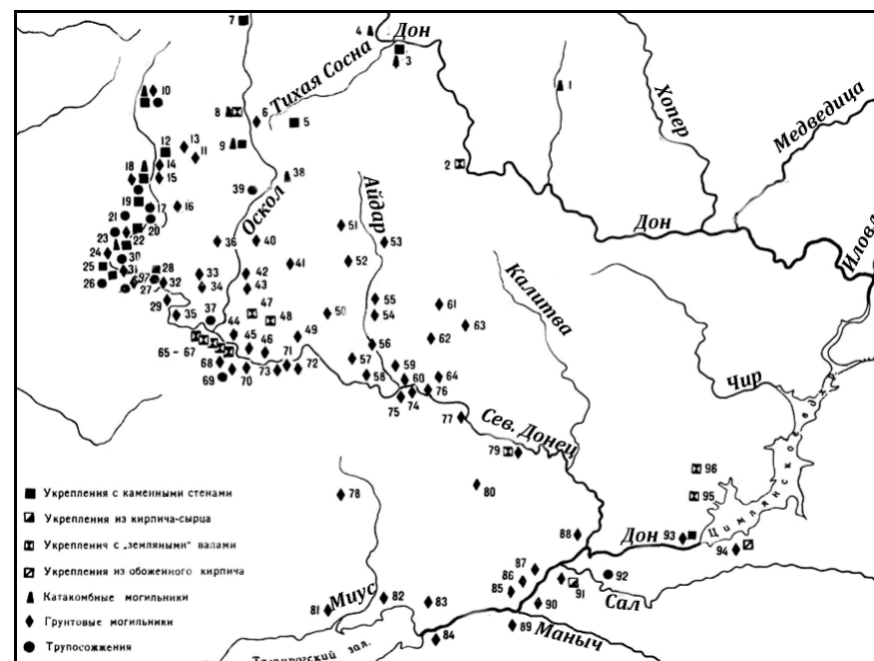

Рис. 18. Основные поселения и могильники Салтово-маяцкой культуры (VIII-X вв.) [Михеев 1985]

XI век: география первых сводов

Следуя за мнением летописцев с их \neq СТО-летием и формальной логикой, видимо, лишь XI век наконец-то приоткрыл эру истинного русского летописания. Ведь после того, как князь Владимир Святославич сменил веру отцов, приняв в 988 г. христианство, нужно было время, чтобы новые миропонимание и письменность окрепли в умах хотя бы части его соотечественников.

Судя по первому разделу «Повести временных лет», с ними на Русь пришла и византийская «историческая» география с её не всегда удачными попытками совместить библейские сюжеты с описанием реальных событий. Из-за неё русские клирики начинали показ земель от времён Ноева потопа, разделяя мир в ранних греческих традициях на три части между тремя сынами Ноя: Африку – Хаму, Азию – Симу, Европу – Яфету.

Основное внимание в ПВЛ, что вполне естественно, уделено землям Яфета и их гидрографии, где моря и реки создают каркас, с коим сопряжены племена и народы, вызывая невольные ассоциации с Большим Чертежом Ивана Грозного XVI в., созданном по тому же принципу.

В ПВЛ к северу от Черного моря с запада на восток указаны: «До Понетъского моря на полунощные страны: Дунаи, Днестръ и Кавкасинскыя горы, рекше Угорскыя, и оттуда, рекше, доже до Днепра, и прочая рѣкы: Десна, Припеть, Двина, Волховъ, Волга, иже идетъ на востокъ въ часть Симову». По ним «сѣдитъ Русь, Чудь и вси

языци: Меря, Мурома, В[е]сь, Мордва, Заволочьская Чюдъ, Пермь, Печора, Ямь, Югра» [Никитин 2006, 20].

Сложнее разобраться с Варяжским морем, которое многие исследователи традиционно ныне считают морем Балтийским. Хотя автор географической преамбулы ПВЛ под Варяжским морем подразумевал более крупную часть бассейна Атлантического океана: «и того озера видеть устье в море **Варяское**, и по тому морю внити доже и до Рима, а отъ Рима прити по тому же морю къ Цесарюграду, и отъ Цесаряграда прити в Понтъ море, в неже втечет Днѣпръ рѣка» [там же, 23, выделено С.Б.].

То есть его маршрут по Варяжскому морю фактически показывает путь по Балтийскому и Северному морям, Атлантическому океану и Средиземному морю в обход почти всей Европы. Получается, что автор преамбулы ПВЛ, не мудрствуя лукаво, показал всего два моря:

Первое море своё, ныне – Чёрное, тогда ещё Понт. Его автор прямо называет Русским морем: «А Днепръ втечет въ Понтеское море тремя жерельи, иже море словеть русское» [там же, 20].

Второе – Варяжское, объединяющее все остальные моря Европы. Не случайно на берегах его «Литва, Зимигола, Корсь, Семѣгола, Либь, Ляховѣ же, и Пруси, и Чюдъ присѣдять к морю Варяскому. По сему же морю сѣдять Варязи сѣмо къ вѣстоку до предѣла Симова; по тому же морю сѣдять къ западу до земли Агаряньски и до Волошсьскыя» [там же]. А так как Агаряньски земли в переводе означали территории сарацин, проще говоря, мусульман, в данном случае, вероятно Кордовского халифата на землях Испании, а Волошсьскыя – это земли романизированные, то ошибки с Варяжским морем как

морем округ всей Европы никакой быть не может.

А это означает, что для автора ПВЛ варяг – это лишь синоним европейца, жившего в любом месте Европы от берегов Африки (части Хама) и до Волги, доходившей до границ Азии (части Сима). Не зря же следующая фраза со знаками препинания, расставленными А.Л.Никитиным, гласила: *«Афетово же колѣбно и то Варязи: Свеи, Урмане, Готѣ, Русь, Аглянѣ, Галичанѣ, Волохове, Римлянѣ, Нѣмци, Корлязи, Венедици, Фряговѣ и прочии присѣдять отъ запада къ полуденю и съсѣдятся съ племенем Хамовомъ»* [там же].

То есть миф Иордана VI в. о приходе варягов, что был, кстати, не во всех списках ПВЛ, говорил лишь о начавшейся переориентации киевских князей на Европу. Смену вектора с востока на запад показывают и династические браки. Владимир, отослав прежних жён, женился на принцессе Анне, сестре двух правивших тогда византийских императоров. Его сын Ярослав присмотрел невесту в землях могущественных викингов, перед коими трепетал в то время весь Западный мир. Прекрасная Ингигерда (рис. 18), дочь первого христианского короля Швеции Улафа III была за него просватана летом 1018 г.

Но дабы получить знатную красавицу-жену, князь Ярослав отдал норманнам ключ-город земли Русской. Как свадебное вено он вручил им одну из самых древних северных каменных крепостей Руси с г. Старой Ладогой и её землями у впадения реки Волхов в Ладожское озеро. Викинги в своих сагах поименовали город Альдейгьюборг, окрестные земли получили название Ингрии, а посадником здесь стал с 1019 г. родственник Ингигерды, сосватавший её князю, ярл Рёнгвальд Ульфссон (Рёрик?).

Рис. 18. Ингигерда и князь Ярослав (худ. А.И.Транковский)

Но отданный норманнам контроль над ключевым пунктом путей «из варяг в греки» и «из варяг в персы» был лишь началом дробления русских земель. Схватка Владимировичей за наследство, начатая в 1015 г., привела большинство из них к скорой гибели. В братоубийственной борьбе при неясных обстоятельствах, ведь правкой рукописей в 40-х годах занимался лично Ярослав Владимирович [Ипатьевская 1908, 99], погибли Борис, Глеб, Святослав, Святополк. К концу 20-х в силе остались лишь два главных претендента на Киев: сидевший в Новгороде с Владимировичей раздела уделов 988 г. Ярослав и Мстислав Храбрый, в 988 г. получивший в удел далёкую Тмутаракань на Чёрном море.

Между ними и состоялось последнее сражение Владимировичей. Север и юг сошлись друг с другом в сече при Листвене в 1024 г. На стороне Ярослава бились варяги и новгородцы, Мстислав привёл с собой северян с Левобережья Днепра и Чернигова, касогов и даже покорённых хазар. Хотя горькая победа и досталась Мстиславу, Киевский стол он занимать не стал. Русь братья поделили по Днепру. Западная часть отошла к бежавшему в Новгород Ярославу, земли к востоку от Днепра достались Мстиславу.

Поэтому сведения о восточных землях в киево-новгородскую «Повесть временных лет» не заносились. Да и ранее, при походах Святослава и Владимира, эти земли были летописцам плохо известны: *«русская хроника сообщает, что Владимир двинулся в Суданскую землю и завладел главным городом Судам (Sudam)»*, цитировал черниговскую «Русскую хроничку» М. Стрыйковский [Стрыйковский 1582/1844, 95]. В его «главном

городе Судаме» можно признать Содом Х. Бэрроу, в том же XVI веке упомянутый англичанином при описании пути по Волге, благо жизнь тогда ещё теплилась на его городище, и название могло сохраниться в этой земле. *«А что это был за край в те времена, я не знаю»* – честно добавляет в своей рукописи имевший широкий доступ к русским летописям, накопленным в Великом княжестве Литовском за долгое время входивших в него украинских земель, Мацей Стрыйковский.

Как показывает та краткая «хроничка», имевшая в основном относительное датирование, поход Владимира на город Судам, отмеченный Бэрроу на Увеке у руин каменной крепости древней Куябы, состоялся уже после возведения церкви Богородицы в Киеве, заложенной в 991 г., но до перемирия польского короля Болеслава с князем Владимиром Святославичем 1009 года. То есть тот поход состоялся, видимо, на рубеже X и XI веков.

«Повесть временных лет» будет создана лишь в следующем XII столетии. Не удивительно, что эта информация из древних хроник и «хроничек» выпала из ПВЛ, так как на этот рубеж пришёлся максимум правок летописей. Из-за путаной преемственности в борьбе Владимировичей за власть и им, и их летописцам было не до восточных земель. Даже о взятии великолепного Байлакана, города-крепости у слияния Аракса и Куры, в очередном походе русов на Каспий 1030-1032 гг. мы узнаём из «Истории Ширвана и Дербента». А так как Ярослав и Мстислав в 1031 г. вместе с дружинами были в походе на Польскую землю, Червенские города отвоёвывали, то там были явно не их соратники. В летописи те героиче-

ские русы не попали, и донныне не ведомо, откуда на своих 28 кораблях они на Каспий прибыли.

Отвечавший за восточные земли Мстислав свой летописный свод так и не составил или не успел составить. Да и не для кого ему было. Единственного сына он в 1033 потерял, сам в 1036 г. разболелся и умер. И стал Ярослав «единовластель Руской земли» [Никитин 2006, 207]. Потому и назвал Ярослава каганом земли Русской ставший митрополитом в 1051 г. Иларион.

Но то была уже чистой воды лесть. В отличие от отца своего, в действительности князь Ярослав Владимирович каганом, то есть властелином тюрок, точно не был, по Понизовью не хаживал, восточных земель не знал, не завоёвывал. Единственная земля Поволжья, где он побывал – Ростово-Суздальская, верховья Волги, когда в Суздале он с волхвами расправлялся во времена страшного голода в этих местах [там же, 203].

Ещё менее сего титула достойны были его преемники. Потому и побитые в 1060 г. торки рассеиваются в летописях неведомо куда, и пришедшие в 1061 г. впервые с войною светловолосые половцы, которых привёл «князь их Сокал» [ПСРЛ том 2, 1908, 106], победив, исчезают – «отиди идоша» в даль светлую. Степная часть Руси, как видно, их тогда совершенно не интересовала.

Возможно, столь заметное падение интереса к восточным землям возникло из-за резкого обмеления потока серебряных дирхемов, ранее массово поступавших по Волжскому торговому пути в Восточную Европу и Скандинавию. Великий «серебряный кризис», связанный с истощением рудников Востока, изменил в те годы не только мир ислама. Один за другим прекратили пе-

чать полновесных серебряных дирхемов Самарканд, Бухара, Хорезм. В XI в. серебряный кризис поразил уже ближайшие к местам добычи монетные дворы у серебряных рудников Илака (у совр. Ташкента), Шельджи (у совр. Тараза, прежде советский г. Джамбул) и Панджшера (в совр. Афганистане).

Истощение рудников, а также лесов ближайших к ним гор привели к катастрофическому росту себестоимости серебряных монет. Дефицит серебряных дирхемов на Востоке вполне естественно породил проблемы с ними и на Западе. Аварийный чекан из местного серебра показывает, что нехватка монет началась ещё в X веке. Достаточно взглянуть на дирхемы Девицкого клада с допечаткой недостающих по ранним, плохо читаемым образцам VIII-IX вв., найденного вблизи Маяцкого городища, а также на псевдодирхемы Ярополка Святославича.

На счастье северо-западной Руси с открытием при Оттонах (962-1002 гг.) серебряных рудников Гарца немецкие денарии смогли восполнить дефицит восточного серебра, остаток поступлений которого был перекрыт наступлением турок-сельджуков на арабский мир. И христианская часть Руси оперативно развернулась лицом к Западу. Занятым войной с сельджуками, а чуть позднее и с крестоносцами, арабам и византийцам тоже было не до северных степей. Данных о них и здесь не найти.

К счастью на Востоке продолжали интересоваться путями на Запад. Это позволило продолжателям традиций среднеазиатской научной школы дополнить информацию своих предшественников о северных маршрутах. Среднеазиатский историк Абу Са'ид Абд аль Хай ибн аз-Заххак ибн Махмуд Гардизи, составивший свой труд

«Украшение известий» в 1049-1053 гг., старые сведения по Великому Волжскому пути от Итиля до Булгара дополнил описанием северной ветви Великого Шелкового пути, пересекавшимся с Волжским у переправы от буртасов к Куйабе. По его данным северная ветвь отходила от основного Шелкового пути у города Ургенча и шла сначала к печенегам, кочевавшим в районе западного колена реки Урал:

«Дорога к ним на гору Хорезма, от этой горы идет к печенегам, подходит к озеру Хорезма, оставляя озеро по правую руку, оттуда идет до некоторой сухой земли, пустыни, следует 9 дней; каждый день или каждые два дня доходят до колодца, спускаются туда на веревке, достают воду вьючным животным.

Когда наступает десятый день, доходят до источников и воды, там бывает охота на всякого рода птиц и джейранов; в эти 16 дней пути бывает мало травы; когда наступает семнадцатый день, добираются до шатров печенегов» [Гардизи 1897, 95 / Заходер 1967, 71].

От печенегов путь на запад был неплохо известен с предыдущего столетия, со времён Ибн Русте и ал-Истахри. Он вёл в бывшие земли буртасов, где через 10 дней пути путешественники останавливались уже на берегу Волги напротив знаменитой Куйабы.

Отсюда можно было повернуть на юг, и через 20 дней пути пешеход мог увидеть вновь отстраиваемые стены Итиля, который со временем стал именоваться Саксином. Караван верблюдов преодолевал путь от бывшего опорного пункта буртасов до них за 15 дней, на корабле вниз по Волге можно было доплыть ещё быстрее, дней за десять.

Если же пешеход отсюда отправлялся вверх по Волге на север, то дубовые стены нового Булгара, создаваемого с конца X столетия на территории современного Билярского городища на реке Малый Черемшан, он мог увидеть опять же дней через двадцать. Булгары предпочли отодвинуть свою столицу вглубь территории, подальше от беспокойной Волги.

Немного отошли от Волги, скрылись в XI столетии в лесные дебри верховьев Медведицы и Суры, унося с собой свою топонимику, также буртасы. Хотя, возможно, на смещении к северо-западу этих охотников и сборщиков мёда больше сказались страшные засухи X века.

Если же путешественник или купец желал отправиться ещё далее на запад, то за переправой через Итиль-Волгу его ждал маршрут через прежние стольные грады русов, от Куйабы до так пугавшей ал-Истахри и Ибн Хаукаля негостеприимной Арсы, от которой далее его ожидало уже плавание через Салав до пристани средневековой Матрахи – легендарной русской Тмутаракани на Керченском проливе. Это от её стен пути расходились ко всем гаваням Чёрного моря. Впрочем, их яркое и подробное описание относится уже к следующему столетию.

А вот в русской «Повести временных лет» описания земель русской Тмутаракани XI в., как ни странно, нет. Хотя географическое вступление составлено не ранее середины XI в., так как его автор сам проговорился, что *«якоже се и ныне при нас Половци закон держат отец своих»* [Никитин 2006, 31, выделено С.Б.], а термин «половцы» использовался в Киеве лишь с 1055/56 г. – момента подписания договора князя Всеволода с Б(о)лушем. И тогда русские князья на Тамани правили однозначно.

При всём этом в географическом вступлении ПВЛ автор весьма неплохо показал местонахождение и обычаи не только *тихих и кротких* полян окрест Киева. Он очень ярко изобразил *живущих зверским образом и умыкающих уводом девиц* древлян, поведал об имевших по 2-3 жены, сжигавших своих мертвых, погребавших их прах в малых сосудах радимичах, вятичах, северах, кривичах.

Хотя в этом же вступлении к ПВЛ нет описаний земель мельком упомянутых в тексте днестровских тиверцев и ул(ут)ичей, которые *«сediaху по Бугу и по Днеп(ст)ру оли до моря, и суть городи их и до сего дне, да то ся звяху от Грек Великая Скуфь»* [там же, 28]. Нет описаний сидевших по Бугу бужан, дулебов на том же Буге, *«где ныне Воляняне»*, а также самих волянян. Нет описаний *«седоша на Двине и нарекоша Полочане, речкы ради, яже втечеть в Двину, именем Полота»*, дреговичей *«межи Припетью и Двиною»* [там же, 22]. Но самое любопытное, что и Новгородских славян описаний тоже нет. Есть лишь фраза: *«Словене же седоша около озера Илмера и прозвашася своим именем, и сделаша город, и нарекоша его Новгород»* [там же].

Повышенный интерес к одним и игнорирование других земель рождает вопрос о причинах странной избирательности. Возможно, автора интересовала лишь родная епархия и источники её доходов. Ведь уже при Льве VI (886-912 гг.) в ряде списков на 60-м месте упомянута митрополия Русская, вероятно, состоявшая из нескольких епархий. А уж русские земли на востоке, где за половецким щитом вдоль Великого Шёлкового пути была распространена чуждая несторианская ересь, видимо, даже упоминать в православном труде было грешно.

ХII век:

норманны о пути Булгар – Киев

Как ни странно, новая информация о землях Руси в XII веке поступила со Средиземного моря. Рожер II (1095-1154), норманнский властитель созданного им Сицилийского королевства, имел далеко идущие планы. Расширение его земель продвигалось весьма успешно благодаря грамотно поставленной разведке.

Мудрый наследник грозных викингов понимал, что без знания точных маршрутов и особенностей разных стран его планы захвата дальних земель обречены на неудачу. Поэтому он пригласил в свою столицу – Палермо видного представителя исламской географии Абу Абдуллаха Мухаммада ибн Мухаммада ал-Идриси (1100-1165). Этому прекрасно образованному и немало повидавшему мир потомку эмирского рода король и поручил составить общую карту в виде серебряного диска с детальной его прорисовкой.

Карту должен был сопровождать трактат с пояснениями, обобщающими данные древних и современных ему учёных. В предисловии к созданной книге «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак», нередко называемой «Книгой Рожера», сказано, что король *«пожелал узнать свойства своих стран по существу, изведать их с ясностью на опыте, узнать их границы и пути на суше и на море, в каком они климате, что относится к ним из морей и заливов, находящихся в них, а вместе с тем*

ознакомиться с прочими странами и областями в семи климатах» [Коновалова 2006, 10].

Известный сирийский ученый XIV века ас-Сафади ад-Димашки в своих исторических биографиях утверждал, *«что Рожер даже специально посылал своих людей для сбора сведений, ибо хотел «проверить рассказы про страны воочию, а не на основе того, что передается в книгах». Вместе с ал-Идриси король отобрал «людей умных, смысленных, способных» и отправил их «по климатам востока и запада, юга и севера...» [там же]. Видимо, поэтому создание трактата затянулось на пятнадцать долгих лет. Но зато в нём были отражены все семь широтных зон – «климатов» и десять меридиональных членений Ойкумены – всей известной тогда населённой части планеты.*

Работа над этой книгой началась с замечательного триумфа Рожера II. 25 июля 1139 г. его длительная война со Священной Римской империей победоносно завершилась торжественной коронацией Рожера римским папой Иннокентием II, предварительно взятым им в плен за три дня до этого в битве при Галуччо. Новое королевство норманнов объединило остров Сицилию и все их владения в Южной Италии.

Но сицилийский король не собирался остановиться на достигнутом. В 1146 г. на североафриканском побережье он захватил Триполи, в 1147 г. соседний Габес – ключевые пункты торговых путей вглубь Африки. Их ему показалось мало, и в том же году его норманны взяли у берегов Греции важный в стратегическом плане остров Корфу. Имея во владении безопасный греческий порт, его флот совершил налёты на главные центры Ви-

зантийской империи по производству шёлка: греческие Фивы и Коринф. Причём Рожер II не просто ограбил их сказочные богатства. Практичный король целиком и полностью вывез оттуда всё необходимое для производства шёлка на Сицилию: от семей лучших мастеров до станков и коконов местного тутового шелкопряда. Так началась долгая сицилийско-византийская война. Она затронула не только эти две державы, но и многие народы окрест них.

Чтобы выстоять против разъярённой империи, королю нужны были союзники. Тем более, что весной 1148 г. Византия, дабы справиться с перевесом сил Рожера II на море, спешно заключила союз с Венецией и готова была уже в апреле нанести сокрушительный удар по Сицилийскому королевству. Но внезапно для империи грозные куманы, они же русские половцы, перешли Дунай, ограбили какой-то крупный город, глубоким рейдом прошли по тылам империи. Император вместо войны с Рожером был вынужден срочно отбыть в северо-западное Причерноморье, а его запланированный поход на Сицилийское королевство так и не состоялся.

В 1149 г. уже два императора византийский Мануил и германский Конрад согласовали совместное нападение на Южную Италию Рожера II, но им опять помешали. Сорок кораблей норманнов прошли проливы и разграбили предместья Константинополя.

В 1150 г. вдруг на севере империи восстали сербы.

В 1151-1153 гг. Византии пришлось воевать с соседней Венгрией. Лишь в 1154 г. византийские войска смогли-таки высадиться на побережье Южной Италии в Сицилийском королевстве, но не оттого ли, что ге-

ний упреждающих ударов Рожер II к тому моменту уже умер в феврале 1154 года?

Исходя из последовательности исторических событий, можно предположить, что на Сицилии тогда, как минимум, живо интересовались событиями у соседей империи, и, как максимум, активно занимались вопросами создания антивизантийской коалиции. Для Рожера любой «второй фронт» был тогда жизненно важен. А потому сведения с маршрутов рассылаемых им людей должны были как-то систематизироваться и заноситься в создаваемую тогда ал-Идриси «Книгу Рожера».

В то сложное время рассказы о доблестных битвах Росов с Византией и Хазарией, хорошо известные в исламском мире, могли заинтересовать Рожера II. Ведь ал-Идриси не зря цитировал данные ал-Мас'уди и Ибн Хаукаля, рассказывающие об их победах. В поисках тех сильных союзников миссия норманнов осенью 1147 г., обогнув вдоль восточного берега Чёрное и Азовское моря, вышла к устью Дона [Браташова 2019, 10-30].

Вполне реальная угроза заблудиться и погибнуть в бескрайних степях юга России при дальнейшем продвижении на север должна была направить миссию Рожера II далее вдоль рек. К тому же норманнов всегда интересовали пути, где можно было бы использовать их флот: в трактате заметен акцент на моря, проливы, гавани, крупные реки. Видимо, поэтому далее миссия пошла вверх по Дону, низовья которого ал-Идриси вслед за географами той эпохи посчитал черноморским устьем Волги, называемой им рекой Русской – нахр Русийю. И за городом Нарус на Дону экспедиция, покинув Куманию, вступила на земли неведомой восточной Руси.

Ал-Идриси указал на Руси путеводные реки: Волгу с Доном, назвав общий путь по ним нахр Русийя с каспийским рукавом – Исил и черноморским – Сакир, а также Днепр – Данабрис и Днестр – Данастр. С ними сопряжены почти все упомянутые им русские города. Ясное топографическое описание, которого не было у его предшественников, помогает разобраться как с этими реками, так и с сопряжённой с ними урбосетью.

Всех русов он поделил на вид западный – *«это те, которые живут по соседству со страной Ункарийа и Макадунийа»* [Коновалова 2006, 121], в летописях это православные Киевская и Галицкая Русь, и на вид восточный – *тюркский*, хорошо известный на Востоке и разделённый там в X в. на три: *«Русов три группы. Одна их группа называется равас, и правитель её живёт в городе Кукийана. Другая их группа называется ас-Салавийя, и правитель её живет в городе Салав. Этот город на вершине горы. Третья группа называется ал-Арсанийя, и правитель её пребывает в городе Арса. Город Арса – красивый укрепленный город на горе, и местонахождение его – между Салав и Кукийана* [там же, 119]. В описании восточных русов ал-Идриси близок к Ибн Хаукалю, хотя он и заменил Куйабу на Кукийану. Его странное название русов – *«равас»* родилось, видимо, от прочтения по буквам человеком, слабо знакомым с греческим языком, названия реки Ρῶς, то есть Волги.

А вот километраж его вполне оригинален, так как ни ал-Истахри, ни Ибн Хаукаль по реке Сакир измерений не проводили, тогда как у ал-Идриси на пути к тем тюркским русам *«от города Нârûс в восточном направлении до города Силâв (С.ла) 135 миль»* [Коновалова 1999, 203].

Ныне в 135 милях (267 км) от устья вверх по Дону, а течет он тут с востока на запад (рис. 19), сохранились руины комплекса крепостей IX-XII вв.: Камышино, Саркел и Цимлянкой Правобережной. Из них лучше известен Саркел – его в своём труде «Об управлении империей» Константин Порфирородный указал как границу Хазарского каганата. Тогда как белокаменный Салав за Доном принадлежал уже Русскому каганату. Память о нём долго хранили реки Черной Сал, СасыкСал, ЮрюкСал [Книга Большому Чертежу 1950, 86].

Из трактата видно, что и за Салавом путь норманнов шёл далее на северо-восток: «*между городом С(а)лâв (L; С.ла – А) и городом К(у)к(и)йâна (L; Кик.йâна – А) из земли Булгâr 18 переходов. <...> Кÿк(и)йâна – город тюрок, называемых Рÿсâ*» [Коновалова 1999, 203, где L и А – обозначения рукописей]. Так как затем от Кукийяны до Булгара он указал «*около 20 переходов*», а «*от Булгар до первых рубежей русов 10 переходов*» [Коновалова 2006, 121], то становится понятно, что уточнение «*из земли Булгâr*» указывало лишь направление, быть может, конечную цель миссии.

Судя по короткому дню, характерному для декабря, до своей цели экспедиция Рожера II добралась лишь зимою. О том же говорят и переходы при её возвращении назад, ведь летом вниз по Волге назад в Кукийяну проще было бы доплыть (рис. 19).

Если рассчитать длину пути от Салава до города Башни – Укека при движении на Булгар, используя классический пешеходный фарсах ал-Идриси (4,445 км), то его 18 дневных переходов составят: 18 x 4,45 = **800 км**. Ныне от Салава вверх по Дону и его притоку –

Иловле по древнему пути, проложенному от Урала к Чёрному морю ещё сарматами, меж крупных указующих путь их «золотых» курганов с богатейшим импортом до Укека 771 км. Но ведь гладко только на бумаге.

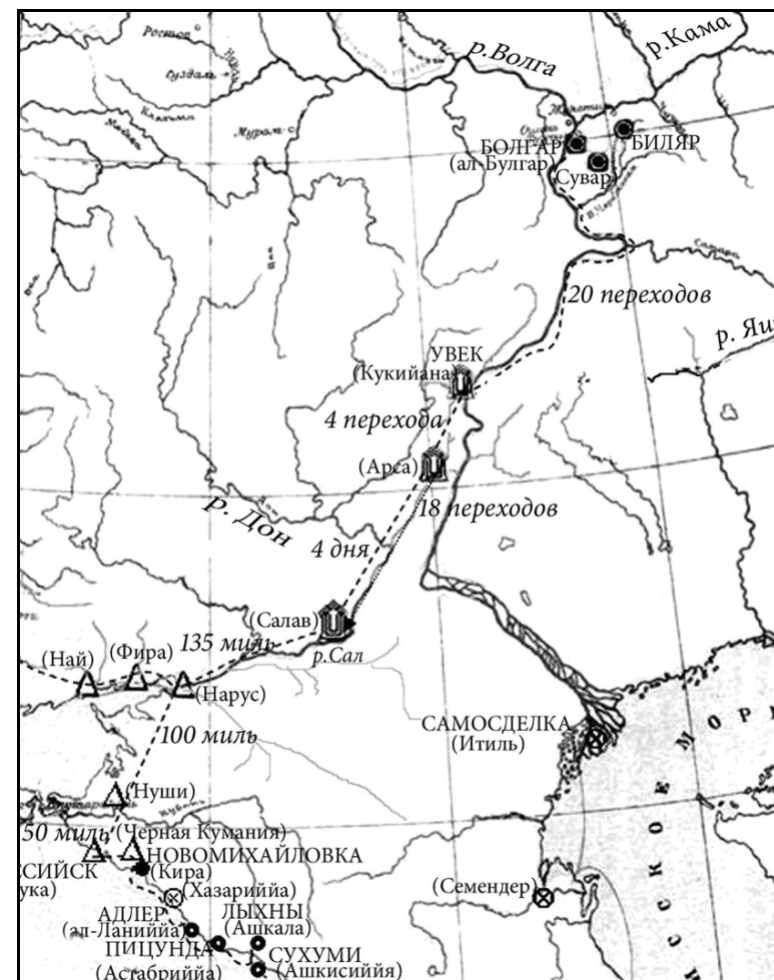

Рис. 19. Путь норманнов с Дона на Волгу к Булгару через города Русского каганата Салав, Арсу и Кукийяну

Следующие его 20 переходов от Укека до Булгара: $20 \times 44,45 = 889$ км. Тут до создания каскада водохранилищ между Тетюшами у Булгара и Саратовом севернее Укека считалось 775 вёрст [Виноградов 1897, 35], 827 км, и при дополнении их 15 км от Саратова до Укека и 18 км от Тетюшей до городища Булгара путь по Волге между ними равен **860** км. То есть метод сравнения и здесь дал неплохое совпадение протяжённости маршрутов ал-Идриси с реальными данными.

После возвращения из болгар в Кукийану, обратный путь из неё показан уже через Арсу. Но 18 переходов из Салава до Кукийаны не совпадают с суммой «от Кукийаны до Арсы 4 перехода, а от Арсы до Салава 4 дня» [Коновалова 2006, 119-120], так как $4+4=8$, а не 18. Это несоответствие замечено давно, и в одной из рукописей 18 исправлено на 8 переходов. Но надо обратить внимание на различие единиц измерений той фразы. Ведь 18 переходов на север были пройдены против течения рек, это были **18 дней** пешком (см. рис. 19).

От Кукийаны до Арсы на пути на юг опять **4 перехода** пешие, а вот далее **4 дня** от Арсы до Салава, видимо, надо дополнить словом [плаванья]. Ведь путь назад шёл вниз по течению путеводной Иловли, а её низовья были тогда судоходны, не говоря уж про Дон, особенно по весне 1148 г., когда норманны спешно возвращались обратно на юг, дабы, не найдя поддержки у болгар и восточных русов, попробовать задействовать куманскую (половецкую) конницу. Что им, судя по хроникам византийцев, и удалось успешно сделать.

Этот водный путь, судя по курганам, был известен с глубокой древности. Видимо, именно его упоминали

хазары и византийцы в VIII в. н.э. В начале X в. ал-Истахри тоже упоминал, что из Арсы русы «спускаются по воде, торгуют» [Древняя... 2009, 94]. О нём же говорят уцелевшие следы двух недостроенных каналов Селима II (XVI в.) и Петра I (рубеж XVII-XVIII в.) для устранения короткого волока в 2,5 версты (рис. 20) из донской Иловли в волжскую Камышинку.

Салав на Дону и Куйаба-Кукийана на Волге разъяснили тайну опасной Арсы между ними, где по сведениям X века ал-Истахри и Ибн Хаукаля убивали всех чужестранцев, хотя по их же словам купцы как-то доходили до Куйабы. Ведь Арса к западу от Волги позволяла свободно дойти до древней переправы Куйабы-Кукийаны-Укека степью по левому берегу.

Так топография норманнов впервые показала реальный облик реки Сакир с её стольными градами долетописного Русского каганата, объединёнными торговым водным путём с Волги на Дон, к Тмутаракани и Чёрному морю. По нему росы поставляли ценные меха буртасов на берега Чёрного и Средиземного морей. Иначе за что бы византийцы брали свою десятину?

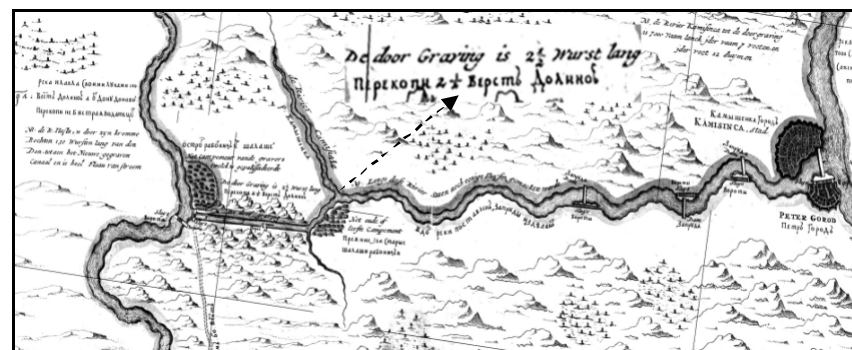

Рис. 20. План канала Петра I с размером «перекопи 2 1/2 версть»

Ал-Идриси наконец-то показал протяжённость этого дотоле загадочного черноморского «рукава Волги», отходившего от неё по Камышинке, Иловле и Дону в 14 переходах (~ 622 км) к северу от Салава. По нему за драгоценным мехом чёрных лисиц к бургасам на Волгу шли торговые караваны с Запада, а когда и через Трапезунд с Востока. Ведь ал-Мас'уди не случайно ещё в X веке отметил, что её меха украшали одеяния царей арабов и не арабов, шли на отделку головных уборов, кафтанов и шуб [Мас'уди Мурудж II, 14-15 / Заходер 1962, 242].

Впрочем, сицилийский географ привёл описания торговых путей не только с юго-запада – от Чёрного моря, которым прошла миссия норманнов Рожера II, но также с юга – от моря Каспийского, где им указаны данные Ибн Хаукаля «от Исил до первых рубежей Бургас 20 дней» [Коновалова 2009, 120], и с востока. Возможно, будучи уже на Волге, норманны смогли собрать информацию о маршрутах к печенегам: «От Бургас до Баджнак 10 дней, а от Исил до Баджнак 1 месяц пути [там же], где явно приведены сведения пешехода: 20 дней на путь Итиль-Бургас плюс 10 дней на путь Бургас – печенеги (444,5 км на восток к колену реки Яик, ныне Урал, см. рис. 16). Здесь же на Волге миссия могла узнать и про обходной путь к булгарам через всё тех же печенегов: «от баджнаков до внутренних басджиртов 10 дней, а от внутренних басджиртов до [города] Булгар 25 дней» [там же, 121].

А вот выдуманного историками XX в. пути Булгар – Киев у ал-Идриси нет. Нет даже намёка на него. Чтобы дойти до Киева и попытаться провести переговоры, норманнам весной 1148 г., как показал пространствен-

но-временной анализ их пути, из Булгара пришлось вернуться к устью Дона и далее вместе с половцами идти вдоль северного берега Азовского моря на запад.

Этот дальнейший путь норманнов показал перечень новых куманских городов ал-Идриси. «От города Нарус до города Фира на запад 50 миль, а от Фира до города Наби на запад 25 миль» [Коновалова 2006, 119]. И в 5 секции его продолжение: «Улиски – это город на восточной стороне устья реки Данабрис. От города Улиски до города Канив 3 перехода. <...> От города Кав до города Най из страны ал-Куманийя 6 переходов» [там же, 117].

Для земель Кумании ал-Идриси оговорил длину переходов в 25 миль. Сумма интервалов ал-Идриси здесь составила 593 км, тогда как ныне от Ростова-на-Дону до Олешья по трассе считается 594 км [Браташова 2019, 50].

Куманы европейцев, они же наши половцы, с которыми норманнам, видимо, удалось договориться о наступлении на империю, шли тогда на запад. Норманны могли идти с ними, а потому узнали путь по оптимальной траектории. Именно тогда внезапно для Византии грозные половцы перешли Дунай и, ограбив её крупный город, глубоким рейдом прошли по тылам империи.

Как отметили современник тех событий Иоанн Киннам и писавший чуть позднее Никита Хонианит, они опустошали земли при Геме. Когда их конница дошла до Старой Планины, античных подгорий Гема и демонстративно заняла крепость Демничик – ныне это руины средневековой крепости Эмине у одноименного мыса, отмеченного во всех лоциях Чёрного моря, византийский император Мануил I вместо войны с Рожером II был вынужден срочно отбыть на север на защиту своих

земель во Фракии. Но штурмовать с налёта почти вертикальную 60-метровую скалу, к тому ограждённую мелководьем с множеством упавших в море глыб, он не мог.

Поэтому, как отметил Киннам, его корабли остались в соседнем Анхиале – суда и сегодня за много миль обходят чрезвычайно опасный мыс Эмине. Знаменитый «греческий огонь» византийцев здесь был бессилён. Да и с берега подобраться к этой крепости было сложно. Впрочем, брать её штурмом императору не пришлось. Половцы так резво развернули коней в обратный путь, что он не успел перехватить их даже на Дунае.

Судя по упоминаемой Киннамом горе, возвышавшейся «вблизи пределов Тавроскифии», император гнался за половецкой конницей по широкой равнине за Дунаем, которую ещё персидский царь Дарий I долго не мог забыть после похода на скифов. Мануил дошёл за половцами вплоть до Днестровских плавней. И пока события на западе Причерноморья развивались своим чередом, у норманнов было около двух месяцев на изучение православной (Киевской) Руси.

Переправившись вместе с конницей куманов через Днепр, союзники должны были расстаться. Далее перед норманнами лежал очередной путь на север, теперь уже по западной Руси. У ал-Идриси на Днепре - Данабрисе показано намного больше городов, чем ранее на востоке: «Что касается города Барамуниса, то он расположен на реке Данабрис; это красивый город. От него до города Синубули 6 дней; это большой процветающий город на реке Данабрис с западной стороны. Точно так же от города Бармуниса до города Кав на реке Данабрис вниз по реке 6 дней. От него до города Баразула к северу от реки

50 миль. От него до Авсийи по суше 2 дня; это маленький цветущий город. От города Авсийи до города Барасаниса 2 дня; это многонаселенный красивый город в стороне от реки. От него до города Луджага 2 дня на север. От города Луджага до города Арман 3 небольших перехода на запад. Точно так же от города Арман на восток до города Барасаниса 4 перехода. От Барасаниса до города Мулиса в устье реки Данабрис, 5 переходов. А Улиски – это город на восточной стороне устья реки Данабрис. От города Улиски до города Канив 3 перехода. От вышеупомянутого города Баразула вниз по реке до города Баразлав 1 день. От города Баразлав вниз по реке до вышеупомянутого Канив 1,5 дня. От города Кав до города Най из страны ал-Куманийи 6 переходов» [Коновалова 2006, 117].

Этот перечень, как и волго-донской, опять показал путь туда и обратно. И так как идти против течения у мощных порогов в низовьях Днепра было нереально, то, как отметил сам ал-Идриси, путь на север шёл сушей, а вот путь назад на юг шёл уже вниз по течению, и подобно пути по реке Сакир Донского бассейна, это опять было быстрое возвращение благодаря плаванию.

Ныне бесспорна локализация лишь 4-х его городов. В Правобережье это Кав – Киев и Мулиса северней Херсона; в Левобережье это Баразула – ныне Переяслав и Улиски – Олешье на Большом Потёмкинском острове. По этим пунктам и зонам концентраций монет [Кропоткин 1967, 132; 1962, 138], зная километраж ал-Идриси, можно понять их дальнейший маршрут по правому берегу Днепра из Мулиски на север. Здесь мощный изгиб Днепра должен был заставить норманнов сократить путь, идя на север вдоль Ингульца и Ингула (рис. 21).

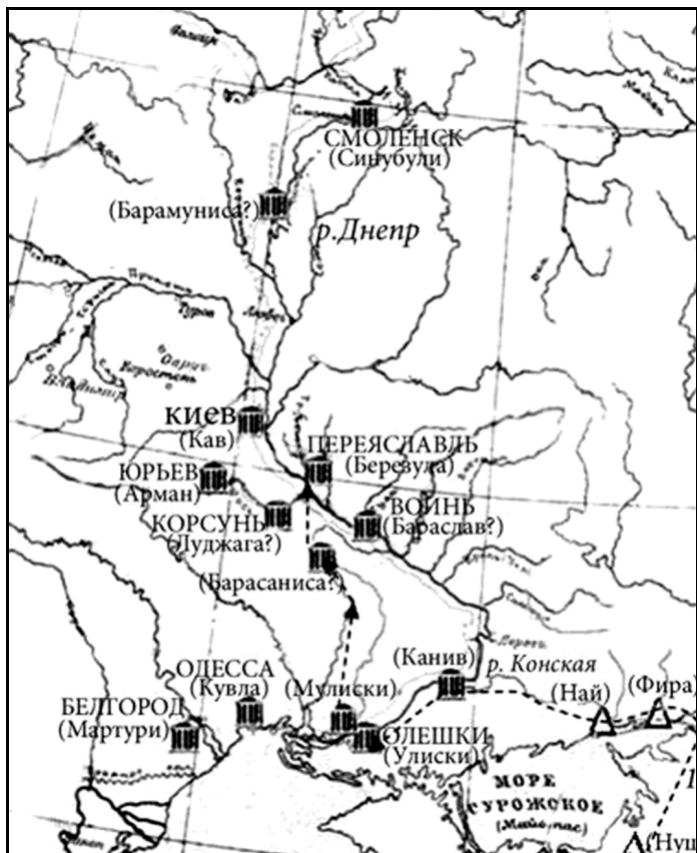

Рис. 21. Путь норманнов с Дона к верховьям Днепра и обратно

Путь от устья Днепра до Киева по прямой ~450 км, а вверх по Днепру он был вдвое длинней и из-за страшных тогда порогов намного опасней. Если продолжить использовать переходы куманов по 25 миль, ведь коней на переправе не меняют, то Барсаниса, видимо, была у древнего Черного Леса: $25 \times 1,975 \times 5 = 247$ (км). Возможно, она, как город Пересечен, была упомянута в Ипатьевском списке в 1154 г. [Никитин 2007, 182].

На картах в 247 км к северу от Мулисы верховья сразу трёх рек. Ингул и Ингулец отсюда текут на юг, а знаменитая городищами река Тясмин на север, причём один её исток – р. Верешанка (Барасани–су?). Если взглянуть на карты Боплана, в этих местах ранее проходил древний Чёрный шлях. А в селе Бирки, что у слияния Верешанки и Тясмина, «осталось предание, что на песчаных кучугорах, ще и теперь остаются признаки жилищ, существовал когда-то город, в коем находилось 7 церквей, но в первое нашешествие татар город и церкви сожжены» [Похилевич 1864, 695]. Не о Барсанисе ли ал-Идриси оно было?

Далее короткий путь на Переяславль (Баразулу) занимал 4 дня: 2 дня от Барсанисы до Авсийи плюс 2 дня по суше от Авсийи до Баразулы, всего 178 км. Весь путь от Мулисы у лимана до Переяславля 425 км. Ныне по Wikimaria по этой прямой 390 км. За Баразулой – Переяславлем следующий по пути на север был его город Кав – стольный град Киев: «От него до города Баразула к северу от реки 50 миль» [Коновалова 2006, 117]. И это так – между Переяславлем и Киевом действительно около $50 \times 1,97554 \approx 100$ км.

За Киевом далее к северу ал-Идриси на Днепре указал всего два города: «красивый» город Барамунису и «большой процветающий город» Синубули. «От города Барамуниса до города Кав на реке Данабрис вниз по реке 6 дней» [там же], то есть предположительно она стояла где-то в верховьях у Могилёва. «От него до города Синубули 6 дней», где путь вверх по течению шёл по берегу, ведь выше Могилёва Днепр узок, порожист, с быстрым течением. Его 6 дней до Синубули это 267 км. Ныне по реке меж Смоленском и Могилевым 233 км.

И.Г.Коновалова сопоставила Синубули со Смоленском, а вот локализация Барамунисы пока спорна.

Плавание вниз по Днепру показал перечень: Барамуниса (Могилев?) –6 дней– Кав (Киев) –50 миль– Баразула (Переяслав) –1 день– Баразлав (Воинь на Суле) –1,5 дня– Канив (устье Конки) –3 перехода– Улиски (Олешье), где плавание от Переяславля до устья Конки заняло всего 2,5 дня (см. рис. 21). Собственно, здесь описание Днепра ал-Идриси мог бы и завершить. Им неплохо был показан путь норманнов на север и путь вниз по течению Днепра на юг. Но зачем-то ал-Идриси дополнительно привёл своеобразную «кругосветку» у города Барасанисы: «От него (Барасанисы) до города Луджага 2 дня на север. От города Луджага до города Арман 3 небольших перехода на запад. Точно так же от города Арман на восток до города Барасаниса 4 перехода» [там же].

Похоже, что экспедиция норманнов здесь столкнулась с каким-то препятствием. Не пройдя за Луджагой на север, она попробовала его обойти, двигаясь на запад, дошла до города Арман, но преграда была и тут, и норманны вернулись из Армана обратно в Барасанису, и уже оттуда через города Авсийю и Баразулу (Переяславль) кратчайшей дорогой прорвались к Киеву.

Тогда Луджага в 2-х днях от Барасанисы, видимо, Корсунь. Путь на север шел прямо к нему вниз по реке Тясмин. От Корсуни на запад вверх по течению реки Роси в 3-х переходах стоял Арман – Юрьев, ныне город Белая Церковь (см. рис. 21). Из него, пройдя 4 перехода, можно было вернуться в Барасанису Чёрным шляхом. Города Корсунь и Юрьев, видимо, указаны из-за перекрывших тогда пути к Киеву могучих Змиевых валов. Их

мощь вполне могла развернуть норманнов вспять. Поэтому они внесли, как и прежние укрепления до этого, в свой перечень фортификационных сооружений.

Но тогда и город короткого пути от Барасанисы до Баразулы тоже мог быть связан с этой же линией обороны по Роси, на которой стояли Юрьев и Корсунь. У впадения реки Роси в Днепр был г. Родень (Авсийя – устье?). Он завершал ту линию, был известной на Днепре пристанью и к тому же стоял на полпути между селом Бирки и Переяславлем. Здесь норманны могли легко найти корабль, чтобы переправиться на левый берег и уже по землям лояльного к половецким проводникам Переяславского княжества дойти до перевозов Киева.

Хотя, похоже, что в Киев посланцы Рожера II так и не попали: никаких описаний, даже скромного прилагательного наша «мать городов русских», увы, не удостоилась, несмотря на то, что и этот перечень ал-Идриси показал вполне реальный путь норманнов на север и обратно на юг вниз по Днепру.

Что им помешало, рассказала Ипатьевская летопись. Зимой 1147/1148 г., пока норманны с устья Дона на Булгар и обратно ходили, великий князь киевский Изяслав Мстиславич непрерывно воевал с Черниговским княжеством, которое защищали «Владимир и Изяслав Давыдовичи и Святослав Ольгович с сыновцем своим, с Всеволодичем, и Рязанский придоша князи, и половци с ним» [Никитин 2007, 98]. Воевали до самого половодья, когда князь киевский в последний момент успел перейти на правый берег Днепра: «поиде за Днепр в понедельник, и утрий день рушися Днепр» [там же]. И хотя до осени между черниговской коалицией и вели-

ким князем киевским велись переговоры о мире, но норманнскую миссию с её половецкими проводниками никак не могли пропустить на киевские земли хотя бы потому, что половцы были тогда верными союзниками Чернигова. Половцы же в свою очередь не оставили бы без контроля миссию норманнов, так как дары за начатый их крупными силами западный поход они тогда ещё не получили и до завершения похода получить не могли.

А вот далее на Галицкую Русь миссия не пошла. Впрочем, это было вполне естественно, ведь на западе тогда стояла пришедшая к устью Днестра вслед за половцами византийская армия во главе с самим Мануилом I, а также его корабли сопровождения.

Своеобразным доказательством этого стал днестровский перечень русских городов ал-Идриси. Там он упоминает следующие города: у истока реки город Мартури. От него до г. Сармали 4 дня в южном направлении. Сармали стоит к северу от реки Данаст. Эта река течёт на восток, пока не достигнет города Зака, между ними 12 переходов или 240 миль. От города Зака, который расположен на упомянутой реке, до города Бармуни 9 переходов или 180 миль. И от Бармуни до Галисийя 200 миль [Коновалова 2006, 113-114].

То есть в бассейне Днестра у ал-Идриси и переходы явно иные, по 20 миль, иные и его мили – римские по 1481,6 м. У истоков реки Данаст он указал Мартури (Маурокастрон), а Галисийя (Галич) у устья. Несоответствие облика реки на картах и в трактате очевидно. Доныне спорна и локализация городов.

По Галичу у устья, который в действительности стоит близ истоков реки, можно предположить, что автор

развернул Днестр на 180°, хотя длина реки указал верно: $4 \times 44,45 + 240 \times 1,48 + 180 \times 1,48 + 200 \times 1,48 = 1098$ км, то есть от Мартури до Галисийя: около **1100** км. А сегодня считается от устья Днестра до Галича недалеко от истока **1117** км. И если развернуть Днестр ал-Идриси на 180°, считая переходы по 20 римских миль, то все указанные им крепости точно попадают на свои места (рис. 22):

- путь по течению от Галисийя до Бармуни 200 миль, это около 296 км. Здесь поныне стоит основанный в X в. город Хотин (Хотень).
- От него до города Зака 180 миль или 9 переходов или 267 км. И здесь реально стоял ранний русский город Сороки.
- От него до Сармали 12 переходов или 356 км. Ныне тут город Бендеры, он же русский город Тягин у важного брода через Днестр. Город основан в III в. до н.э. Его никак нельзя было пропустить в описании пути, ведь за

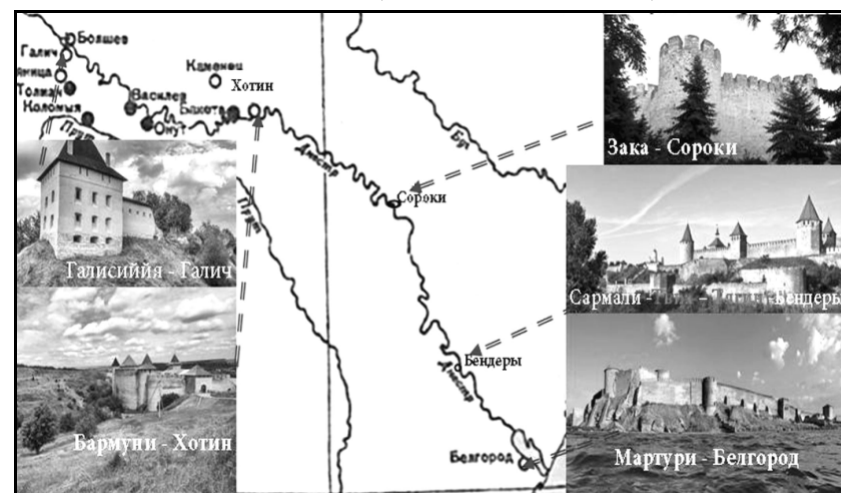

Рис. 22. Средневековые крепости на Днестре из «Книги Рожера»

за ним река делится на рукава, петляет по ставшей близ устья широкой пойме.

➤ Поэтому от него до Мартури путь дан сушею, занимает 4 дня или 118 км, а ныне по трассе от Бендер до Белгорода-Днестровского 112 км.

Итак, Галич как точка отсчета в верховьях Днестра дал полное совпадение урбосети ал-Идриси как с самыми древними важными фортификационными пунктами Приднестровья (см. рис. 22), так и с километражем всей реки ниже по течению. Эти крепости и города, как и те, что были на Волге и Днепре, опять нельзя ни сместить, ни заменить. Лишь выполненный кем-то разворот реки на 180° создал позднее проблемы с их локализацией.

Вопрос, откуда та карта Приднестровья появилась? Юг вверху, интервалы в римских милях – это характерные признаки византийской картографии. Была ли та небольшая карта Днестра одним из трофеев, доставленных половцами норманнам как доказательство об успешно проведенном рейде для получения традиционных даров за набег, о том история умалчивает.

Но так как битва Мануила со «скифами», по словам Киннама, произошла у брода *Tsvou* недалеко от гор «вблизи пределов Тавроскифии», а тот брод есть и у ал-Идриси, у коего в VII климате как-то вдруг, явно не к месту, вклинилось скромное дополнение к описанию Руси: «Сармали называется на языке румийцев «Туйя». Сармали и Мартури относятся к стране ар-Русийя» [там же, 126], то, видимо, сражение произошло у знаменитого брода русской Тягины на Днестре (см. рис. 22). Возможно, именно там и тогда была добыта трофейная византийская карта Приднестровья.

Далее в трактате указан путь к Крыму и по Крыму, где норманны могли переждать суматоху в устье Днестра. Краткие колоритные описания городов опять-таки выдали взгляд очевидца, видимо художника, доставившего их изображения в Палермо. К тому же часть их названий впервые появились лишь у ал-Идриси, где:

«От Карсуна <разрыв – С.Б.> до Джалита 30 миль; это город к стране ал-Куманийя.

От Джалита до города Гурзуби 12 миль; это многолюдный город на берегу моря.

От него до города Бартанити 10 миль; это небольшой цветущий город, где строят корабли.

От него до города Лабада 8 миль; это прекрасный город.

От него до Шалуста 10 миль; это красивый большой город на море.

От него до города Султатийя по морю 20 миль.

От города Султатийя до Бутар 20 миль.

От Бутар до устья реки Русийя 20 миль» [там же, 115, без дополнений И.К.].

Если просуммировать расстояния от Днепра между «джазира» ал-Идриси и опорными пунктами Арриана, то размеры общих интервалов периплов и трактата совпадут (табл. 2). Это позволяет по созвучиям и расстояниям определить упомянутые ал-Идриси острова и полуострова (с араб. языка – джазира) от Тендры до Тузлы, а также прибрежные города. Их перечень обрывался за Бутаром, за коим вновь указана река Русийя. Загадочный Бутар, а на языке Готии это прошедшее время от глагола покупать: *bauhtar* [Блинов 2017, 91], это, видимо, Базар. То есть джазире за этой рекой, судя по интервалам, мы привыкли называть Керченским полуостровом.

Таблица 2. Сравнение данных Арриана и ал-Идриси

II век Арриан	миль	XII век ал-Идриси	миль	Примечания
от Борисфена до Эионов	15	От города Шийуша до п/острова Андисира	50	От Алешья до устья озера: $15+38=53$, ~50, это Тендра
оттуда до устья озера	38			
-- до Тамираки	30			$30+30+70+60+18=208$ 2 дня по 100 миль. Саранба – это ЮБК, горный Крым за Балаклавой. Где Карсуна напротив в 50 милях (100 км) это Каркина – Евпатория
-- до Калос Лимен	30			
-- до Керкинитиды	70			
-- до Херсонеса	60	Оттуда до полуострова Саранба	200	
-- до порта Символов	18			
-- до г.Криу Метопон	30	-- до г. Джалинта	30	ныне город Ялта
		-- до Гурзуби	12	$12+10$, Арриан - Аю-Даг, Идриси-Партенит
-- до Лампады	22	-- до Бартанити	10	
		-- до Лабада	8	Кучук-Ламбат (Утес) $8+10$, г.Алушта
		-- до Шалушта	10	
-- до пустынного порта скифотавров	60	-- до г. Султангийя	20	ныне город Судак
		-- до Бугар	20	$18+20+20=58$, городище у горы Карадаг
-- до Феодосии	20	-- до устья Русийя	20	ров и вал Ак-Монайские
-- местечка Казека	28	-- до о.Гардийя	40	$28+18=46$, ров и вал Узунларские
-- до Киммерика	18			
Не указан	–	оттуда до о.Азала	40	о.Азала – о.Тузла
От Феодосии до Пантикапея	70	от о. Саранба до города Матраха	> 1 дня	от Феодосии до Пантикапея день плавания + путь за пролив

В античную эпоху главным городом Керченского полуострова и всех областей Боспора Киммерийского был город Пантикапей (совр. Керчь). Он указан во всех периплах как важнейшая точка отсчета Северного Причерноморья. Но в трактате ал-Идриси уже всё иначе.

Главный город здесь тогда Матраха, она же Тмутаракань, столица Тмутараканского княжества. За рекой Руссийа расстояния указаны только до неё: более дня плавания. Других городов нет. Судя по отсутствию городов к востоку от Бутара, норманны на Керченском полуострове так и не побывали. От него они отправились морем напрямик к устью Дуная и далее вдоль западного берега Черного моря. Высадившись в Аймидийе (совр. Мидье), они ушли, обходя Босфор, домой к Средиземному морю, к своей Сицилии [Браташова 2019, 62-73].

Причин, почему они обошли земли Тмутараканской Руси, могло быть несколько. Одной из них представляется влияние здесь Византии, возросшее во времена князя Олега Святославича (?–1115, в крещении Михаила), архонта Матрахи, Зихии и всей Хазарии, как указано на его печати, найденной в Тмутаракани (рис. 23), ведь по И.Скилице архонтом в Византии назывался вассальный либо автономный правитель соседней страны.

Рис. 23. Печать князя Олега – Михаила, найденная в Тамани

И хотя то влияние уже ослабло, Мануил I в 1166 г. среди прочих имел лишь титул «государя зихийского и хазарского», Тмутараканью не владел, но норманны не стали рисковать, отплыли восвояси. Да и Зихия была рядом. По данным Константина: «от Таматархи до реки Укрух (Кубани – С.Б.), отделяющей Зихию 18-20 миль» (рис.24).

Рис. 24. Путь норманнов по Кавказу (крупные цифры – дни пути)

Странное ощущение возникает при сравнении этого весьма грамотно составленного землеописания Руси с созданной в том же XII столетии «Повестью временных лет». Ведь вся его восточная Русь от Тмутаракани на проливе до Куйабы на Волге полностью вычеркнута из ПВЛ. Ни одного упоминания, датируемого XII веком, к примеру, той же Тмутаракани в ПВЛ нет, самые последние сведения о ней завершаются 1094 г.

Впрочем, это далеко не все пробелы основного источника российской историографии. Если взглянуть на другой конец Великого волжского пути, то и на севере та же картина. Взять, к примеру, древний город с говорящим названием Русса земли новгородской. Раскопки показали время заселения города у слияния рек Полисть и Порусья Южного Приильмья – IX век. В XI в. новгородская берестяная грамота № 526 и местная старорусская берестяная грамота № 13 говорят уже о торговом городе, так как в обеих речь идёт о долговых списках. Но вот в ПВЛ Старая Русса впервые упомянута лишь во второй половине XII в., и то, видимо, из-за того, что тогда здесь возник Спасо-Преображенский монастырь.

То есть пока в Тмутаракани был созданный Никоном Печерским монастырь Пресвятой Богородицы, город упоминался в летописях, а как Никон в Киев перебрался, а за ним «епископ Тмутараканский» Николай эти края вслед за князем Олегом покинул, древний город со страниц ПВЛ вдруг исчез. Но это вовсе не означало, что он перестал быть русским городом. Благодаря прошедшей почти по всей Руси миссии Рожера II, не имевшие конфессиональных предубеждений норманны оставили ясное свидетельство о целостной картине русских зе-

мель от низовьев Волги до верховьев Днепра. Они сохранили для нас описание той части Руси, где, видимо, тогда не было православных монастырей, и о которой краткие отрывочные упоминания мы увидим лишь в летописях следующего XIII столетия.

Сведения ал-Идриси подтвердил путешествовавший в этих краях в середине XII в. проповедник из Андалусии Абу Хамид Мухаммад аль-Гарнати (1080-1170). Как знаток в вопросах веры, он заметил то, что ускользнуло от глаз норманнов и что позволило понять причины утраты части земель Руси в списках ПВЛ: *«Когда я поехал в страну славян, то выехал из Булгара и плыл на корабле по реке славян. А вода ее черная, как вода моря Мраков, она будто чернила, но притом она сладкая, хорошая, чистая. В ней нет рыбы, а есть большие черные змеи, одна на другой, их больше, чем рыб, но они не причиняют никому вреда. И есть в ней животное вроде маленькой кошки с черной шкурой, зовут его водяным сободем. Его шкуры вывозят в Булгар и Саджсин, а водится он в этой реке. <...> Славяне храбры. Они придерживаются византийского толка **несторианского христианства**. <...> И прибыл я в город славян, который называют «Гор Куйав». А в нем тысячи «магрибинцев», по виду тюрков, говорящих на тюркском языке и стрелы мечущих, как тюрки. И известны они в этой стране под именем беджн. <...> И остались у них некоторые из моих спутников, обучавшихся у меня, а я поехал к башкирд»* [Древняя Русь 2009, 143-145, выделено С.Б.]

Ведь речь явно шла о Волге, по которой он поплыл из Булгара. Во-первых, потому что иной реки славян

здесь просто не было, а так как аль-Гарнати не делал различий между русами и славянами, он мог Итиль как реку русов (нахр Русийя) ал-Истахри, Ибн Хаукаля, ал-Идриси называть рекой славян.

Во-вторых, Волга до XX в. была чрезмерно богата крупной каспийской миногой (*C. wagneri*). Тогда её вылавливали по 20-35 миллионов! штук. Она имела голое, подобное угрю тело с тёмной, почти чёрной спиной, была длиной более полуметра. Так что массовый ход её на нерест мог впечатлить андалусийца. Не зная столь крупных миног, ведь её прочие виды с других рек на много мельче, он мог принять их за чёрных змей.

В-третьих, о вывозе буртасских чёрных мехов с Волги (возможно, он видел разновидности чёрной европейской норки) тогда писали почти все арабские географы.

В-четвёртых, беджн или беджанакки по терминологии стран ислама, они же печенеги, ещё 29 апреля 1091 г. были почти полностью уничтожены греками Алексея Комнина в союзе с 40000 половцев. *«В тот день произошло нечто необычайное: погиб целый народ вместе с женщинами и детьми, народ, численность которого составляла не десять тысяч человек, а выразалась в огромных цифрах»* – так показала их гибель в своей «Алексиаде» царевна-историк Анна Комнина.

То есть в середине XII в. речь могла идти о лишь о той части орды печенегов, что не покинула родину, по-прежнему кочуя у Яика (р.Урал) в десяти днях пути от Волги. А значит, аль-Гарнати приплыл по своей реке славян не в Киев на Днепре, куда и доплыть-то из Булгара без долгих пеших переходов было невозможно, а в

Куйабу на Волге с её славянами несторианского вероисповедания. Тем более что на городище Куйабы найдено немало близких по времени культовых предметов (рис. 25).

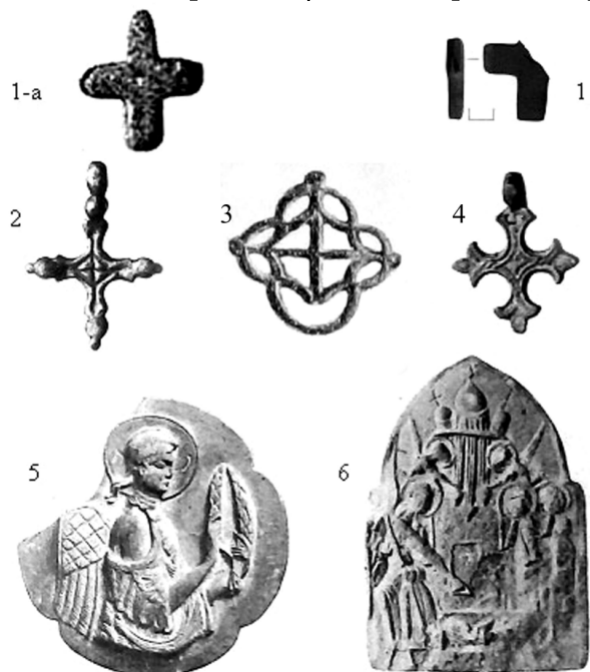

Рис. 25. Ранние культовые предметы с городища Куйабы – Увека: №1 – каменные нательные кресты и их обломки, аналоги коих – нательные каменные кресты с Цимлянских городищ третьей группы по классификации Артамонова;

№ 2 – медный нательный крест – аналог второй группы с Цимлянских городищ по той же классификации;

№3 – квадрифолий, напоминающий по форме четырёхлепестковый образец № 5, аналоги не известны;

№ 4 – медный нательный крест, относится к XI–XIII вв. [Гнутова, Зотова 2000, 001e];

№ 5 – четырёх лепестковый образец из тёмного камня с жёлтым рельефом с Архангелом Михаилом, похожим на древне-

греческую богиню Нику. По мнению Т. В. Николаевой, «символическое значение богини Ники было перенесено на русскую почву через искусство Византии», он датирован XI–XII вв. (?), имел аналоги на русских литых гривнах и литых из меди крестах-мощевиках [Николаева 1983, 116];

№ 6 – шиферный красный киотчатой формы образец с композицией у Гроба Господня, где слева – ангел с жезлом, указывающий на пустой гроб с пеленами Христа, справа – две жены-мироносицы, над ними два ангела и трехкупольная верхушка кувуклия. с крестами и лампадами. Среди русских иконок с аналогичным сюжетом, по мнению Т. В. Николаевой, он аналогий не имеет, по замечанию академика Н.П.Лихачева, это греческая композиция и работа [Спицын 1914, 102-103]

Судя потому, что уже в следующем столетии о христианах несторианского толка в междуречье Волги и Дона напишет сам Гильом Рубрук [Путешествия 1957, с.113, 117, 121], аль-Гарнати не ошибался. Но в таком случае эти русские земли никак не могли попасть в пропитанную духом православия «Повесть временных лет». Только в начале XIII в. за 6737 г. (1228/1230) и то в одном лишь Лаврентьевском списке можно прочесть: «Того же лѣта победи Пургаса Пурешевъ сынъ с Половци и изби Мордву всю и Русь Пургасову, а Пургасъ едва в малѣ утече» [Никитин 2011, 71]. Исправить не успели?

Ведь уже начался ужасный XIII век. Это его пламени предстояло осветить последние дни буртасов, болгар, хазар, так долго упоминаемых на волжских берегах. В хрониках его сражений вновь возникнут города Волжской Булгарии, древняя русская Куйаба, вставший на руинах хазарского Итиля Саксин. Тяжкие удары наступавших с востока монгол войдут в летописи и вновь заставят вспомнить о почти легендарной восточной Руси.

XIII век: *трагедия Руси*

Новый XIII век ознаменовал гибель старого мира Понизовья. Логично предположить, что покорение тех крупных, неплохо укрепленных волжских городов должно было как-то отразиться не только в их руинах, но также и в описаниях очевидцев, в первую очередь в текстах самих завоевателей, направивших коней на запад по приказу Чингисхана в первой половине XIII века.

До наших дней дошел лишь один документ, созданный ими непосредственно во время этого нашествия: «Монгол-ун ниуча тобчиан» – «Сокровенное сказание монголов» (ССМ), написание которого было закончено летом 1240 года. Тогда как «Алтан Дэптер», их «Золотая книга» с изложением дальнейших событий, до сих пор так и не найдена.

Поэтому лаконичное ССМ и последующие описания походов после курултая 1240 г.: взятие Киева в декабре 1240 г., набег на Западную Европу и возвращение Батые на Волгу приходится изучать, привлекая ряд источников исламского мира.

Это «Тарихи джахангуша» – «История завоевателя вселенной» Ала-ад-дина Ата-мелика Джувейни 1260 г.; «Джами ат-таварих» – «Сборник летописей» Фазлаллаха ибн Абу-л-Хейр Рашид ад-Дина Хамадани 1310-х гг., вероятно заимствовавших часть сведений «Алтан Дэптер»; а также очевидца наиболее ранних событий «Аль-камиль фи т-тарих» – «Свод всеобщей истории» Ибн

ал-Асира 1230 г. Помогает в том и китайская официальная хроника «Юань ши» 1369-1370 гг., где кратко в хронологическом порядке рассказано о появлении и событиях в великой империи Юань.

То есть нарративных источников с подлинной информацией о нашествии монголов, если исключить русские летописи, было создано относительно немного. Одним из наиболее ранних их них, хотя и неполным, является «Сокровенное сказание монголов».

Главное его достоинство в том, что «Сокровенное сказание» создано самими монголами, представляет взгляд на нашествие как бы изнутри. В нём цели нашествия упомянуты трижды. Они как рефрен разделили его надвое: поход на кипчаков 1221-1224 гг. и первая фаза Западного похода (1235–лето 1240 гг.) с последующим описанием итогов этих походов. Поэтому этот «рефрен» не повторяется дословно, а отличается детализацией целей и достигнутого к лету 1240 г. результата завоевания [Козин 1941, 188-194]:

✓ **В 1221 г.** Чингисхан отправил в поход на север Субеетай-Баатура, *«повелевая дойти до 11 стран и народов как-то: Канлин, Кибчаут, Бачжигит, Оросут, Мачжарат, Асут, Сасут, Серкесут, Кешимир, Болар, Рарал (Лалат), перейти через многоводные реки Идил и Аях, а также дойти до самого города Кивамен-кермен»* [Козин 1941, 188-189]. Здесь цель – **1 город: Кивамен**, так как кермен с монг. и тюрк. – крепость. До Киева монголы действительно дойдут в 1223 г.

✓ **В 1235 г.** *«точно так же он (хан Угэдэй – С.Б.) отправил в поход Бату, Бури, Мунке и многих других царевичей на помощь Субетая, так как Субетай-Баатур*

встречал сильное сопротивление со стороны тех народов и городов, завоевание которых ему было поручено еще при Чингис-хане, а именно – народов Канлин, Кибчаут, Бачжигит, Орусут, Асут, Сесут, Мачжар, Кешимир, Сергесут, Булар, Келет, а также и городов за многоводными реками Адил и Чжаях, как то: **Мекетмен, Кермен-кейбе и прочих**» [там же, 191-192]. Здесь как цели указаны **2 города: Мекетмен и Кермен-кейбе**.

✓ **Не позже лета 1240 г.**, когда на курултае было закончено написание ССМ, результат походов дан в третьем «рефрене»: «Посланные в помощь Субетаю царицы Бату, Буря, Гуюк, Мунке и все другие царицы, покорив народы Канлин, Кипчаут и Бачжигит, разрушили города **Эчжил, Чжаях и Мегет**, а также совершенно разгромили и полонили Орусутов. Они полностью покорили Асуты и Сесутов, а также население городов **Белерман, Керман-кива** и прочих городов, поставили даругачинов и танмачинов и возвратились на родину» [там же, 194]. То есть, разрушены ими **три** города: **Эчжил, Чжаях и Мегет**. Даругачины и танмачины поставлены в покоренных городах **Белерман, Керман-кива** и прочих.

При сравнении целей и результата походов налицо явный парадокс: рукопись ССМ закончена во время летнего курултая 1240 г.: «написано во время пребывания Дворца в урочище Долоан-болдах <...> в седьмой месяц Хуран-сара, года Мыши (июль-август 1240 г.), во время происходившего там Великого сейма – Хурил» [там же, 199]. И в ней записано, что полностью покорено население городов **Белерман, Керман-кива**. Но Киев летом 1240 г. ещё не был ими взят! Монголы

захватят этот город лишь 6 декабря 1240 г. Да и целями второго похода были города **Мекетмен и Кермен-кейбе**. Это их завоевание монголы отметили на курултае. Тогда как стольный Киев-град будет захвачен и разрушен спустя полгода после завершения создания ССМ.

Чтобы разрешить этот пространственно-временной парадокс, видимо, имеет смысл изучить ход событий комплексно, с привлечением всех известных ныне источников, последовательно, обращая особое внимание на хронологию и отдельные топонимы, по которым имеются разночтения.

В 1221 г. под **Кивамен-кермен** в ССМ подразумевался действительно Киев. Судя по описанию маршрута монголов в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина, тумены Джэбэ и Субэдэя обошли Каспийское море с юга, разбили грузин, взяли Шемаху, с помощью предателей нашли проход через Ширванское ущелье, перевалили через Кавказ и вышли на оперативный простор, где их уже поджидало объединенное войско алан и кипчаков.

«Когда дошли до области Алан, где население было многочисленно, то оно совместно с кипчаками сразилось с монгольским войском, и ни одна сторона не одержала верха. Тогда монголы сообщили кипчакам: "Мы и вы – одного племени и происходим из одного рода, а аланы нам чужие. Мы с вами заключим договор, что не причиним друг другу вреда, мы дадим вам из золота и одежд то, что вы пожелаете, вы же оставьте нам [аланов]". [Одновременно] они послали кипчакам много [всякого] добра. Кипчаки повернули назад» [Рашид ад-Дин 1952, 229]. Аланы были разбиты, а следом и обманутые кипчаки: «монголы внезапно напали на них, перебили всех, кого

нашли, и взяли назад столько же, сколько отдали. Уцелевшая часть кипчаков бежала в страну русов» [там же].

Зиму 1222-1223 г. монголы провели в Крыму, взяв Судак 27.01.1223, как о том поведали греческая летописная запись, а также Рашид ад-Дин. Далее приказ Чингисхана вёл их на Кива мен-кермен. А приказы не обсуждают.

Монголы должны были дойти до Киева по решению Чингисхана 1221 г. Оно никак не зависело от тактики русских князей в 1223 г.: помогать им кипчакам или нет. Отнюдь не случайно русские увидели монголов уже во время своей переправы через Днепр: «В лето 6731. <...> Преидоша же Днепр во день во вторник и оусретоша Татареве полкы Роускыя стрелци же Роускыи победиша и гнаша в поле далеце секоуще и взяша скоты их, а со стады оутекоша яко всим воем наполнитися скота. Оттуду ж идоша по них 8 дни до реки Калкы» [ПСРЛ. Т.2, стб. 740-745]. Неделю продолжалась на Калке смертельная сеча, прежде чем монголы захватили русских князей. И опять обманом, пообещав им за выкуп жизнь, но потом задавив под досками (рис. 26).

Рис. 26. Умерщвление пленных князей [Н.Кошелев, 1864 г.]

«Се же ся зло сключи месяца мая въ 30 на память святого мученика Еремиа» [Никитин 2011, 64]. Участь киевского князя Мстислава решал сам Джучи: «покорили их, захватили владельца их государства Мстислава. Чжэбэ приказал Исмаилу представить его перед царевичем-наследником Джучи и его казнили» [Юань ши 2009, 222]. А тумены пошли вдогон за русскими: «татаром же победившим Роусьскыя князя за прегрешение крестьяньское пришедшим и дошедшим до Новагорода Святополчьского, не ведающим же Роуси льсти их исходяхоу противоу им со кресты. Они же избиша их всих» [ПСРЛ. Т.2, стб. 740-745].

Святополчье городище лежит на правом берегу в 1,5 км от села Витачева Обуховского р-на Киевской обл., недалеко от брода через Днепр. Отсюда до Киева за день пешком дойти можно. Приказ Чингис-хана исполнен. Монголы дошли до самого города Кива мен-кермен.

А вот как они ушли, русские летописи умалчивают. Можно предположить, что летом 1223 г. из-за сильной засухи: «того же лета бе ведро велми, и мнози борове и болота загарахуся, и дымове силны бяху, яко недалече бе видете человеком, бе бо яко мгла к земли прилегла, яко и птицам по аеру не бе лъзе летати, но падаху на земли и умираху» [Никитин 2011, 64], монголы, спасая награбленный скот, должны были спешно отступать вглубь лесов.

Их обратный путь (рис. 27) показал Ибн ал-Асир: «направились в Булгар в конце 620 года. Когда жители Булгара услышали о приближении их к ним, они в нескольких местах устроили им засады, выступили против них, встретились с ними и, заманив их до тех пор, пока они зашли за место засад, напали на них с тыла,

так что они остались в середине; поял их меч со всех сторон, перебито их множество и уцелели из них только немногие. Говорят, что их было до 4000 человек. Отправились они в Саксин, возвращаясь к своему царю Чингизхану, и освободилась от них земля Кипчаков; кто из них спасся, тот вернулся в свою землю» [Ибн ал-Асир 2003, 27].

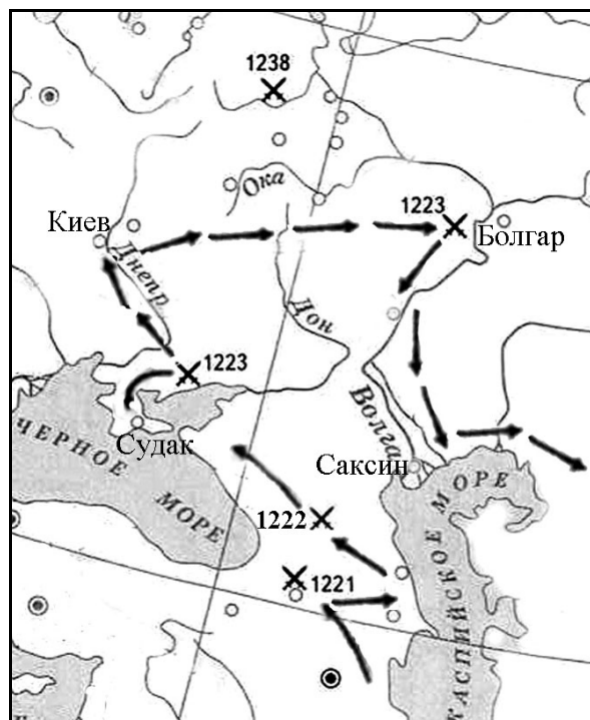

Рис. 27. Схема первого похода монголов на запад

Городище Саксин находится в 43 км южнее Астрахани, то есть от земель болгар монголы отступали вниз по Волге, где могли ознакомиться с обстановкой и топонимикой, а вот покорить здешние народы с 4000 воинов вряд ли. Войско было уже изрядно потрепанным. По-

стоянно болел и умер за полгода до смерти Чингисхана руководитель похода его старший сын Джучи. Сохранились сведения, что «при возвращении войска Чжэбэ умер» [Юань ши 2009, 224]. А Субэдэя Чингисхан отозвал на восток на войну с тангутами, и с начала 1226 по 1234 гг., пока не пала империя Цзинь, согласно хроникам «Юань ши», он сражался на землях Китая.

Последующие события: смерть Чингисхана в 1227 г., избрание великим ка'аном Угэдэя в 1229 г., завоевание Китая и других земель на востоке дали десятилетнюю передышку на западе. За эти годы возмужало следующее поколение бойцов за трон империи. Отнюдь не случайно мудрый Угэдэй отправил 11 старших царевичей как можно дальше, а именно вновь завоевывать 11 вышеупомянутых народов.

Главной целью начальной фазы второго похода на запад были народы, которые, несмотря на повеление Чингисхана, не удалось покорить в первом походе. Не потому ли первый удар был направлен на Великий град болгар – Биляр? Конечными целями указаны города Мекетмен и Кермен-кейбе за многоводными реками Адил и Чжаях, где река Адил это Волга, а Чжаях – Яик, ныне река Урал.

Монголы явно учли ошибки первого похода, который кроме потерь ничего не дал их империи даже на вроде бы завоеванных землях. Там только войско уходило, всё возвращалось на круги своя: «Пресекся было путь с нею с тех пор, как вторглись Татары в нее и не получалось от них ничего по части буртаских мехов, белок, бобров и другого, что привозилось из этой страны. Когда же они покинули ее и вернулись в свою землю, то путь

восстановился, и товары опять стали привозиться, как было» [Ибн ал-Асир 2003, 27].

Поэтому второй поход на запад монголы повели уже не как карательный набег, а по принципу поэтапного завоевания земель, имея надежный тыл, где часть сил сохранялась в резерве под началом хотя бы одного из царевичей. Возможно, Джучи успел поведать о своём, в том числе негативном, опыте сыну Бату, не зря назначенному главой похода, хотя в нем участвовали сыновья ка'ана: будущий император Гуюк с младшим братом Каданом. Да и Субэдэй ещё не забыл свой путь.

Им монголы и вернулись, причём Бату с Субэдэем были отправлены в авангарде: «[В год] и-вэй (с 21.01.1235 г. по 8.02.1236 г.), Тай-цзун отдал повеление чжувану Бату пойти на запад походом на Бачмана, и еще сказал так: «[Мы] услышали, что Бачман имеет ловкость и отвагу, Субэдэй тоже имеет ловкость и отвагу, поэтому сможет победить его». Вследствие этого дал повеление [Субэдэю] быть в авангарде и сразиться с Бачманом, а затем еще приказал [ему] командовать главной армией. Вследствие чего были захвачены жены и дети Бачмана у Каспийского моря. Бачман узнал о приходе Субэдэя, сильно оробел и сбежал в середину моря» [Юань ши 2009, 230]. То есть сам Бачман, а «баш» на тюрки – голова, видимо, глава кипчаков в низовьях Волги, в 1235 г. уцелел. Борьба с ним для монголов была еще впереди.

Осенью 1236 г. к театру военных действий подтянулись прочие царевичи: «из детей Тулуй-хана – старший сын Менгу-хан и брат его Бучек; из рода Угедеи-каана – старший сын Гуюк-хан и брат его Кадан; из детей Ча-

гатая – Бури и Байдар и брат каана, Кулкан. <...>. Они все сообща двинулись весною бичин-ил, года обезьяны, который приходится на месяц джумад 633 г. х. [11.02–11.03.1236 г.]; лето они провели в пути, а осенью в пределах Булгара соединились с родом Джучи: Бату, Ордой, Шейбаном и Тангутом, которые также были назначены в те края. Оттуда Бату с Шейбаном, Буралдаем и с войском выступил в поход против буларов и башигирдов и в короткое время, без больших усилий, захватил их» [Рашид ад-Дин 2003, 406].

То есть с булгарами осенью 1236 г. сражался лишь уже опытный авангард: Бату с братом и эмиром Буралдаем. Остальные войска не участвовали. Победа досталась относительно малой кровью. Но приближалась зима 1236/1237 г. Зимовка среди глубоких сугробов междуречья Волги и Камы означала бы гибель и коней, и людей. Монголы должны были отойти на юг. Так даже в эпоху Золотой Орды каждый год будет поступать Бату. Вопрос – куда?

Топонимику Рашид ад-Дина здесь понять достаточно сложно. В переводе Березина: «потом Принцы и вожди собрались зимой у реки Джаяна» [Березин 1855, 12]. В переводе Тизенгаузена: «После этого, в ту зиму, царевичи и эмиры собрались в [долинах] рек Хабан» [Рашид ад-дин 2003, 406]. Из-за множества рек Хабан, более вероятно, что это протоки ответвлений Волги, называемые ныне Ахтуба. О том говорят созвучие Ахтуба и Хабан, относительная мягкость зим в низовьях Волги и дальнейшие события. Ведь уже по весне Менгу на 200 судах с 20000 человек будет искать на островах меж Волгой и Ахтубой стоянки Бачмана. А те 200 судов перегнать на Волгу с

Рис. 28. Схема пути Субэдэя зимой 1236/37 г.

реки Джаян (Яик?) монголам было бы проблематично (рис. 28).

К тому же далее Рашид ад-дин пишет: «...в долинах рек Хабан и отправили эмира Субэдая с войском в страну асов и в пределы Булгара» [там же], где направление движения показано с юга на север: от страны асов на Кавказе к границам болгарских земель на севере. Здесь от асов на Кавказе они шли, вероятно, по правому

берегу Волги (см. рис. 28) и вряд ли далеко от него удалялись – зима всё же.

Затем «они дошли до города [Булгара] Великого» – так звучит текст в переводе В. Г. Тизенгаузена. Он решил, что раз Великий, то это Булгар [там же], тогда как И. Н. Березин перевел его название как Кернек, решив по созвучию, что это название болгарского города Кременчуг. Но перед нами персидский источник, где город Биляр, в отличие от русских летописей, никто никогда Великим не называл. В приведённых И. Н. Березиным названиях города из разных рукописей совпадают при чтении справа налево первая, вторая и четвёртая буквы. В обеих рукописях за первой буквой «кьяф», то есть «к» идёт вторая лунная буква, никогда не соединяющаяся с последующей, «уау», она же «вав»,

читаемая как «у», «оу» или «в», а конечная буква опять «кьяф», которые в зависимости от места в начале, в середине или в конце слова пишутся по-разному (рис. 29).

Въ подлинникъ **كرنك**, въ рукописи Публичной Библиотеки **كرمك**; по созвучію можно видѣть въ этомъ имени только Булгарскій городъ Кременчугъ (правильно **كرمانچك** Керманчукъ, что значитъ: крепостца), известный изъ Русскихъ Лѣтописей (Карамзина, *Исторія V*, прим. 176).

Рис. 29. Арабское написание названия города, до которого дошел эмир Субэдэй с войском [Березин 1855, 12]

Сложность для переписчиков персидского текста составила лишь третья буква, которую они интерпретировали по-разному. Можно предположить, что изначально это была буква «йа» арабского, она же «йе» персидского алфавитов, и перед нами город Куйа(е)к. Вероятно, это была хорошо известная по персидской рукописи X в. «Худуд ал-'алем» *KUYABA*, она же Куйаба трактатов аль-Истахри и Ибн Хаукаля, она же Кукийана XII в. ал-Идриси. Тем более что крепость Кеибе была указана как одна из целей второго похода в ССМ.

Рашид ад-Дин неплохо показал события той зимы: «Те (Субудай с войском) дошли до города Кернека и других мест: разбили тамошнее войско и заставили покориться. Тамошние владельцы **Баян и Джикю** пришли и изъявили покорность Принцам: будучи пожалованы, возвратились назад, но опять восстали. Он послал вторично Субудай Багадура, который и овладел (их землей)» [там же, 12-13], где из различия имен повелителей видно, что здесь речь явно не о Булгарии. Так как там «дошли до города Болгар-балык, сразились с его владетелем

ханом **Хотосы**. И еще раз разбили его войско» [Юань ши 2009, 223-224]. Расходится также и время. Русские летописи указали взятие столицы булгар **осенью** 1236 г.: «Тое же осени придоша от восточные страны в Болгарскую землю безбожнии татары и взяша славнии Великийи город Болгарьскийи» [Никитин 2011, 82], тогда как Рашид ад-Дин при упоминании двух походов Субэдэя на Куйа(е)к писал уже о событиях **зимы** 1236/1237 г.

Нетипичный поступок, когда монголы вдруг после битвы на радостях пожаловали, то есть наградили противника, хотя обычно вооруженный отпор они карали смертью, показал значительную ценность для них этого города. Впрочем, их великая радость понятна – задание ка'ана было наполовину исполнено, Кеибек-кермен взята, притом быстро и без крупных потерь. Да и сама крепость, которую монголо-татары позднее называли Укек или Укак (тюрк. – башня), как опорный пункт на середине пути по Волге между Саксином и землями булгар была им тогда как дар судьбы.

В её гавани можно было строить суда и найти тут лоцманов, знавших низовья Волги. Каменный замок, а раскопки 1893 г. вскрыли у вала одну из его двухъярусных башен 8 x 8 м, стал надёжным хранилищем добычи. Отсюда по древнему пути на Хорезм, упоминаемому Гардизи ещё в XI в., было удобно отправлять её на восток. Но главное, монголы получили удобный наблюдательный опорный пункт и для южных, и для северных походов.

Ведь уже «весной года дин-ю (6.02–4.05.1237 г.) <...> Мэнгу ходил походом на кипчаков, разбил их и схватил их главаря Бачмана» [Юань ши 2009, 170] – расскажет Юань ши о южном походе. «Мэнгу-каан

приказал изготовить 200 судов и на каждое из них посадить 100 человек монголов в полном вооружении. Он же с братом своим Бучеком шли облавой по обоим берегам реки. В одном из итильских лесов они нашли свежий навоз и прочее от спешно откочевывавшего лагеря...» [Рашид ад-дин 2003, 407] – подробно покажет южный поход и Рашид ад-Дин.

Если бы эти 200 судов изготавливались бы в Болгаре или его окрестностях, то их никак нельзя было бы использовать *весной года дин-ю* (6.02–4.05.1237 г.), так как там начало ледохода приходится на конец апреля. А в низовьях Волги у Саксина всегда были проблемы с лесом, а без него 200 крупных судов там за зиму создать было бы нереально.

Не зря монголы так радовались взятию крепости Кеибек, где и лес был, и мастера, хоть побунтовали, но заказ всё ж исполнили, да и навигация тут начиналась на месяц раньше булгарской.

Тогда же «сыновья Джучи – Бату, Орда и Берке, сын Угедей-каана – Кадан, внук Чагатая – Бури и сын Чингизхана – Кулкан занялись войною с мокшей, буртасами и арджанами и в короткое время завладели ими» [там же]. Но перевод В. Г. Тизенгаузена здесь вновь не точен – мокши нет в рукописях. В тексте стоит *букши* либо *юкши*. И если предположить, что автор летописи решил блеснуть знанием тюркской лексики, то «*букши*» могло означать прячущихся, а «*юкши*» – непокорённых, дословно – не приветствующих императора, *буртасов* и *арджан*, причем как буртасы, так и Арса (Арта, Urtab...) были хорошо известны в ранней исламской географии. Более того, как мы помним, они являлись ближайшими

Рис. 30. Летние походы 1237 г.

соседями Куйабы (рис. 30). В описаниях летних набегов 1237 г. упомянуто восемь царевичей. Отсутствуют наследник трона Гуюк вместе с царевичами Шейбаном и Байдаром. Возможно, их оставили в резерве для охраны крепости с импонирующим Гуюку названием Куйак, дабы ещё одно восстание в ней без догляда не случилось. Все вместе царевичи собрались лишь на осеннем курултае 1237 г., «и, по общему соглашению, пошли войной на русских» [Рашид ад-дин 2003, 407]. Рашид ад-Дину трудно было показать путь монголов далее, ведь в источниках Востока топонимики северной Руси до той поры не было. Поэтому основной источник здесь – русские данные. По ним начало пути монголов осенью 1237 г. показано в «Выписке в Разряде о построении новых городов и черты 1681 г.», где собраны данные об ордынских сакмах: «по 2-й переходу реку Волгу, а Дону реки не дошед, промеж рек Хопра и Суры, чрез реки Лесной и Польный Воронежи, на Рязские и на Рязанские и на Шацкия места, которою сакмою и Батый в войну на Русь шол» [Голомбиовский 1892, 49].

Вектор похода монголов от Кеибекермен (будущее Укек, позднее Увека) на Новгород как стрела прон-

зает заметную часть взятых тогда городов (рис. 31),

начиная от Рязани, Коломны, Москвы вплоть до спасшего Новгород героического Торжка.

Но, двигаясь на северо-запад, опытные военачальники монголов обязаны были учитывать также высокую вероятность ударов с флангов, особенно с востока – Владимиро-Суздальской Руси.

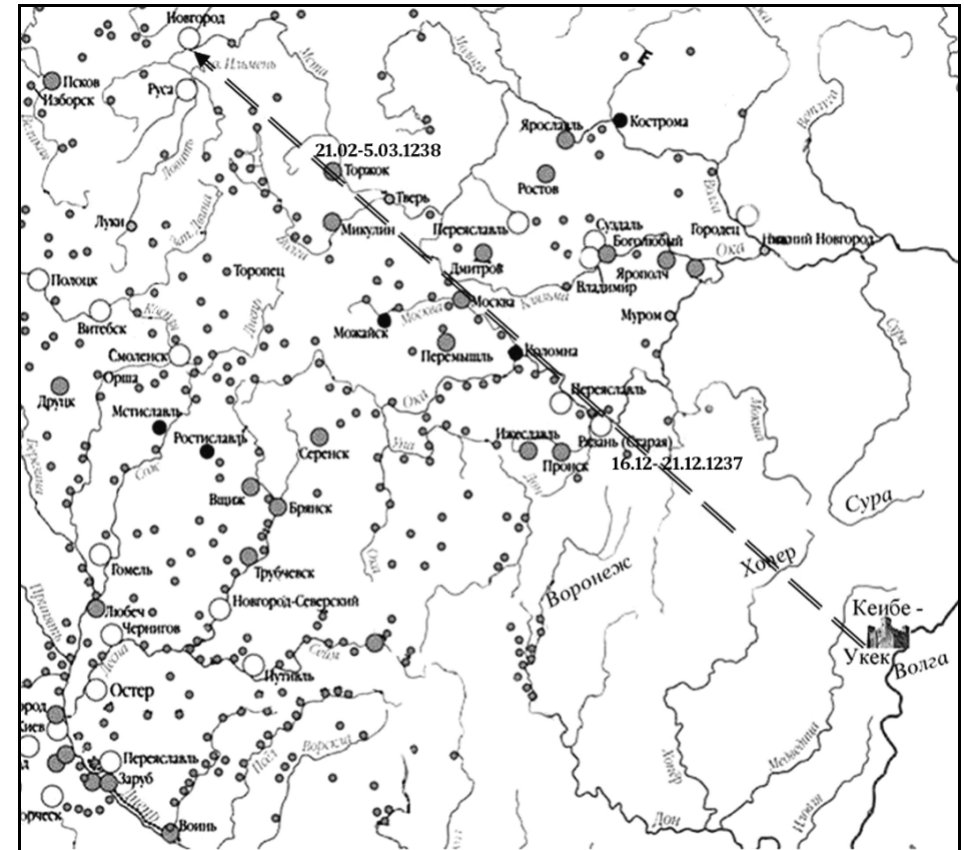

Рис. 31. Археологическая карта известных русских поселений с направлением главного удара монголов зимой 1237-1238 г.

Ведь оттуда подкрепления с сыном великого князя Всеволодом пришли уже для обороны Коломны. При захвате Москвы ими был взят в плен другой его сын – Владимир. Игнорировать столь явную угрозу с востока монголы не могли.

Видимо, поэтому следующими пали Суздаль и стольный град Владимир, «и оттоле рассыташа по всей земли той <...> и все грады поимаше по Ростовской земли и Суздальской во един месяц, февраль 14, и несть же места до Торжку по всей земли той, идеже не быша» [Никитин 2011, 226]. Хотя даже на битву на Сити севернее Ярославля с великим князем Юрием монголы отрядили не главного эмира похода Субэдэя, а эмира Бурундая.

То есть, судя по направлению движения главных сил, основной целью был всё же Новгород. Но чем далее на северо-запад, тем выше становились февральские сугробы, не позволяя их коням добывать корм. Не зря монголы «рассыташа», не пропуская ни села, ни погоста. Ведь к марту свои корма на Руси подходили к концу. К тому же в лесной зоне северной Руси соломенных крыш не было, даже самые бедные избы покрывались тёсом, щепой. А по «Ясе» в походе монгол имел трёх коней: один под собой, второй с едой и снаряжением и третий – свежий для битвы.

Последняя задержка под Торжком, где «биша пороки по две недели» [там же, 230], поставила их конницу в отчаянное положение – в тех лесах столько поселений с кормом, чтобы не пали табуны, не было (см. рис. 25). Монголы всё же «взяша Торжек марта 5, на средохрестной недели, вси люди изсекоша, а за прочими людьми погнашеся от Торжьку Серегерьским путем до Игначя

креста, секуще люди, якоже траву, только не дошед за сто верст до Новагорода» [там же]. Но то была скорее месть. Ведь почти от порога их цели монголам пришлось спешно отступить на юг: «и оттуду иде к Козельску Батыйи» [там же]. Сместившись на 350 км к югу, Бату противостоял у Козельска почти два месяца (рис. 32).

«Злой город» пал лишь через три дня после подхода на помощь Батую войск Кадана и Бури с припасами и, вероятно, их стенобитными машинами. Затем «Батый же оттуду иде в землю Половецкую» [там же, 231] и на время исчезает со строк летописей.

Рис. 32. Фрагмент диорамы «Оборона Козельска 1238 г.»

Рашид ад-Дин пишет, что после взятия Козельска осенью Кадан с Менгу пошли в поход на черкесов; Шибан, Бучек и Бури выступили походом в Крым; Берке отправился на кипчаков. То есть зиму 1238/1239 г. все они провели в тёплых краях. Русские летописи не зря отметили в марте 1239 г., что почти год было мирно.

Где были лето, осень и зиму 1238/1239 г. Бату с Гююком и ещё два царевича, не ясно. Может, возрождали потрепаные тумыны? А ведь монголам к 1239 г. уже пора было бы решить вторую часть своей задачи: взять на Кавказе *Мекет-мен*, он же город Магас аль-Масуди, он же город Минкас Рашид ад-Дина.

Но Бату и в 1239 году на Кавказ не спешил. Прежде он обезопасил войска от возможного ответного удара русичей с севера: *«Того же лета посла Батыи Татари свои, и взяша Переславль Русски <...>. А иных посла на Чрынигов»* [там же, 232].

Лишь в конце лета *«в кака-ил, год свиньи, соответствующий 636 г.х., Гуюк-хан, Менгу-каан, Кадан и Бури направились к городу Минкас и зимой, после осады, продолжавшейся один месяц и 15 дней, взяли его»* [Рашид ад-дин 2003, 408]. По китайским источникам: *«Зимой, в одиннадцатой луне (27 ноября–26 декабря 1239 г.), войска под командой Мэнгу окружили город асов Магас и через 3 месяца захватили его»* [Юань ши 2009, 175].

Тогда как другие тумыны, сея панику, прикрывали их с севера: *«на зиму взяша Татарове Мордовьскую землю, и Муром пожгоша, и по Клязьме воеваша, и град святыя Богородица Гороховец пожгоша, а сами идоша в станы своя. Тогда же бе пополох зол по всеи земли, и сами не ведаху, где кто бежит»* [Никитин 2011, 98-99].

Так общими усилиями задача, поставленная в 1235 г. ка'аном Угэдэем, к весне 1240 г. была решена. Поэтому *«весной, в начальной луне года гэн-цзы (26.01 – 24.02.1240 г.) <...> царевич Гуюк овладел всеми не сдававшимися областями Западного края и прислал гонца с докладом о добыче»* [Юань ши 2009, 175].

Эти официальные доклад и хроника и позволили автору ССМ написать летом 1240 г. о взятии Киева по завету Чингиса, хотя стены города падут лишь следующей зимой. Ведь тайное письмо Бату ка'ану с описанием реальной ситуации, включая пьяные выходки Гуюка и Менгу, за которые царевич Гуюк едва своей головой не поплатился, понятно, обнародовано не было.

Автор ССМ не ошибся в том, что в начале 1240 г. сборщики налогов – *даругачины* и воеводы – *танмачины* уже управляли на Волге Куйабой и Булгаром. Но из-за наглости Гуюка и созвучия топонимов возник парадокс, и взятая зимою 1236/1237 г. крепость Куйаба вдруг стала вольным ещё Киевом, а Булгар – сожжённым осенью 1236 г. Биляром. Лишь изучение ССМ в комплексе с данными ранней географии исламского мира позволило его разрешить. Примечательно, что начатый здесь очень рано, до 1240 г., сбор налогов, видимо, и привёл тогда к почти мгновенному исчезновению прежних народов Понизовья Волги, не только русов, но и всех остальных.

Казалось бы, сбор податей был известен издревле. Достаточно вспомнить известное полюдьё киевских князей. К тому же ряд современных публикаций утверждает, что монголо-татары брали лишь десятину – 10% доходов, и это было почти благо, а совсем не иго для покорённых народов, наконец-то приобщившихся к

ценностям цивилизации Великой империи. Но если обратиться к подлинным документам, например, к найденным ярлыкам [Березин 1850, 15-23], то картина диаметрально меняется, так как смотря о чьих податях в них речь: с коренного населения монгольской империи или с покорённых народов (табл. 3).

Таблица 3. Поборы даругачинов

N	С коренных ордынцев	С покорённых народов
1	Подушная подать	Дань десятинная
2	Ясачный оброк	Тамга – внутренняя таможенная пошлина, по несколько раз
3	Бурловая тамга	Пошлина для царя, царицы, князей, рядцов (вельмож), даругачина, послов, баскаков
4	Хлебная подать амбарная	Подать поплужная
5	Хлебная подать гуменная	Подать на ям
6	Недоимки	Подать на подводы
7		Подать на корм, питье послов, цариц, детей и коней ханских
8		Мыт – пошлина за товар с воза и с судна на въезде в город, село
9		Мостовщина
10		Рекрутство, война, сбор рати
11		Ловитва ханская
12		Запрос, дары, почестья, сторожа
13		Доходы, поминки, поклонное...

Вот как эти поборы выглядели в объективных описаниях иноземцев, побывавших тогда в Поволжье: «От них требуют – ходить с ними, когда им угодно, на войну противу всех, и давать десятину от всего, как от людей, так и от вещей. Отсчитав десять, берут одного. То же самое делают и с девками, коих уводят в свою землю и

держат для услуг. Остальных, переписав, учреждают по обычаю <...>.

В бытность нашу в Руссии прислан был, как говорили, от Куинихана и Батыя сарацин, и сей начальник от каждого человека, имевшего троих сыновей, брал одного. Мужчин, не имевших жен, уводили, то самое делали и с женщинами, у коих не было мужей. Нищих, кои снискивали себе пропитание милостынею, также уводили.

Остальных же, по их обычаю переписав, приказал, чтобы каждый, как малый, так и больший, даже младенец, однопольный, бедный и богатый, давал дань, а именно: по коже белого медведя, черного бобра, соболя, хоря и по одной коже черной лисицы. Кто не заплатит этой дани, того отводят к татарам, где он и остается в рабстве» [Карпини 1825, 183-185].

Невыносимые поборы должны были заставить население покорённых земель прибегнуть к своеобразной этнической мимикрии. Ведь избавиться от таких диких податей они могли лишь взяв имя захватчиков своих земель. Дабы «законно» не угодить в рабство, не потерять своих близких булгары, хазары, буртасы были вынуждены назваться татарами. Это, видимо, и стало главной причиной почти мгновенного исчезновения с исторической арены прежних названий волжских народов.

А что же русичи Понизовья? Они ведь тоже попали под пресс податей империи, но всё же не приняли имени завоевателей. Опыт столетий общения с тюрками указал более достойный выход. Уже в словаре XI в. по тюркской лексике кроме термина «*татър*» [ал-Кашгари 2005, 387] был и термин «*азак*», то есть «казак» – имя владык огузов, юго-западного объединения тюрков [там же, 100].

И русичи Куйабы – Укека, видимо, назвались казаками. Может, в память об имевшем место с X века прежнем своём здесь главенстве. Может, из сходства имени своего стольного города (B) и (C) (см. рис. 29) с тюркским термином «кази(а?)к» (A), основной смысл которого – смелость [там же, 371]:

А) كزك В) كرنك С) كرمك

Конструктивная идея разлетелась по землям бывшего Русского каганата от Волги до устья Дона. А после падения Киева в декабре 1240 г., вероятно, пришла и на Днепр. Этноним полюбился, вошёл в быт. К примеру, ещё в раннем татарском эпосе начала XV в. «Идегей» его герою предлагалось идти в казаки, а по русской летописи той же эпохи, точнее в 1444 г. соседствующие с Укеком казаки Рязанские вместе с москвичами и мордвою разгромили татарского царевича Мустафу с его войском.

Но с расширением области применения термина забылись со временем причины его появления, исчезла связь с названием одного из самых древних русских городов, когда-то столь созвучного с Киевом, что историки давно заплутали меж этими городами на Днепре и Волге.

К тому же на беду Куйабы мудрый Саин-хан, он же Батый русских летописей, избрал для своей Орды, позднее названной Золотою, Великий Волжский торговый путь, а не путь по Днепру из варяг в греки. И по всей Нижней Волге развернулось сверхактивное строительство. Значительная часть культурного слоя русской Куйабы исчезла ещё тогда, впрочем, как и ранние слои Булгара, а также Саксина. В то время как славный Киев на Днепре являл тяжкое зрелище не только спустя пять

лет после захвата, о чём рассказал проехавший здесь Плато Карпини: «когда мы ехали через их землю, мы находили в поле бесчисленное количество голов и костей мертвых людей. Киев был весьма большой, а теперь разорен почти дотла: едва существует там двести домов, а людей татары держат в самом страшном рабстве» [Карпини 1911, 25].

И по прошествии столетий этот стольный русский град представлял собой впечатляющие руины. Достаточно взглянуть на рисунки А. ван Вестерфельда 1651 г., сопровождавшего гетмана Я. Радзивилла (рис. 33).

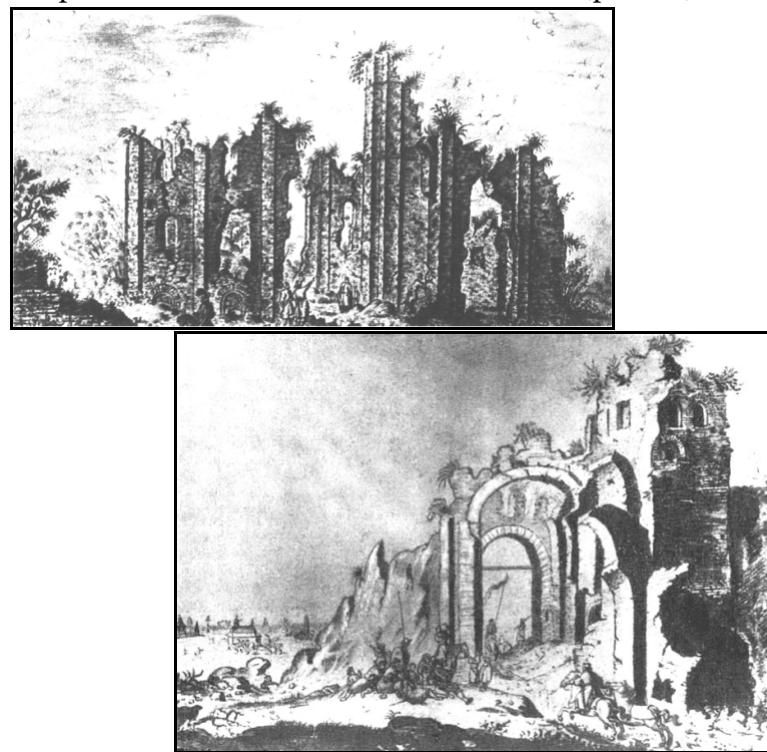

Рис. 33. Руины Федоровской церкви и Золотых ворот Киева 1651 г.

Эти руины прекрасно вписались в общую трагическую картину гибели столицы Руси, созданную православными монахами, ведь Киев действительно когда-то был столицей православия. А так как с наступлением эпохи Возрождения именно по найденным руинам судили о прошлом страны, то облик Киева дивно дополнил апокалипсические зарисовки «Повести временных лет», не оставив и тени сомнений в исторической точности её описаний.

Совсем иная судьба ждала его мнимого тезку – Куйабу на Волге, бывший стольный град Русского каганата, который с доминированием тюркской речи вновь стал Укеком, той самой Башней, о которой писал ещё ал-Хорезми. В последующие полтора века бытования здесь Золотой Орды он по-прежнему стоял на перекрестье торговых путей, был важным связующим звеном как на Волжском пути меж возрождённым Булгаром и первой столицей нового государства Батыея – городом Сарай, так и на Великом шёлковом пути, связывая Яик с Доном и с южными морями, Крымом и Тмутараканью.

Казалось бы, Укек тогда вступил в полосу благоденствия. Позднее исследователи насчитают на поверхности городища примерно тысячу каменных капитальных сооружений [Минх 1881, 224]. И это без учёта того, что зачастую, как показали раскопки, здания возводились по мере разрушения одно над другим. Их стены украшали цветные изразцы с растительным орнаментом (рис. 34). Некоторые здания имели колоннаду. Полы обогревались кирпичными канальными системами, по коим горячий воздух от печей перемещался в пространство под полом и под лежанки – каны. Керамические водопроводы и подводили воду, и отводили её. Кто научил тому монгол?

Повторялась та же история, что с норманнами: те у себя в Скандинавии городов до XII в. не знали, но как на Русь в IX-м попали, вдруг за один 862 г. здесь все города отстроили. Так и монголы. Прискакали, расставили юрты и ну землю рыть, античные системы отопления воссоздавать, водопроводы прокладывать. И откуда что взялось?

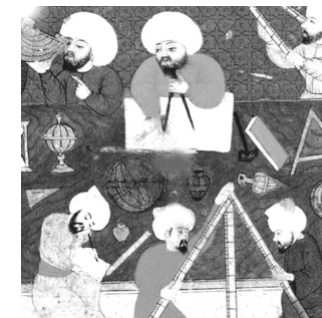
Рис. 34. Мощные стены жилищ и вид поливных изразцов Укека

Способ кладки стен не похож ни на среднеазиатский, ни на болгарский: там не было традиции создания столь мощных каменных фундаментов (см. рис. 34), как на Укеке. Но самое любопытное в том, что самым богатым в этом городе тогда был так называемый русский квартал. Победённые русичи, по мнению археологов, жили здесь явно богаче своих победителей. Так ли это было на самом деле, по лаконичным отзывам путешественников, побывавшим в те годы в Золотой Орде, понять сложно.

Хотя бы потому, что далеко не у всех из них путь на Восток проходил через него. Плано Карпини городов на Волге вообще не упомянул. Гильома Рубрука тоже здесь не было, его маршрут в 1253 г. пролегал заметно севернее, видимо, у Самарской Луки, так как он пересекал Волгу у безымянного нового посёлка, где «до городов Великой Булгарии к северу **считается 5 дней** пути» [Путешествия... 1957, 118, выделено С.Б.]. Тогда как меж Булгаром и Укеком в X-XII вв. **считалось 15 или 20 дней** пути в зависимости от единиц измерений. То есть и Рубрук Укек не видел. Хотя историки и ныне цитируют гипотезу XIX в. немецкого учёного Ф.М.Шмидта [Schmidt 1885, 182-183], отождествившего тот безымянный посёлок, а ныне золотоордынское селище в устье р.Усы, с Укеком.

Первым из западных путешественников этот город в XIII в. упомянул Марко Поло, рисуя путь отца и дяди Николо и Маффео в пору войн Берке с Хулагу: «Собрались да и вышли из Болгара. Пошли они к городу, что был на границе земель западного царя и назывался Укака» [Книга Марко Поло 1955, 45]. Граница Орды, указанная Поло у Укека, а Карпини к востоку от Киева требует для своей локализации изучения документов уже XIV века.

XIV век: география Орды и пути Тимура

Сложность определения границ Руси в XIV в. связана с проблемой установления границ их, казалось бы, могущественного соседа, названного позже Золотой Ордой. В 1266 г. она фактически отделилась от Монгольской империи, объявив на курултае 1269 г. о независимости. Но эта держава оказалась недолговечным образованием с эфемерными границами. Окрепла она лишь к XIV в., когда после поражения Ногая в 1299 г. наконец-то закончилась жестокая борьба за власть между волжским и дунайским улусами. Впрочем, и последующие сто лет не были спокойными. Ведь 20 лет из них пришлось на Великую замятню. Тогда с 1359 по 1380 гг. на престоле Золотой Орды сменилось порядка 25 ханов. Ну а нашествие Тимура 1395 г. запустило процесс её окончательного распада и гибели.

Из-за этих почти непрерывных войн крайне сложно судить о границах Золотой Орды. В первой половине XIV в. аль-Омари в своей книге «Пути взоров по государствам с крупными городами», последовательно перечисляя города и области, начиная от р. Джейхун (совр. Амударья), так обрисовал её земли: «Харезм, Саганак, Сайрам, Яркенд, Джэнд, Сарай, город Маджар, Азак, Акча-керман, Кафа, Судак, Саксин, Укек, Булгар, области Сибирь и Ибирь, Башкырды и Чульман» [Тизенгаузен 1884, 216]. То есть западную и северную Русь, судя по

списку, в состав Орды он включать не стал, так как указал только её области в Причерноморье и по Волге.

А вот другой видный учёный XIV в. и по совместительству сирийский эмир Абу-ль-Фида в своей книге «Упорядочение стран», созданной не позднее 1331 г., к стране тюрок, то есть Золотой Орде, относит все пять великих рек славян Дунай, Днестр, Днепр, Дон, Волгу: «Далее главные реки в стране тюрок, известные купцам, посещающим эту страну. <...>

Река Туна (Дунай – С.Б.) <...> – это большая река, гораздо больше Тигра и Ефрата, вместе взятых. Начинаясь в более отдалённых северных краях, она течёт на юг и стекает на восток с горы, называемой Кашка-Таг, то есть «трудная гора», потому что через неё трудно перейти. Эта гора даёт приют многим неверным народам, таким как ал-авлак, ал-маджар, ас-сарб и другие.

Итак, река Туна течёт на восток от этой горы и, по мере того, как движется к югу, приближается к морю Нитаиш, называемому сейчас морем ал-Кирум. Она протекает между горой и морем, пока не вольется в море к северу от города, именуемого Сакджа, который находится в земле ал-Кустантинийя и расположен на северо-северо-запад от ал-Кустантинийя. Таким образом, широта Сакджи больше, чем широта ал-Кустантинийи: тогда как последняя составляет 45°, широта Сакджи около 50°, немного больше или меньше.

Река Аззу (Днепр – С.Б.)— довольно большая река, которая берет начало на севере и течет к востоку от реки Туна. Сначала она поворачивает на запад, затем — на восток и впадает в залив моря ал-Кирум между Сару Карманом и Акджа-Карманом, двумя городами,

расположенными на побережье этого моря. Широта этих городов приблизительно такая же, как широта Судака, а их долгота гораздо меньше, так как они находятся на большом расстоянии к западу от Судака, который расположен на 56° долготы и 51° широты. <...>.

Река ал-Атил (Волга – С.Б.) относится к числу величайших и известнейших рек той страны). Она приходит из районов, расположенных на крайнем севере и востоке, где никто не живет, протекает близ города Булара, окружая его с севера и с запада. Это город, который по-арабски называется Внутренним Булгаром; его широта превышает 50°. Упомянутая ал-Асил течет из Булара к лежащему на ее берегу городку, называемому Укак. Затем она минует его и [приходит] к деревне, именуемой Балджаман, и течет на юг, потом поворачивает и течет на восток и на юг, протекая мимо города Сарай с юга и запада. Сарай расположен на берегу ал-Атил, к северу и востоку от реки. Таким образом, ал-Атил минует город Сарай, разветвляясь близ моря ал-Хазар, как говорят, на 1001 реку. Все они впадают в море ал-Хазар с северной и западной стороны.

Река Тан (Дон – С.Б.) – это огромная река к востоку от Аззу и к западу от ал-Асил. Она течет с севера на юг и впадает в озеро Манитаиш, известное в наше время как море ал-Азак – порта на его берегу, куда стремятся купцы. Река Тан впадает в упомянутое море близ ал-Азак, к западу от него [Древняя Русь... 2009, 158 - 160].

О реке Турлу, то есть Днестре, Абу-ль-Фида упомянул в своих таблицах городов, связав её описание с Белгородом Днестровским (см. рис. 22), у него городом Акджа-Карман: «Акджа Карман. Долгота по измерению 45° и

широта 50° в седьмом климате, в стране ал-булгар и ат-турк.<...>. Акджа Карман – это небольшой населенный пункт на побережье моря Ниташи. Он находится к западу от Сару Кармана, и между ними 15 дней. Акджа Карман расположен на равнине. Населяют его мусульмане и неверные. Неподалеку от него впадает в море река Турлу, которая по величине может соперничать с Хама. Между Акджа Карманом и Сакджей расстояние в 5 дней» [там же].

Слова Абу-ль-Фиды, казалось бы, подтверждают портуланы – первые морские карты, совмещавшие компас с розой ветров для точного определения места нахождения. Их массовое производство было тогда начато в итальянских городах-республиках, но очень скоро с ними стали соперничать каталонские картографы с о. Майорки.

Наиболее известны ранние портуланы Пьетро Весконтте и Джиованни да Карригнано из Генуи, Анджелино Дульсера и Гилльельмо Солери с Майорки, Франческо и Доменико Пиццигани из Венеции. Всего с XIV в. уцелело около ста карт. Многие карты из этого ряда – это документы политической истории, так как на них широко представлена знаковая информация в виде разноцветных флажков и вымпелов, свидетельствующих о политической ситуации на момент их создания.

Например, на портулане А. Дульсера 1339 г. [url: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b52503220z/f1.item>] флаги с тамгой хана Узбека реют от Великого Новгорода до Вичины (vicana) на Дунае. Под пятою монгол у него и западная Рутения (RVTENIA), и восточная Россия (Rossia). Но точны ли эти сведения? Ведь на его карте (рис. 35) на Дону показан Ростов Великий (roftaov), а Москва (moftaov) и вовсе сместилась на правый берег Днепра,

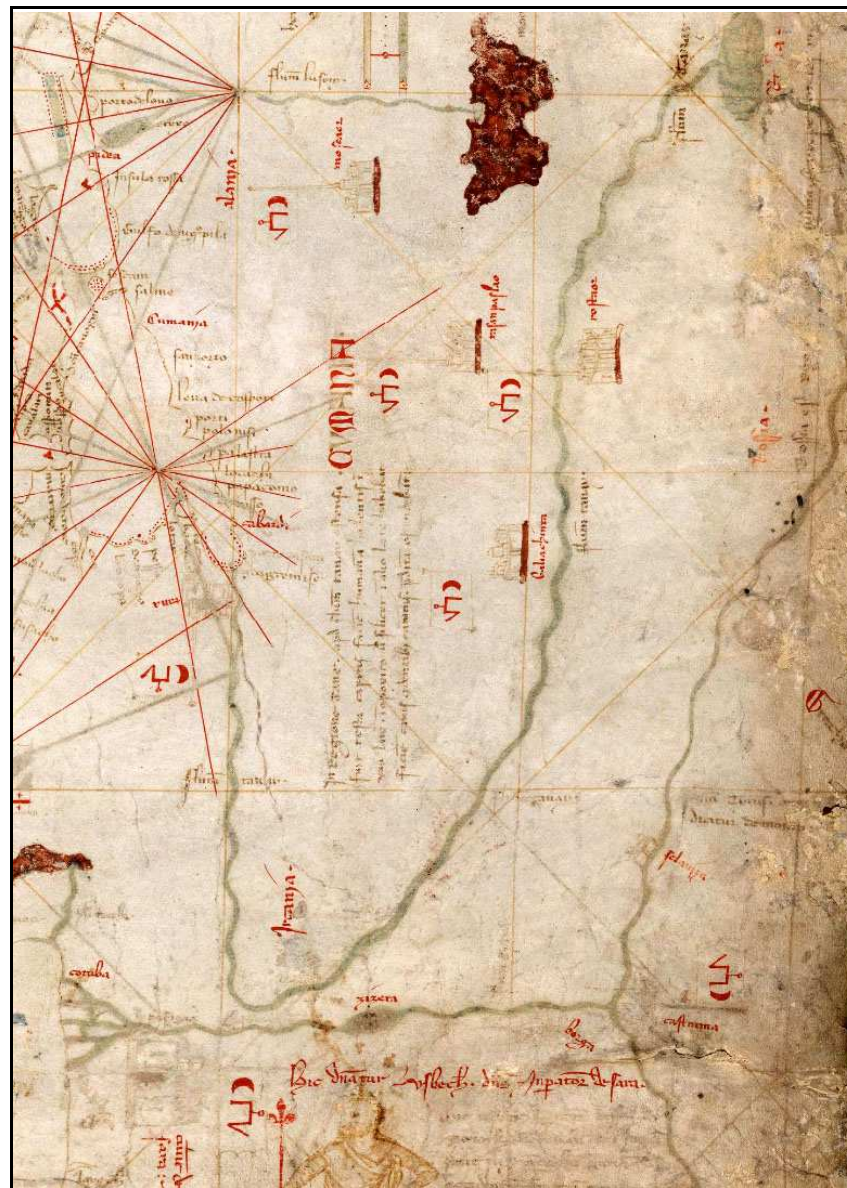

Рис. 35. Фрагмент карты Дульсера 1339 г. с Волгой, Доном и Днепром

А значит, автор карты не видел этих земель, использовал чьи-то рассказы. Не зря вдали от берега на ней исчезают розы ветров, их на суше сменяет градусная сетка, и перед нами возникает всего лишь одна из реконструкций карт Птолемея той эпохи (см. рис. 1) с произвольным указанием и местоположения русских городов, и сюзеренитета над ними Золотой Орды.

Вроде бы иначе в плане смысловой нагрузки при схожей гидрографии выглядит портулан братьев Пиццигани 1367 г. Он хранится в Италии, в библиотеке Палатина г. Пармы. Из-за его плохой сохранности часто используют его копии, опубликованные в 1849 г. Е.-Ф. Джомардом. Но, не поняв сути цвета подписей, он его изменил, потому здесь даны пусть трудно читаемые, но снимки оригинала.

На портулане Пиццигани берега Чёрного, Азовского и Каспийского морей, а также реки Волги плотно заполнены названиями населённых пунктов (рис. 36). Над самыми важными из них реют разноцветные вымпелы, ясно показывая их государственную принадлежность (рис. 36). Причём их цвет почему-то оспаривает ряд текстов самого портулана Пиццигани.

Например, надпись у столицы Орды Сарая в переводе И. К. Фоменко гласит: «В городе Сарай находится император Узбек; его империя очень огромна и простирается от провинции Болгария, от города Вичина, до города Органджи на Востоке» [Фоменко 2006, 158]. То есть она повторяет мнение о стране Узбека А. Дульсера 1339 г., так как Вичина это город на Дунае, а Органджи, он же Ургенч, – город и провинция на Аму-Дарье. Только вот на самом портулане 1367 г. чёрные стяги Золотой Орды реют лишь на Нижней Волге и к востоку от неё.

Рис. 36. Северо-восток карты Пиццигани 1367 г. (восток вверх)

Хотя гидрография Восточной Европы показана на этом портулане предельно ясно, и никак нельзя сказать, что, ограничивая Орду Волгою, составители просто спутали речные системы. На карте представлены не только главные реки Восточной Европы, но и торговые водные пути той эпохи. Так, восточный исток Волги, их р. Эдиль (1), а ныне Кама берет начало в Уральских горах, западный исток, их р. Тирас (2), а ныне Волга в верховьях образует трилистник сопряжения водных путей: по Волге (2), по Дону – их р. Танай (4) и по Волхову (3) – их р. Новогодо, то есть река Великого Новгорода (рис. 37). Устье Эдиль – Волги представлено шестью отдельными рукавами (при переправе в Суммеркент путешественники действительно переправлялись через 6 крупных водных потоков).

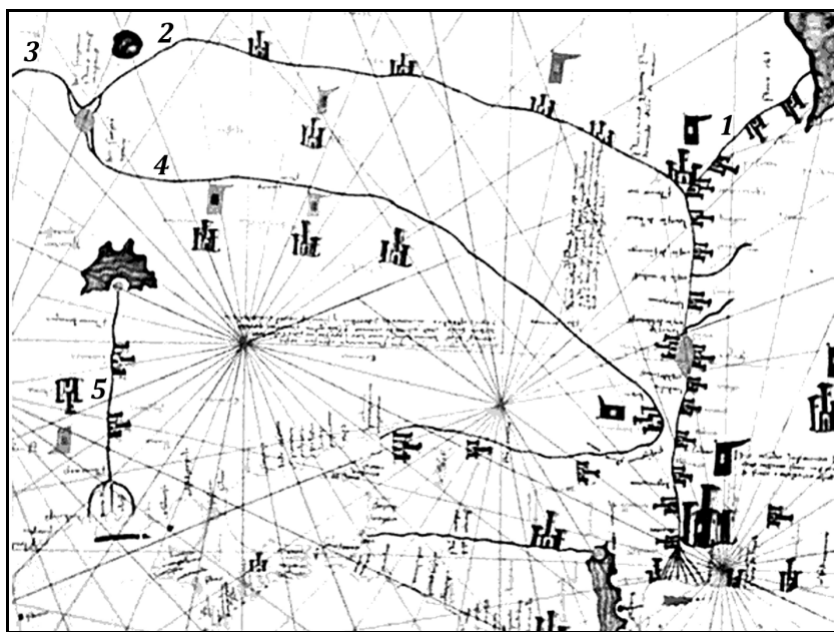

Рис. 37. Фрагмент карты Пицигани с Днепром, Доном и Волгою

Лишь Днепр (5), вытекающий из Русских гор, от этой системы водных торговых маршрутов полностью изолирован. Возможно, поэтому на нём показано всего три города с неясными наименованиями.

Тогда как только на верхней Волге представлены уже четыре города: первый без названия, возможно, основанный в 1221 г. Нижний Новгород; второй под ярким красным стягом – древний Ярославль, столица крупного княжества, претендовавшего благодаря правлению Фёдора Чёрного на доминирующую роль на Верхней Волге, в верховьях – Тверь (*tifir*), тоже бывшая с XIII в. стольным городом и у истока, вероятно, переходивший тогда из рук в руки Ржев (название смазано).

На Каме, в верховьях Эдиль-реки, самый восточный город – Сакетим. Его название соответствует русской транскрипции Жукотин, в татарском прочтении г. Джукетау (Липовая Гора). Считался одним из крупнейших городов. Ныне его городище прослежено по левому берегу Камы на расстоянии 6 км (от с. Донауровка до старого татарского кладбища Чистополя) [Халиков 1994, 97].

Далее вниз по течению на карте город Ч(х?)ар, возможно, Чаллы у реки Шумбут. Площадь Чаллинского городка, защищенного оврагами, речным обрывом и двумя линиями валов около 11500 м², но к нему примыкал обширный посад – 570 000 м² [там же, 96].

Следующий город – Паскертти, название которого Ф. К. Брун связывал с башкирами, тем более что рядом на карте есть дублирующий этноним [Брун 1872, 4].

И, наконец, в устье Эдиль – Камы показан город Кормансуко, название которого созвучно с болгарским Кирменчуком. Обычно с ним увязывают археологиче-

ский комплекс на р. Кирменке из Кирменского городища (площадь близка к 100 000 м²), Кирменских селищ и кладбищ с надгробиями первой половины XIV в. Хотя городище находится не на левом, как показано, а на правом берегу Камы, недалеко от её устья.

На карте Кормансуко показан при слиянии рек Эдиль и Тирас, то есть Камы и Волги. Вблизи него на правом берегу Камы, близ их точки слияния, помещен город без названия с нарисованным над ним вымпелом. С ним вопрос пока открыт. Быть может, Пиццигани так отметили какое-то торжище, может, ещё безымянную для них Казань, где в середине XIV в. многие пытались укрыться от начавшейся эпидемии чумы. Но самое вероятное – это Кострома с портулана А. Дюльсерта, которую тот по ошибке разместил не у того устья точно так, как он поступил и с другими русскими городами, а Пиццигани, позаимствовав его топографическую основу, не стали её поправлять там, где сами не были.

Судя по ошибкам портулана, севернее Булгара братьям Пиццигани побывать не довелось. Ведь только отсюда начинаются лаконичные характеристики городов, подписанные на латыни против их алых названий на противоположном берегу Волги. Только здесь начинает работать эффект очевидца, а значит можно определить и границы достоверности карты, да и маршрут её составителей, от Каспия до Булгара прошедших, по алым подписям судя, древней дорогой по левому берегу Волги.

Их скудные подписи весьма информативны. Напротив Булгара, Боргар у Пиццигани, подпись на латыни гласит «*lo cafar de boca*», что можно перевести как «*вход в устье*», где впадавшая в Волгу рядом с Булгаром протока Чертыка действительно была вторым устьем Камы.

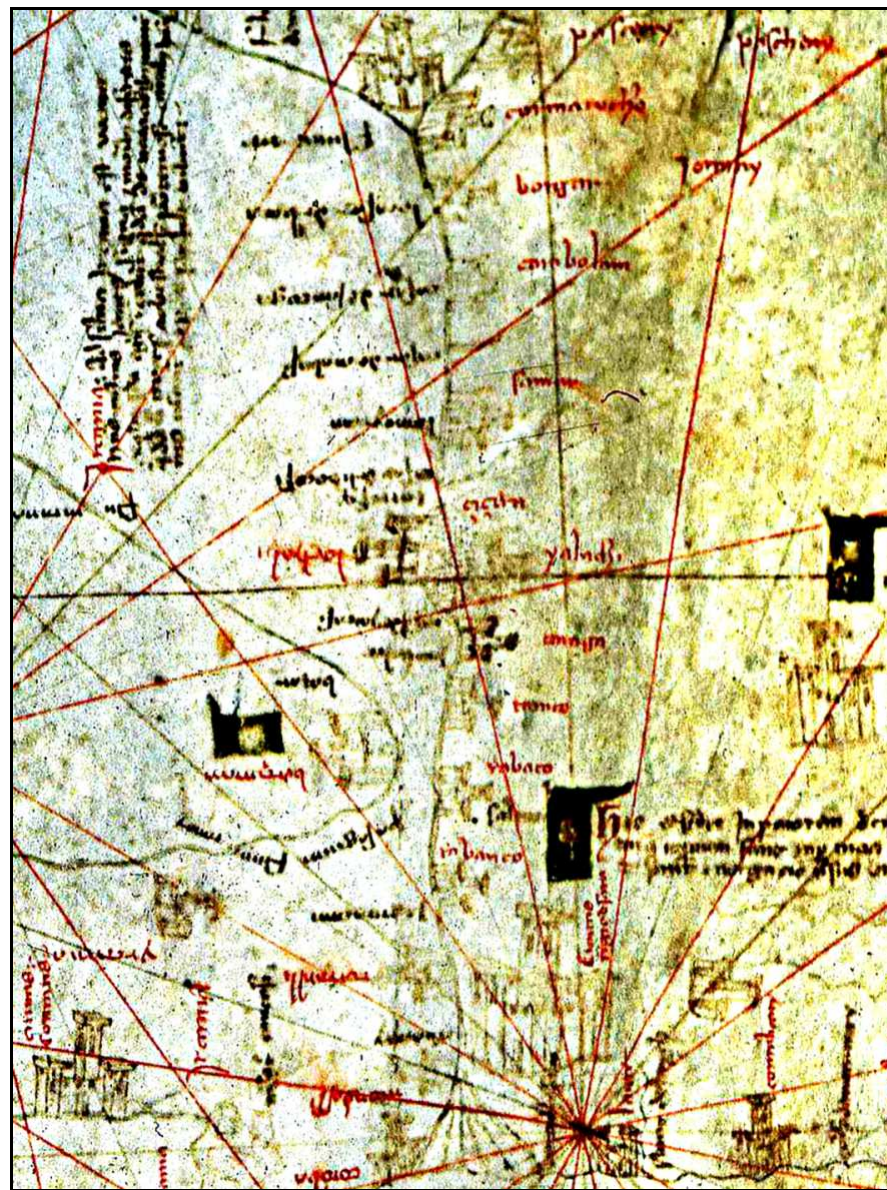

Рис. 38. Фрагмент карты Пиццигани с Понизовьем Волги и Дона

За Булгаром находится город **Караболам** с подписью напротив «*cafar de lancoga*». На более поздней карте А. Олеария 1636 г. руины названного им Синбирским городища показаны у Синбирской горы. С юга с этим Синбирским, оно же Крестово, городищем соседило прежде крупное, ныне исчезнувшее село Кайбелы, а в одной из грамот Симбирской провинции 1681 г отмечено: «*a есть-де в Синбирском уезде на луговой стороне ниже Красного Яру на речке на Кайбуле городище, по обе стороны Кайбулы речки до Волги реки*». В 1767 г. П.Рычков в своей Казанской истории писал: *сверх других городищ недалеко от Синбирска на луговой стороне Волги близ села, называемого Крестовым городищем, по уверению г. генерал-майора Брахвельта есть знаки бывших тут многих каменных строений, земляной вал и рвы поныне ещё видимы*» [Невоструев 1871, 32-33]. Пояснение к нему на правом берегу И. К. Фоменко предложил переводить как «*крепость, где производится сбор*» [Фоменко 2012, 12], переводя «*cafar*» как крепость или замок: «... к «*кас-ру*» (от араб. «*замок*»)» [там же], хотя есть сомнение в смешении арабских и латинских слов в кратких замечаниях, да и с замками в Золотой Орде были проблемы, ведь её правители считали оскорблением своего величия создание крепостных сооружений, утверждая, что замки – это удел слабых трусливых народов.

Ниже по течению показан город **Самар**, против которого на правом берегу надпись «*la mayran*» – от лат. болото, трясина. Так как Волга на этом участке впоследствии изменила русло, возможно, городище затоплено. И с севера, и с юга этот город на портулане окаймлён реками, где пояснения напротив их устьев

вновь начинаются со слова «*cafar*». Ф.К. Брун прочитал их как «*cafar de arabuh*» напротив обходящего Самар с севера и «*cafar de li bocof*» у обходящего его с юга потоков [Брун 1872, 11], что опять вызывает сомнения в трактовке этого термина И. К. Фоменко.

За городом Самар опять же на левом берегу реки, хотя и без знака города, стоит алая надпись «*çiçira*», копирующая надпись с карты А.Дульсера у массива островов на полпути от места слияния Волги с Камою до устья Волги (см. рис. 35). Пояснение к ней на противоположном берегу гласит «*lo tresch*» (с лат. - вот трещина?) Вероятно, так показано разветвление Волги на ряд её рукавов с многочисленными в этих местах островами. Не зря же Ф.К. Брун предложил читать слово *çiçira* как джазира, то есть с араб. – острова [там же, 12].

По обеим сторонам этого разветвления друг против друга у Пицигани тут два города, точь-в-точь как двумя веками ранее у ал-Идриси здесь тоже было два города. Но тогда это были Кукийана напротив Бургаса, а в XIV в. это уже **Лохахи** (*lochahi*) напротив **Яйлаки** (*yalahi*). Впрочем, сменились только названия. Башня ал-Хорезми, он же Куйаба ал-Истахри и Ибн Хаукаля, он же Укака М.Поло стал городом Лохахи, а Бургас с исчезновением бургасов стал Яйлаком, что на тюрки означало летнюю стоянку. Но, судя по отсутствию дополнительных подписей на карте, эти города по-прежнему были тогда хорошо известны и в пояснениях не нуждались. Это, в общем-то, не удивительно. Мощные каменные стены Укека даже в XVI в. англичане всё ещё будут считать прекрасным замком, да и левобережный Яйлак, судя по раскопкам СУАК на месте современного Квасников-

ского городища, тогда был богат, имел прекрасные, облицованные изразцами каменные сооружения [Духовников 1894, 203–207; Кротков, Шишкин 1910, 101–105].

Сразу же за островами и снова на левом берегу показан город **Тарага** (*taraga*) с пояснением напротив «*cafar de jar cafb*», где *de jar* с лат. можно перевести как из кувшина. Возможно, название связано с рекой Тарлык. Тем более, что наискосок от устья Тарлыка на правом берегу под горой Ахмат – неплохо изученное Мартышкино селище с его печами, с золотоордынским слоем до 1,5 м [Недашковский 2000, 122], с его знаменитым заливом, в «кувшин» без сквозного хода коего попал корабль Олеария. На р. Тарлыке в с. Тарлыковка был найден крупный клад серебряных з/о монет XIV в. Но с поднятием уровня водохранилища более чем на 10 м пойма ныне затоплена, и левобережное поселение, видимо, ушло под воду. К тому же его локализации мешает само название, так как реки Мухор Тарлык, Малый Тарлык и Большой Тарлык одна за другой впадали здесь в Волгу, и не ясно о какой речь.

Вслед за Тарага на левом берегу обозначен город **Таника** (*Tanica*) с пояснением «*jam bales*». Название можно было бы перевести с лат. как резервуар, с учетом пояснения ям балык как скопления рыбы, но так как предшествующие названия были местные, а пояснения на латыни, то более вероятно, что и это название тоже связано с именем реки, возможно, это Бережновское городище в устье реки Еруслан. Тем более, что раннее название реки П.С.Паллас, к примеру, записал, как **Ulustan** – р. Улустан [Pallas 1776, 575], от тан – река и улус – область, то есть река, разделявшая улусы. Раскопки

И.В.Синицына вскрыли тут крупную двухъярусную печь для обжига керамики. Им же зафиксирован ряд так и не исследованных построек [Синицын 1960, 107–110]. То есть этот ныне затопленный городок мог специализироваться на создании ёмкостей для хранения той рыбы.

Следующий город к югу, показанный на Великой Луке Дона, **Берджиман** (*berçiman*), традиционно именуется ныне как **Бельджамен**, так как был упомянут на реке ал-Атиль ещё Абу-ль-Фидою как деревня *Балджаман*. Лаконичное пояснение к нему «*bazar*» не требует перевода. Пищигани, видимо, изобразили его на Дону из-за дефицита места на исходном портулане Дульсера. Ещё в 1889 г. Н. А. Толмачев предложил отождествлять с ним знаменитое Водянское городище. Оно лежит на правом берегу Волги в трёх километрах выше г. Дубовки, изучалось ещё с XIX в. сначала членами СУАК, а ныне сотрудниками ВолГУ. Судя по результатам раскопок, Бельджамен был в XIV в. одним из развитых и благоустроенных городов. «*Кроме разнообразных жилых домов, здесь исследованы каменное здание мечети площадью 900 м², три мавзолея, баня с водопроводом и различные ремесленные комплексы. <...> Гибель города связана с походом Тимура 1395 года, что подтверждается археологическими раскопками: слоем пожарищ и скелетами защитников города, обнаруженными в развалинах домов*» [Егоров 1985, 69].

Напротив базара Бельджамена на левом берегу Волги лежит город **Кабак** (*kabaco*) с его вполне по-русски звучащим названием и с пояснением чуть ниже «*saline*», то есть с лат. соляной. Пояснение ясно указывает на находящиеся вблизи соляные озера. Крупней-

шее из них – озеро Эльтон. Добыча и переправа соли через Волгу способствовала не только расцвету Бельджамена на правом, но и города на левом берегу Волги, упомянутого уже в XVIII веке в знаменитом «Лексиконе» Афанасия Щекатова: «*В двух местах находятся остатки древних неизвестных городов: во-первых, против селения Дубовки, от Царицына в 50 верстах*» [Щекатов 1789, 89]. Увы, как и прочие, этот город ушёл под воду с созданием Волгоградского водохранилища, так как здесь уровень был поднят почти на 20 метров.

Ниже по течению на левом берегу – город **Рабанко** (*Ra banco*) с плохо читаемым пояснением на правом берегу, которое Ф.К.Брун прочёл как «*jagiracat*», решив по копии Джомарда, что это город [Брун 1872, 11]. По словам А.Щекатова, Рабанко стоял на левом берегу: «*от Царицына в 25 верстах, видны обширные остатки каменных строений, на 20 или более вёрст места занимающих*» [Щекатов 1789, 89]. Город, видимо, разделил судьбу других левобережных поселений, стоявших на низком левом берегу выше Волгоградской плотины.

А вот городу **Тортанллы** (*tortanlli*) на высоком правом берегу, который Ф. К. Брун отождествил с Мечетным городищем, относительно повезло. Его успели осмотреть академики П. С. Паллас [Паллас 1788, 204–205], И. П. Фальк [Фальк 1824, 127], член СУАК А. Н. Минх [Минх 1898–1900, 623], другие исследователи. Сегодня его территория вошла в состав г. Волгограда и вся застроена. Судя по описаниям Ф. В. Баллода 1923 г., он был похож на Бельджамен как по размерам, так и по кирпичным монументальным сооружениям [Баллод 1923, 34–35], и тоже был создан у переправы на левый

берег. О ней говорят нумизматические материалы с лежащего напротив острова Денежного, через который проходил путь в столицу Золотой Орды XIV в. – новый гигантский золотоордынский город, называемый тогда Новый Сарай, то есть Сарай ал-Джедид, центром которого сегодня считается Царёвское городище.

Город обозначен очень крупным условным знаком в виде четырёх башен, соединенных стеной, над которыми развевается флаг с джучидской тамгой. Алая подпись «*civitas regis de fāra*», то есть *город царя Сарай* подтверждает его столичный статус. О том же гласит скопированная с карты Дульсера подпись: «*В городе Сарай находится император Узбек; его империя ...*».

По данным В.Л.Егорова известно, «*что Сарай ал-Джедид был основан в XIV в. ханом Узбеком и существовал вплоть до 1395 г., когда он подвергся полному разрушению войсками Тимура. Ахмед ибн Мухаммед ибн Арабшах сообщает, что вся история существования города насчитывала 63 года, т. е. основание его относится к 1332 году. При этом известно, что сам Узбек был похоронен уже в Сарае ал-Джедид, т.е. к началу 40-х годов XIV века город, вероятно, стал уже достаточно развитым населенным пунктом. Однако перенесение сюда столицы государства и начало чеканки монет с обозначением места выпуска «Сарай ал-Джедид» состоялось уже при Джанибеке, в самом начале 40-х годов XIV в.*

<...> Как и все города Золотой Орды, новая столица не имела фортификационных сооружений, они появились только в связи с бурным развитием феодальных усабиц в 1360-х годах. Причём вал и ров окружили лишь центральные кварталы города, перерезав в разных мес-

тах улицы и даже усадебные участки. Площадь города, оказавшаяся в черте вала, составляет около двух квадратных километров; общая же его территория значительно превышает эту цифру [Егоров 1985, 71]. Ныне часть золотоордынской столицы находится под строениями г. Царёва. Причём стены ряда его зданий сложены из её древних квадратных плинф, с честью выдержавших почти семь веков активного использования.

Знак Сарая с его чёрным стягом на карте чрезмерно велик. Видимо, он объединил все стоявшие за Тортанлы на протоке Ахтубе левобережные городища (рис. 39). Но, возможно, не только из-за их многочисленности. Судя по алым названиям городов на правом берегу, путешественники здесь перебрались на правый берег, и имён левобережных городов, даже прежней столицы – Сарай ал-Махруса (Дворец богохранимый) у с.Селитренного, могли просто не знать, как до того они пропустили много золотоордынских населённых пунктов на правом берегу.

Ниже по течению у них г. **Мондасси** (*mondassli*). Возможно, это городище Енотаевское. По мнению В. Л. Егорова, оно лежит на правом берегу Волги меж Енотаевкой и Сероглазовкой Астраханской обл. у самой удобной в низовьях переправы от бывшего Замьянова городка к ранней столице Золотой Орды – Сарая ал-Махруса. Тут «ширина Волги не более ста сажень составляет... Место при Замьяновом городке за самое лучшее почитается, потому что, переехав Волгу, можно еще переправляться чрез имеющийся, на Яицкой степи к Волге лежащей проток, который так мелок, что Татарские арбы чрез оной удобно переезжать могут» [Гмелин 1806, 101–102]. Археологические исследования здесь автору не известны.

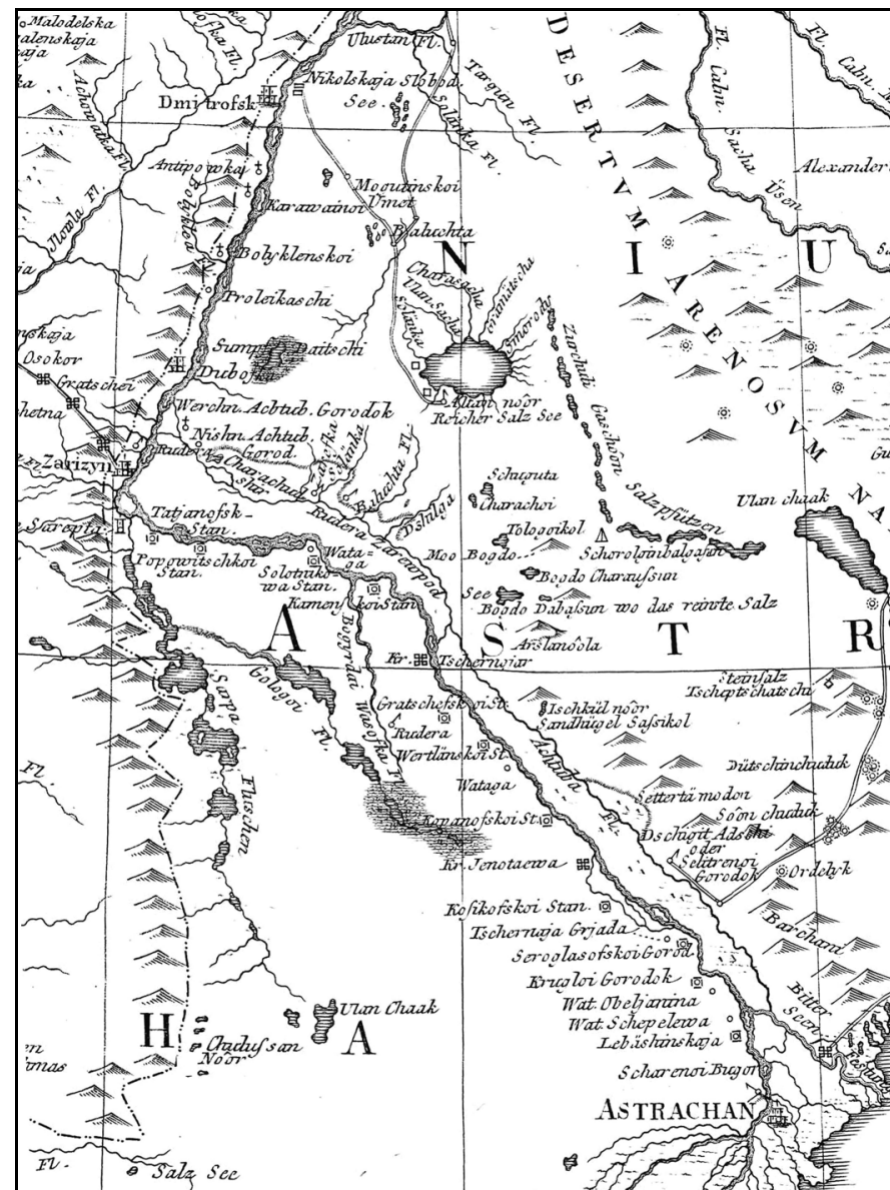

Рис. 39. Часть карты П.С.Палласа 1776 г., где Rudera и поникший флаг – руины

Последний город на Волге, показанный на карте уже в дельте на правом берегу у Каспийского моря – **Котоба** (*cot(r?)oba*). Вероятно, это крупный город Хаджитархан, ныне городище Шареный Бугор, занимавший, по мнению Л. Ф. Недашковского, площадь 11,5 x 6,5 км [Недашковский 2010] на правом берегу Волги, отмеченный знаком руин немного выше Астрахани на карте П. С. Палласа (см. рис. 39). Археологические исследования здесь идут с 1893 г. – раскопок А.А. Спицына. К настоящему времени абразия значительно сократила площадь городища. Впрочем, город заметно пострадал ещё в Средние века, начиная с разгрома его Тимуром зимою 1395/1396 г. Не зря, по словам И. Барбаро, он представлял собой «почти разрушенный городишко». Посетивший его во второй половине XV в. А. Контарини показал картину полного упадка города: «Город невелик и расположен на реке Волге; домов там мало, и они глинобитные, но город защищен низкой каменной стеной; видно, что совсем недавно в нем еще были каменные здания» [Барбаро и Контарини 1971, 157, 220].

Таким образом, по «взгляду очевидца» можно узнать маршрут следования по Нижней Волге авторов дополнений, нанесённых на топографическую основу карты Дульсера. К сожалению, он не заходил на земли Руси, причём не только западной, но, судя по ошибке в названии Укека, и восточной. Потому узнать по карте Пицигани границы страны, подписанной алыми буквами по северу Восточной Европы как *Roffia*, а также *Roxia*, невозможно. Не видели они России. А цветные стяги над Москвою, Ярославлем, Рязанью на карте 1367 г это, видимо, лишь устные, полученные со слов ордынцев данные.

То же самое можно сказать и о маршрутах по землям Золотой Орды знаменитого путешественника первой половины XIV в. Ибн Баттуты. Он лишь мельком упомянул горы русских, рассказывая о своём пути в Константинополь через город Укак, когда он сопровождал беременную Баялунь, третью жену хана Узбека на родину: «Мы направились к городу Укаку – через у и ка – городу средней величины, но красивой постройки, с обильными благами и сильной стужей. Между ним и между Сараем, столицей султана, 10 дней пути, а на один день пути от этого города горы Русских. Последние – христиане, красноволосяе, голубоглазые, безобразной наружности, народ плутовской. У них серебряные рудники и из страны их привозятся саумы – т. е. серебряные слитки, на которые продается и покупается в этом крае. Вес такой саумы пять унций. Через десять дней мы из этого города прибыли в город Сурдак, имя которого пишется через су, р, да и к. Это один из городов Кипчацкой степи, на берегу моря. Гавань его одна из самых больших и лучших гаваней. Возле него сады и воды» [Тизенгаузен 1884, 302–303].

Давно, казалось бы, позабытые серебряные рудники, о которых писал ещё ал-Мас’уди, Ибн Баттута показал в горах русских всего лишь в дне пути от города Укак. Впрочем, это был уж точно не Укек на Волге, а Укак в Приазовье. О том ясно говорят интервалы маршрута ханши Баялунь на пути в Константинополь: от г. Хаджитархана до г. Укак – 10 дней; оттуда до г. Сурдак – 10 дней; оттуда до г. Баба Салтук – 0 дней (видимо, был на другом берегу в устье впадавшей в море крупной реки;

оттуда по степи до Махтули (Мангалия?) – 18 дней;
 оттуда до входа в пролив Босфор – 16 дней;
 оттуда до Константинополя – 6 дней.

Ведь длина пути Укек – Сурдак это более 1100 км напрямик, которые никак не вписываются в 10 дней пути беременной Баялунь. К тому же, по словам Ибн Баттуты, караван шёл лишь утром и вечером, и в нём было 200 верблюдов и до 300 волов, а те не отличались высокой скоростью. Да и серебряные рудники русских, как мы помним, на расстоянии дня пути – это полиметаллические месторождения Нагольного Кряжа, вблизи от которых на Азовском море в XIV в. действительно был город почти с тем же названием, что и на Волге (рис. 40).

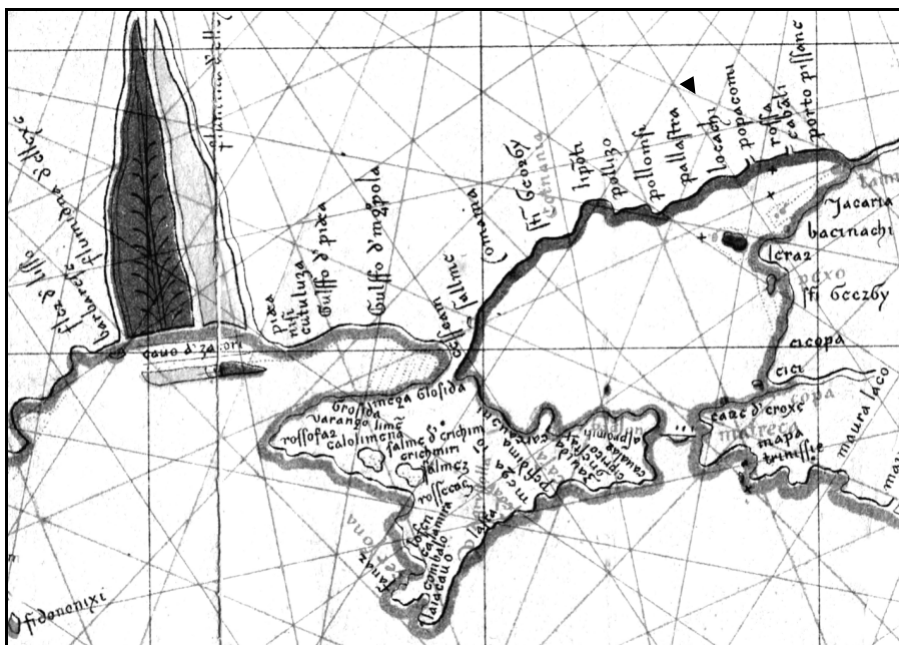

Рис. 40. Азовский Locachi (Укак) на портулане П.Весконте 1318 г.

Таким образом, получается, что Укак Ибн Баттуты и древний волжский Укек действительно были разными городами. На этот факт ещё в XIX столетии указывали В. И. Ламанский [Ламанский 1859, 80] и Ф. К. Брун [Брун 1879, 129, 130, 212; 1880, 277, 278]. Но этот факт означает, что Ибн-Баттута ещё застал восточную Русь с её рыжим плутовским народом всего в дне пути, то есть не более чем в 60 км, к северу от Азовского моря.

Торговый путь по ней, начиная от прежнего стольного града Русского каганата на Волге, называемого тогда Укек, и до Чёрного моря всё ещё упоминался в географических трудах той эпохи, хотя и косвенно. Не зря же Укек входил в улус Кирым: «Округ четвёртый – Крым (ал-Кирым). <...> Его столица — Солхат (Сулгат). <...> Его местоположение в седьмом климате из семи. Там говорится: а координаты его таковы: долгота – 57° 10', а широта – 50°. Там говорится от моря в половине дневного перехода, и он от Азова (ал-Азак) на северо-западе. И в земле Сарайской есть города, приписываемые к нему. Среди них Укек (ал-Укак). Говорится в "Таквим ал-булдан": с даммой "хамзы", фатхой первого "кафа", потом "каф" второй. Он – поселение из поселений земли Сарайской. Его местоположение в седьмом климате из семи. Говорится в "Таквим ал-булдан": его координаты: долгота – 78°, а широта – 47°55'. Он на берегу реки Итиль, с западной стороны, между Сараем и Буларом, приблизительно на полдороге между ними. И он от каждого из них на расстоянии примерно 15 дневных переходов» [Григорьев, Фролова 2002, 286, выделено С.Б.].

Но и труд Ибн Баттуты, и «Таквим ал-булдан» Абуль-Фиды созданы ещё в первой половине XIV в. Впереди были страшная чума и Великая Замятня, походы Мамаю

и прочие проблемы второй половины этого беспокойного столетия. И когда вниз по Дону в Царьград весной 1389 г. отправился Игнатий Смольнянин, здесь он увидел лишь пустынные берега: «В неделю Фомину проводили с нами три струга и один насад на колесах, в четверг спустили их на Дон, а на второй день доплыли до Чур Михайловых (так называется место, где когда-то город был). Здесь дали нам утешительное наставление, простились, жалостно и с умилением проводили нас и возвратились восвояси. В неделю же святых жемироносиц вошли все с митрополитом на корабли и пошли рекою Доном, грустя и скорбя о путешествии.

Места были очень пустынные, не было видно ни села, ни человека, только звери лоси, медведи и другие звери. Во второй день речного плавания минули две реки, Мечу и Сосну, в третий же день – Острую Луку, в четвертый – Кривой Бор. В шестой день добрались до устья Воронежа. Утром в день памяти святого Николая приехал к нам князь Юрий Елецкий с боярами и со многими людьми и доставил нам радость великую. Оттуда приехали к Тихой Сосне, видели столпы каменные белые, красиво стоят в ряд, как стога малые, над рекою над Сосною. Минули Червлёный Яр: Битюк и Похор.

В неделю Самарянину минули реку Медведицу, горы высокие и Белый Яр; в понедельник – горы каменные красивые, во вторник – Теркли, городище и перевоз. Здесь впервые встретили татар. В среду минули Великую Луку и Сарыхочзин улус. Здесь нас охватил страх, так как вступили в землю народа измайльского. В четверг минули Бекбулатов улус, в пятницу Червлёные горы, в воскресенье минули Акбусин улус. В понедельник прошли

Бузун-реку, в канун Вознесения добрались до моря» [Прокофьев 1978, 136–145].

Хождение Игнатия Смольнянина показало запустение русских земель на Дону ещё до Тимура: Чуры Михайловы – «место, где когда-то город был», «столпы каменные белые» – башни Маяцкой крепости в устье Тихой Сосны, «Теркли, городище и перевоз» – крепость Саркел, уже ставшая городищем, где он впервые встретил татар, и лишь отсюда начинается перечисление татарских улусов.

Новый облик в XIV в. был не только у восточных русских земель, но и у западных. Здесь долгое время разделённую на отдельные княжества Польшу в начале этого века стал собирать Владислав IV, подчинивший своей власти большую часть польских удельных князей. Его сын Казимир, прозванный позднее Великим, присоединил к своим владениям русские Галич и Холм.

В Литве в 1316 г. пришёл к власти князь Гедимин, правивший до 1341 г. «Этот замечательный по своему необыкновенно ясному уму, настойчивости, хитрости и дальновидности князь был истинным основателем могущества своего государства. Оказывая явное покровительство и предпочтение всему Русскому, он искусно объединил под свою власть многие южные и западные Русские Земли, разоренные и ослабленные Татарами: Волынь и Киевская область, а также владения Минские, Туровские и Пинские – принадлежали уже Гедимину к концу его жизни; поэтому, будучи великим Князем Литовским, он стал носить в то же время и наименование великого князя Русского, так как Русские области по своей величине, по крайней мере, вдвое превосходили его Литовские владения [Нечволодов 1913, 386].

Не зря и сам Гедемин, и его сыновья были женаты на русских княжнах. После его смерти Великое княжество Литовское (ВКЛ), казалось бы, должно было рассыпаться на части – земли его брата и семи сыновей, но опасность со стороны захвата страны Тевтонским орденом позволила выдвинуться из их среды двум самым талантливым: Ольгерду и Кейстуту. Братья заключили договор. По нему все должны были повиноваться Ольгерду как великому князю. Кейстут взял на себя оборону от непрерывных нападений крестоносцев западных земель ВКЛ, Ольгерд – земель восточных, где ему пришлось сражаться с Золотой Ордой. Ведь под свою руку он желал взять практически всю Правобережную Украину.

В 1355 г. он присоединил к своим землям Брянское княжество. В 1362 г. в битве на Синих Водах, притоке Южного Буга, он разбил сразу три золотоордынских отряда под предводительством Кутлуг-бути, Хаджибека и павшего в том бою князя Димитрия из крымского княжества Феодоро. После этой его блистательной победы в состав ВКЛ вошли Подолия и прилегающие к ней земли Правобережья Днепра по Киев включительно.

Земли прежней Руси буквально на глазах стремительно сокращались. Из-за соперничества Тверского и Московского княжеств тесть Ольгерда, тверской князь Михаил Александрович, неоднократно просил поддержки у своего зятя, и трижды в 1368, 1370 и 1372 гг. тот ходил на Москву, хотя взять город так и не смог.

После смерти Ольгерда в 1377 г. в стране началась усобица. Престол ВКЛ захватил его сын от второго брака Ягайло. Андрей, сын от первого брака, поднял мятеж и бежал за поддержкой в Москву. Он был ласково принят

в Москве и направлен отвоевывать у ВКЛ новгород-северские земли, ранее завоёванные его отцом. Ягайло же в борьбе против Андрея обратился за помощью к крестоносцам, обещая взамен принять католичество. В 1380 г. в тайне от своего дяди Кейстута в 1380 г. между Орденом и Ягайло был заключен мирный договор. Обеспечив себе надежный тыл, Ягайло двинул войска на помощь Мамаю против Дмитрия Донского, но на Куликовскую битву припоздал. Татары его союзника Мамаю, активно боровшегося за власть в Золотой Орде, уже потерпели там сокрушительное поражение.

Тем временем Кейстут, узнав о заключенном против него тайном створе, в 1381 г. занял Вильнюс, изгнав Ягайло в Витебск. Несколько месяцев спустя, воспользовавшись отсутствием там опытного Кейстута, Ягайло вместе с братом Скиргайло Вильнюс себе вернул. Кейстут с его сыном Витовтом был приглашён ими на переговоры, где старый воин был схвачен и вероломно убит, но Витовту удалось бежать и укрыться у крестоносцев.

Ягайло стал править один. В 1385 г. им в Кревском (Краковском) замке между ВКЛ и Польским королевством был заключён династический союз «Кревская уния». По ней в следующем году Ягайло принял крещение по католическому обряду и обязался окрестить народы своей страны. Он получил имя Владислава, женился на тринадцатилетней польской королеве Ядвиге и стал королём Польши – основателем династии Ягеллонов, правившей свыше двухсот лет обеими странами. Ну а Витовт, в 1392 г. заключив договор с двоюродным братом, стал фактическим правителем Литвы. Под их давлением Великое княжество Литовское, раскинувшееся тогда от

Балтики до Южного Буга вдоль реального литовского пути «из варяг в греки» по Западной Двине - Даугаве в Днепр, быть может тогда и попавшего в переписываемые там летописные своды, стало принимать католичество.

На востоке же от русских земель после разгрома темника Мамай и его гибели в 1380 г. к власти в Золотой Орде пришёл хан Тохтамыш, наконец-то овладевший столицей Орды Сараем. Но он не обладал чувством благодарности. Уже в 1382 г. Тохтамыш сжёг Москву, а в конце 1385 г. он во главе своих тумэнов двинулся через Дербент на юг Прикаспия, где разграбил Тебриз, важный город на торговом пути из Самарканда – столицы державы Тимура. Так он «отблагодарил» верховного эмира Турана за то, что Тимур много раз спасал его, давал ему армию за армией в борьбе за престол в Сарае и укрывал после поражений, фактически усадив Тохтамыша на трон Золотой Орды в надежде получить в его лице верного союзника.

Тимур понял свою ошибку. Он ответил завоеванием Закавказья. Но неплохо изучивший земли Тимура во время пребывания там Тохтамыш в 1388 г. внезапно нанёс удар в самое сердце владений правителя Мавераннахра: золотоордынские войска вошли в его земли и осадили древнюю Бухару. Непрерывные боевые действия обеих сторон, казалось бы, должна была завершить победа Тимура летом 1391 г. на реке Кондур(з)че в центре болгарских владений Тохтамыша. В этом сражении золотоордынцы были разбиты полностью, но Тохтамышу снова удалось счастливо сбежать с поля боя.

В 1394 г. Тимур узнал, что неугомонный Тохтамыш собрал новую армию, заключил союз против него с Егип-

том и отправил войска на Кавказ к границам империи Тимура. Генеральная их битва произошла на реке Терек в апреле 1395 г. Смертельная схватка двух великих держав затянулась. Удача не раз переходила из рук в руки, но полководческий талант Тимура, в конце концов, победил. А вот захватить научившегося ловко ускользать при поражениях Тохтамыша ему вновь не удалось. И началась великая погоня повелителя за повелителем.

Единственный летописец, создавший «Книгу побед» великого полководца ещё при жизни самого Тимура, Низам ад-Дин Шами, как наиболее достоверный источник, так описывал далее его путь: *«отправился в погоню за Токтамышем, перешел через переправу Идила, которую тюрки называют Туратур, и вслед за врагами дошёл до области Укек. По пути он перебил множество врагов и прижал вражеский иль к морю. С этой стороны были блестящие мечи, с той безбрежное море, а враги пойманы между двух бед. Большую часть области врагов взяли, а некоторые, боясь мечей, бросились в воду. Токтамыш-хан с небольшим числом людей бежал, вошел в лес и спасся из их когтей»* [Тизенгаузен 1941, 121]. То есть Токтамыш вначале бежал на Идиль – Волгу, но Тимур перерезал ему путь к столице, прижал к морю.

Значит, речь здесь явно не о «саратовском» **Укеке**, а об области **учугов**, рыболовецких плотин в дельте Волги у Каспийского моря, ведь рядом «безбрежное море» было. Области лишь имели схожие в написании названия. Тизенгаузен в переводе вновь ошибся, давая название с заглавной буквы. К тому же исследования городища Укек показали тут отсутствие следов сражений или грабежа. Под Саратовом было найдено очень много ценностей:

«кроме пронизок (бус – С.Б.) встречаются тут «глазки» (прозрачные граненые камни), браслетки бронзовые, серебряные и бронзовые кольца, серебряные подвески и серьги, и, наконец, золотые перстни с камнями» [Минх 1881, 230], а «монеты попадаются здесь и отдельными экземплярами, и целыми кладами от 100 и более штук, и на горах, и на берегу Волги» [там же, 228]. Так что речь о захвате и разграблении города войсками Тимура выглядит странно. Да и антропологические материалы в большинстве своём здесь без травм. Это также противоречит гибели в бою людей и города в нашествии 1395 г., как бы позднее не фантазировали, расцветивая деяния великого предка, придворные летописцы Тимуридов.

То есть тогда Тимур вверх по Волге не пошёл. Как показал его путь далее ал-Шаами, из дельты Волги он, догоняя Тохтамыша, двинулся к берегам Днепра, прямо на Киев: «Преследуя правое крыло войска врагов в сторону реки Узи, Тимур снова повел в войско набег (илгар) и, дойдя до реки Манкермен в стороне реки Узи, разграбил область Бек-ярык и все хозяйство их, кроме немногих, которые спаслись» [Тизенгаузен 1941, 121].

Ведь река Узи, она же Аззу, согласно географии Абуль-Фиды, это Днепр, Манкерман по версии «Сокровенного сказания монголов» – это Киев, а река, впадающая напротив него в Днепр – это современная река Десна. И если Киев в то время уже принадлежал ВКЛ, то левобережье Днепра между ним и Доном пока входило в состав земель Золотой Орды. А значит, Тимур разграбил область Бек-ярыка, продвигаясь на восток к Дону, вероятно, вдоль по всё той же Десне и её притоку Сейму точно так, как к Киеву его вывел Северский Донец (рис. 41).

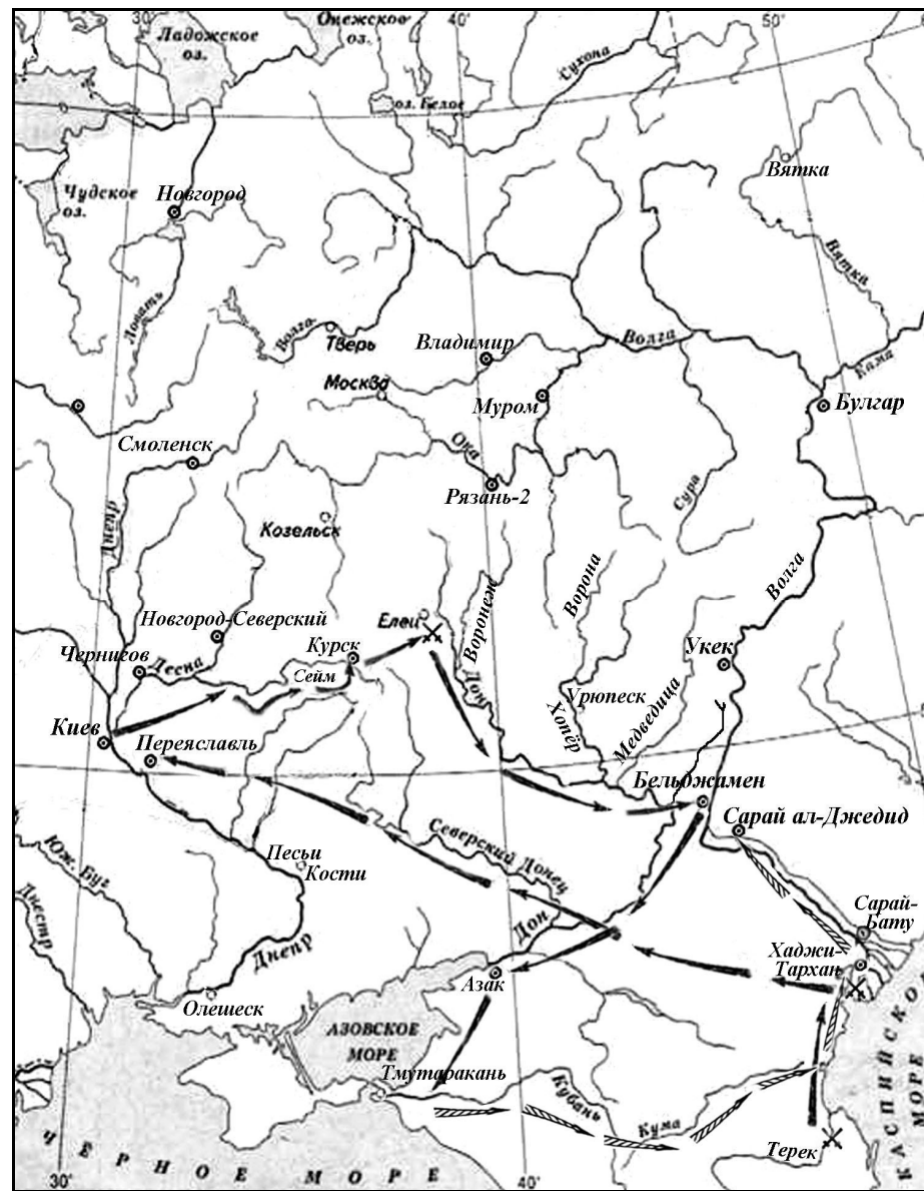

Рис. 41. Схема пути Тимура в 1395 г. по данным Низам ад-Дина Шами

Ведь, как пишет далее Низам ад-Дин Шами: «*Повернув обратно от реки Узи, войско, которому повинуется мир, достигло Бек-Ярыка и, прижав к реке Тан, стеснило и обессилело его. Тогда Бек-Ярык, взяв своего сына и уйдя из их окружения, бежал и поневоле оставил семью и детей в когтях беды. Победоносное войско, дойдя до города урусов по имени Карасу, разграбило его со всей областью*» [там же]. Где становится крайне интересно, какой русский город был назван им городом Карасу после битвы с Бек-Ярыком на реке Тан, то есть на Дону?

На пути от устья Десны у Киева к Дону есть лишь один созвучный русский город, у коего была своя область. Это Курск у реки Сейм, главного притока всё той же Десны – реки Манкерман (см. рис. 41). И хотя Шами указал его разграбление уже после схватки на Дону, но так как точный маршрут Тимура не известен и не ясно, Дон или Северский Донец был назван им рекой Тан, то это наиболее реальный претендент на роль Карасу, ведь главными указателями пути в Средние века были реки.

Далее «*Тимур направился к городу урусов по имени Харгау и, сделав набег на все те области, разграбил <...> Тимур снова взял центр (кул) войска и, уведя с собой оттуда проводника (качарчи), выступил, направляясь к Бальджиману. Мирза Мираншах, сделав набег на врагов, вернулся со стороны Азака. Тимур, дойдя до крепости Азак, взял всю ту область и сжег их дома. Выделив мусульман тех областей, он отпустил их, а неверных тех областей всех предал смерти. Он выступил оттуда, а от Азака до Кубани – это область черкесов – луга, которые были по дороге, все они сожгли. Войско, которому повинуется мир, подошло и увидело, что корм сожгли. Из-*

за отсутствия корма оно перенесло много страданий и с трудом перешло через реки, топи и болота. После этих трудностей и тягостей в продолжение 8 дней они дошли до Кубани и несколько дней простояли там» [там же, где загадочный г. Харгау Тизенгаузен в переводе исправил на Маскау, указав это в сноске 4 на с.121 – С.Б.]. Был ли этот Харгав городом Коршов из «Списка градам русским» на той же реке Сосне, что и Елец, под коим, согласно русским летописям, Тимур застрял на две недели, неясно.

Ясно лишь, что на Москву Тимур не пошёл. От Ельца он развернул войска в южном направлении и, разгромив Бельджамен на Волге, ушёл на Азов, Кубань и далее, воюя на Кавказе с черкесами, через земли Бештага (Пятигорска) дошёл до области Бугаз-кум, видимо, в устье реки Кумы (бугаз с тюрки – горло), где зазимовал. Здесь, на Каспии, его войска попали в сложное положение. Заканчивалось продовольствие. А «*на островах были области, которые, сделав воду завесой и крепостной стеной, отсиживались; их называли “рыбаки”*». Отправив войска в набег, он приказал, чтобы оно напало на них. Согласно приказу оно прошло по льду и всех подвергло разгрому и грабежу. Тимур, выбрав войска и отправляясь в набег, выступил и правильными решениями и верными распоряжениями завладел **Хаджи-тарханом и Сараем**. Все постройки Сарая он разрушил и сравнял с землей. <...> Он приказал, чтобы добычу и имущество, которые были взяты при завоевании той страны, представляли ему, все приказал раздать эмирам и войску» [там же, 123, выделено С.Б.].

Судя по данным археологии, после Хаджи-Тархана у совр. Астрахани он разрушил Сарай ал-Джедид (Новый

Сарай) у Волгограда, тогда как первая столица существовала ещё в XV столетии. И сегодня в полях у г. Царёва можно видеть раздробленные человеческие кости и разбитые плинфы, а вся земля изрыта чёрными копателями в поисках монет, верхняя граница чекана коих – конец XIV в. Зачем было совершать этот зимний марш-бросок на север, когда вблизи от Хаджи-Тархана была прежняя столица, не ясно. То ли Тимур надеялся найти там помимо продовольствия ещё и Тохтамыша, то ли всё население первой столицы, не имевшей стен и полностью беззащитной, бежало от Тимура во вторую в надежде на защиту тех 250 км зимнего пути между ними да на её валы и рвы. Те были созданы в Сарае ал-Джедид ещё во время Замятни, когда власть без конца переходила там из рук в руки, но они ничем не помогли против профессиональных воинов Тимура.

С разгромом столицы у Золотой Орды словно вырвали сердце. Тохтамыш укрывался в Великом княжестве Литовском. Орда рассыпалась на части. Её поражение было полным. Ещё зимую на Куме, Тимур мог видеть, как русичи довершали разгром Орды: *«Тое же осени... и слышав измену татарскую князь велики Василия Дмитриевич посла брата своего князя Юрья со всеми князи, и быша тамо три месяцы и поплениша землю татарскую, взяша град Болгары, Жюкотин, Казань и Керемenchуюк и иных много градов, а нигде не было им сопротивления»* [ПСРЛ Т. 22. 1911, 423]. И весной 1396 г. Тимур триумфально развернул войска домой.

На диво слаженные действия войск Василия I и Тимура, громивших Золотую Орду зимой 1395/96 г. одновременно с севера и с юга, наводят на мысль об их

возможном согласовании. Невольно возникает предположение, а не нашёл ли Тимур в лице Василия I того, кого тщетно пытался обрести в лице Тохтамыша, – властелина северных земель, не посягающего на тылы империи Тимура во время его дальних южных экспедиций, к примеру, последующего Индийского похода? Двух недель под Ельцом вполне достаточно было на переговоры.

Но возможно потому, что договор с Тимуром откровенно портил красивую легенду о чуде спасения Москвы с переносом туда иконы Владимирской божьей матери, в поздних сводах дата похода Юрия на Каму была сдвинута на 6907 год. Так, например, в Московском летописном своде она исправлена с 6903 на 6907 г. в сноске [ПСРЛ Т. 25. 1949, 225-226] и показана уже в тексте в созданной не ранее 1471 г. Ермолинской летописи [ПСРЛ Т. 23. 1910, 137]. Тогда как в созданных до них, не знавших той легенды летописях: Софийской I и IV Новгородской указан именно 6903 (1395) год [ПСРЛ Т. 6. Вып. 1. 2000, стб. 513; Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. 1925, 380].

Хотя митрополит всея Руси Киприан, возможно, сам сложивший эту легенду, напрасно пытался прикрыть ею дипломатические ходы Москвы. Ведь на раздел сфер влияния указывали не только военные действия, но также и дипломатические документы. К ним можно отнести приведённый в летописях Список стран, пленённых Темир Аксаком [ПСРЛ Т. 23. 1910, 134], и дополнивший его Список градам *«всем руским далним и ближним»* [Новгородская I 1950, 475-477; Ермолинская 1910, 163-164; Воскресенская 1856, 240-241 и т.д.]. Причём академик Б. А. Рыбаков доказал, что этот список, первая известная нам общегосударственная опись русских городов, тоже

был создан в 1395 г. [Рыбаков 1974, 14]. В том длинном Списке, начинавшемся со слов: «*А се имена всем градом рускым, далним и ближним*», велось перечисление всех городов, знавших русскую речь, по землям болгарским, волошским, подольским, киевским, волынским, литовским, смоленским, рязанским, залесским. Позднее в Воскресенской летописи их дополнили ещё и тверские земли.

Составителем документа, вероятно, был митрополит Киприан (ок. 1330-1406). Не зря же Список начинался с городов на Дунае, а Киприан был родом из Тырново – столицы Второго Болгарского царства. Ещё в юности он попал в Константинополь, где сблизился с константинопольским патриархом и где мог ознакомиться с традициями византийской географической школы. И когда в 1389 г. он был окончательно поставлен митрополитом «Киевским и всея Руси», знакомство с основами картографии могло пригодиться ему в создании общерусского списка земель противоборствующих тогда княжеств Москвы, Литвы, Галича, Твери и прочих.

Размах описания земель в этом Списке более чем впечатляет. Названия градов русских раскинулись с востока на запад от берегов реки Вятки и её соимённого города (ныне г. Киров) до Берестья (г. Брест) на Западном Буге и Видычева (г. Видин) на Дунае, а с севера на юг от Колмогор (пос. Холмогоры) у Белого моря на Северной Двине до Тмутаракани (ст. Тамань) и Карны (г. Варны) на Чёрном море.

Но при всей кажущейся полноте этого Списка, в нём бросается в глаза отсутствие центра Елецкого княжества – г. Ельца, взятого с боем самим Тимуром, и под коим он явно не зря простоял тогда две недели, прежде чем по-

вернуть свои войска к югу. Не произошедший ли тогда раздел сфер влияния положил начало русской картографии? В противном случае очень сложно объяснить, почему все последующие генеральные Чертежи Руси имели временную связь с глобальными переменами в жизни государства, а первый генеральный Список градов русских этих связей не знает.

Так, Чертеж 1497 г. со схемой нового административного деления был создан в момент апогея государственной деятельности Ивана III, одновременно с Судебником 1497 г., созданием нового герба и чина коронации, фактически закрепив на бумаге его заново отстроенное государство. Чертеж 1523 г., созданный к переговорам Василия III с Сигизмундом I, «*стремился отразить, прежде всего, те огромные приобретения, которые сделала держава за 25 лет*» [там же, 67], и был использован в посольстве к папе Клименту VII в 1525 г., показав в Европе результаты эпохи Василия III. Тогда как желание обрести Русскую картографию, начать «*систематизацию географических материалов как по всем русским землям, так и по соседним государствам Европы и Ближнего Востока*» [там же, 109] произошло как бы спонтанно, но почему-то именно в 1395 г.

Судя по отсутствию в этом Списке известных русских земель: угличских, тверских, крымских и др., он составлялся спешно, но в результате всё же показал великую державу, вполне достойного союзника великому завоевателю мира. При этом нельзя не отметить, что города перечислены так, будто составитель очень постарался запутать своих возможных оппонентов. Объединив 358 перечисленных в нём объектов, включая крепости, в

девять областей, он как мог максимально растянул эти области, введя в их состав те самые «дальние города», удалённые от основных массивов на тысячи километров. И как ни пытался их позднее определить академик М. Н. Тихомиров [Тихомиров 1979, 83-137, 357-361], многие и по сей день либо вовсе не обрели топографической привязки, либо имеют дискуссионные координаты.

Проблему создал принцип, по которому города были названы русскими: «*в основу определения того, что считать русскими городами, был положен принцип языка*» [там же, 88]. Ведь мнения учёных XVIII-XX вв. о том, где говорили, а где нет на русском, заметно расходились, влияя на локализацию русских градов, особенно на востоке Руси, землями коей традиционно одаривались то хазары, то половцы, а с приходом Орды ещё и татары.

Хотя путешествие Игнатия Смольнянина ясно показало, что «*земли народа измаильского*» даже в конце XIV столетия начинались по Дону лишь ниже городища Саркела. О том же свидетельствует долгий спор о границах епархий меж сарайским и рязанским епископами. В него даже пришлось вмешаться митрополиту Феогносту (умер в 1353 г.), считавшего Червлёный Яр землями рязанскими по устью Хопра. О том говорят грамоты митрополита Феогноста «*на Червлёный Яр о принадлежности тамошнего края к рязанской епархии*» [РИБ. Т.6. 1908, стб. 163-164], и митрополита Алексия, подтвердившего решение Феогноста «*о том же переделе, по Великой Ворону, возле Хопор, до Дону, по караулом, церкви, как то пишут грамоты брата моего Максима митрополита, и Петра, и Феогноста*» [там же, стб. 171-172, выделено С.Б., причём святитель Максим умер ещё в 1305 г.].

То есть следует учитывать, что земли русские, по мнению составителя Списка, простирались тогда намного шире, чем сегодня их принято показывать в школьных учебниках. И если принять во внимание предположение о Списке как об одном из документов переговоров, то благодаря этой генеральной переписи русских градов обезличенные пока города Олешеск, Муравин, Самара, Песьи Кости, Ворона, Урюпеск, Сал, Тмутаракань вновь обретают и своё истинное значение, и своё место на карте (см. рис. 41).

Ведь Олешеск это, видимо, один из важнейших населённых пунктов в устье Днепра, легендарное русское Олешье, попавший не только в первые русские летописи, но также в трактат ал-Идриси. С ним не зря соседят города Самара на одноименной реке, впадающей в Днепр в его низовьях, и город Муравин, вероятно давший название Муравскому шляху – древнему историческому пути из Москвы в Крым точно так, как позднее город Изюм дал наименование шляху Изюмскому. Невдалеке от них был городок с колоритным названием Песьи Кости на реке Арели, упоминаемый полтора века спустя в описании сторож в книге «О сторожевой, станичной и полевой службе...» [Беляев 1846, 26].

Эти города на юго-востоке киевских земель дополняют названные рязанскими города Донского бассейна: «*в верх Дону Дубок, Корнике, Урюписк*» (ныне город Урюпинск: в низовьях реки Хопёр), и вновь киевские Сал (возможно, древний Салав вблизи реки Сал) и Тмутаракань на проливе между Азовским и Чёрным морями.

Впрочем, Тимура вряд ли могло тогда интересовать множество мелких городков со сложными для повелите-

ля Турана названиями, после того как он сделал всё, что мог для уничтожения северной ветви Великого шёлкового пути. Не это ли обстоятельство позволило дополнить Список русских градов не только «киевской» Тмутараканью, известной в землях Тимура тогда лишь как Матрига или Матраха, но даже «Ерусалим» среди литовских городов укрыть [ПСРЛ. Т.3. 1950, 475-476].

Хотя великого завоевателя мира трудно счесть наивным. Но ему, возможно, было выгодно заронить семена будущих раздоров, переключив внимание следующих повелителей Орды с его земель на востоке на борьбу за прежние их владения на юго-западе. И действительно, как показали дальнейшие события, следующая крупная битва между Тохтамышем и его союзником Витовтом с одной стороны и Темир-Кутлугом, новым властителем Сарая с другой, произошла в 1399 г. недалеко от современной Полтавы на реке Ворскле, одном из левобережных притоков в нижнем течении Днепра.

Таким образом, рассматривая события XIV в. можно видеть, что очень недолго, лишь при правлении хана Узбека, земли Орды заходили на земли Руси западной. Не случайно именно за ней закрепилось наименование Руси в первых научных трактатах по истории России. Хотя на древней восточной Руси, пусть не вся, а часть её земель всё же смогла отстоять тогда свою самоидентичность. И обрезать казацкие земли того же Червлёного Яра, даря их Орде лишь потому, что в следующем столетии в борьбе между Москвою и Рязанью юг рязанских земель так и не признает главенства Москвы, предпочтёт вольную волю, это историческая ошибка. Достаточно взглянуть на европейские карты следующего XV века.

XV век: *воскрешение Руси*

Активизация мировой торговли в предыдущем столетии привела к массовому созданию самых разных карт: портуланов, так называемых карт мира - «маппа мунди» и их гибридов. Объединение портуланов с «маппа мунди» добавило в облик карт мира реалистичности портуланов, тогда как карты мира одарили портуланы более широким спектром представленной информации.

Уже на венецианском портулане братьев Пицигани были видны пространные комментарии (см. рис. 36, 38). Тогда как на карте мира венецианца фра Мауро, составленной им около 1450 г. для Серениссимы, то есть для Наисветлейшей (титул Венеции в Средние века), а копия для португальского короля Альфонсо V, уже почти всё свободное пространство было занято обширнейшей легендой, с описанием задач, условных обозначений, стран... Именно с этой уникальной карты начинается отсчёт развития современной европейской картографии, и именно на этой карте показаны произошедшие изменения геополитической ситуации в мире, в том числе обновлённый облик Восточной Европы.

Фра Мауро (1385?-1460) был монахом ордена камальдулов, подвизавшийся в монастыре св. Михаила на острове Мурано, центре духовного и культурного обновления Венецианской республики. О нём мало что

известно. Судя по имени, где фра, то есть брат, употреблялось перед именем любого католического монаха, а маврами в средневековой Европе называли мусульман Пиренейского полуострова и Северной Африки, он имел какое-то отношение к исламскому миру и мог лучше прочих знать его точную географию. Не зря фра Мауро прославился как изготовитель очень надёжных карт.

Эта карта была создана им на закате дней как теоретический обобщающий труд. На ней значительную часть Восточной Европы занимало очень обширная страна с уже знакомым названием Россия (рис. 42, 43).

Рис. 42. Общий вид карты фра Мауро (ок.1450 г.)

На этой карте области *Rossia Blanca*, *Rossia negra*, *Rossia rossa* и просто *Rossia* охватывают территорию от Урала до Балтики и Днепра. Хотя окраска этих земель нам непривычна: к примеру, *Rossia Blanca*, то есть Белая Русь показана к северу от Камы и до Белого моря.

Рис. 43. Фрагмент карты фра Мауро с землями России

Фра Мауро так объяснил окраску этих областей в подписи на карте у «*Rossia Blancha*»: «*это различие на Россию Белую, Чёрную и Красную не имеет иного объяснения, кроме того что та часть России, которая идёт сюда от Белого моря называется Белая, та, что находится за Чёрной рекой, её называют Чёрная, а та, что находится за Красной рекой, она зовётся Красной. А татары называют Белое море Актениз, реку Чёрную – Карасу, реку Красную – Козусу*» [Расшифровка всех подписей карты – П. Фальчетта, библиография: Marciana di Venezia, перевод С.Б.]. Действительно, в переводе с тюркских наречий Актениз это Ак – Белое плюс дениз – море, Карасу – она же Кара су означает Чёрная вода или река. А вот с Козу су он чуть напутал, так как Красная река это Кизил су, а Днепр татары звали Озу су.

У подписи «*Rossia Negra*», то есть Чёрная Русь помещено общее описание всех этих русских земель: «*Эта огромнейшая страна, именуемая Россия или Сарматия, граничит на востоке с Белым морем, на западе – с Немецким морем, на юге простирается до города Сарая и Кумании, а на севере до Пермии. Из её великих рек наибольшая Эдил, не уступающая Нилу. Также в этой земле есть очень большие болота, благодаря которым население не может быть легко побеждено его врагами*» [там же].

Это изображение России удивительно похоже на просторы Руси Списка русских градов. Там, как и на карте фра Мауро, с востока на запад земли Руси были показаны от берегов реки Вятки на границе той самой Пермии и до Западного Буга, впадающего в Немецкое (Балтийское) море, а с севера на юг опять же от Белого моря и почти до моря Чёрного. Причём где находились

тогда земли Кумании легко узнать из «Хожения» Игнатия Смольнянина. Сарай же, судя по окружившим Saray grando гробницам – императорской с юга и 18 знатным людям из захваченного Тимуром Сарая с севера от него, видимо, был указан ещё первый, относительно скромный Сарай ал-Махруса у с.Селитренного, показанный на карте южнее великого Сарая ал-Джедид. Карта фра Мауро ещё раз подтвердила, что Тимур взял зимой 1395/96 г. Сарай Великий (Saray grando) у города Царёва.

Странно точны некоторые, казалось бы, фантастичные детали этой карты. Так, например, на реке Эдил им показана античная Амазония, но с ней неплохо ассоциируются Девичьи горы по правому берегу Волги, указанные позднее в Книге Большому Чертежу [Книга 1950, 140], в воспоминаниях академиков Чернецовых и других путешественников, проплывших от устья Свияжска мимо Самарской Луки к Саратову.

О времени получения им данных можно судить по подписям на карте. Одна из них говорит о смерти Тимура в Отраре в 1405 г.: «*Fin qui fo Tamberlan con el suo exercito per andar improvise in chataio, ma la crudel rabia del vento de la vale percotandolo mortalmente convene tornar in driedo mezi vivi a otrar, dove esso mori e l suo exercito se divide*». То есть terminus ante quem – 1405 г., а вот terminus post quem – примерно 1450 г., предлагаемая итальянскими исследователями как время создания карты.

Сложности с верхней границей получения русских данных создала возникшая после смерти Василия I в 1425 г. усобица. Она привела к некоторой изоляции страны, она же позволила татарам попробовать взять реванш и восстановить власть в прежних их владениях.

В 1438 г. почти безлюдную Казань захватил один из постоянно менявшихся повелителей бывшей Орды Улу-Мухаммед (царь Махмет русских летописных сводов), создав тем самым очередную столетнюю проблему для Руси. Ведь не успел он даже отстроить деревянные стены новой Казани, как сразу возобновил набеги на Русь: «В лето 6947 (1439 г.) <...> того же месяца июня, за неделю до Петрова дня, прииде царь Махмет к Москве и посады пожже, а граду не оусне ничто же и по Петрове дни поиде прочь» [ПСРЛ Т. 24. 1921, 183].

Шесть лет спустя, в 1445 г., татарам повезло захватить в плен самого великого князя: «В лето 6953 на зиме царь Махмет приходил к Мурому ратью, в князь велики был в Суздале; тотар много били. Того же лета июля в 6 день князь велики Василей Васильевич был в Суздале силою. Того дни приде ис Казани рать изгоном – Маматяк царь да Ягуп салтан на великого князя. И бысть им бои и сеця зла у города у Суздаля на поле и битых бысть обоих много: и татар и руси. И одолеша татарове русь, и побегоша русь, и поимал царь великаго князя Василья Васильевича да князя Михаила Андреивича и в Казань свел» [ПСРЛ. Т. 37. 1982, 87]. Упомянутые Маматяк царь и Ягуп салтан – это сыновья Улу-Мухаммеда, Махмуд, он же Махмутек, ставший царем Казани в этом же 1445 г., и его брат Якуб.

Выплаты за великого князя были крайне тяжелы. Они подарили заметный расцвет Казани, и они же долго были одной из причин усобиц на Руси. Когда Василий II в завещании 1462 г. делил земли меж сыновьями, их уделы наглядно показали, насколько страна была отброшена назад: «Дасть великое княжение Володимерское

и Новгородское болишему сыну князю Ивану Васильевичю и на всея Русь.

А другому сыну своему дасть князь Юрью Васильевичи Можаяск да Дмитров, да Серпухов, да Хутынь со всеми пошлинами.

А князю Андрею Васильевичи третьему даст Угличь Поле да Бежецкий Верх, да Звенигород, да после великаго князя мати его, великая княгини Марья, придала ему Романов городок на Волзе.

А четвертому сыну своему князю Борису Васильевичю дал Волок Ламскои, да Ржеву, да Русу, да после княжа Юрьева живота князь великий Иван Васильевич придал ему Вышегород Поротовский, да Марьины села Гольтявы ему же придал.

А пятому сыну своему князю Андрею Меншеву дал Вологду на удел да Заозерье Кубеньское, да князь великий Иван Васильевич пожаловал его после отца своего, придал ему Торусу да Городец у Серпухова, а всего того на 18 сох письменых» [там же, 90].

И вот такие маленькие, часто конфликтующие между собой уделы Ивану III предстояло опять собрать в единое целое. Ведь его всея Руси с запада угрожало Великое княжество Литовское; с северо-запада на него ополчился Великий Новгород во главе с Борецкими; с юга и востока мечтали восстановить былую власть воспрянувшие при Василии II осколки бывшего Улуса Джучи: Большая, Астраханская, Казанская и Крымская орды.

Но для этого необходимо было восполнить опустевшую казну, обеспечить оборону разорённых окраин. Не случайно самый первый поход его личного великого княжения – это поход на северо-восток, туда, где были

драгоценные меха и знаменитое «сребро закамское», источники богатств Великого Новгорода, черпавшего их там ещё, как минимум, с XII столетия.

Любопытно, что в летописях московских описания его нет – мудрый князь не спешил афишировать свои намерения, а вот в Устюжском своде сразу за упоминанием о погребении Василия II читаем: «*Того же лета посылал князь великий Иван Васильевич рать на черемису, воивод своих Бориса Кожонова да Бориса Слепаго, а с ними устюжане, да вологжане, да галичяне. А или воеводы мимо Устюг к Вятке, а по Вятке вниз, а по Каме вверх в Великую Пермь*» [там же]. И действия те были оправданны, так как там же есть рассказ о полоне: «*Того же лета рать черемисская с татары казанскими приходили на Устюжский уезд, на верх Югу реки, на волость на Лоху, повоивали, в полон повели много русских голов. А устюжане ходили за ними в погоню; сугнав их, побили всех, а полон назад отполонили весь*».

У этого похода была и другая цель – разведка путей на Казань не в лоб с запада, а с иных направлений. Ведь Вятка впадает в Каму в ~ 150 км от её устья и в ~ 150 км на юго-восток от Казани. Не зря в 1468 г. Иван III отправил тем же маршрутом казаков во главе с Иваном Руно. Тот прихватил по дороге воинов Устюга, Вологды, Галича и пр., и «*повоеваша Черемису по Вятке реце и поидоша из Вятки по Каме на низ да воевали и до Тамлугы и гостей побили многих, а товару у них поимали много. Ходили до перевоза Татарьского да опять воротились вверх, воюючи Казанские же места и в Белую Волошку (р. Белая – С.Б.)*» [ПСРЛ. Т.25. 1949, 280]. Хотя в тех боях погиб «*ватаман устюжский Сава Осеив*» [ПСРЛ. Т. 37.

1982, 91], но в целом разведка боем казаков Ивана Руно прошла удачно. Захваченные в плен «*княж сын Тарханов да Берды-шиик*» [там же] были доставлены в Москву.

Не эта ли разведка вдохновила Ивана III на его успешную военную кампанию следующего 1469 г.? В результате совместных действий русских судовою и конных ратей уже осенью этого года Казань пала. Хан Ибрагим запросил мира. «*И добил челом, и мир взят на всей воли великого князя*» [ПСРЛ. Т. 12. 1901, 123].

Победа над ней позволила великому князю переключить внимание на северо-запад. В Великом Новгороде к власти тогда пришла пролитовская партия, наместниками приглашались литовские князья, а с польским королем Казимиром IV был уже заключен, хотя пока не ратифицирован договор 1470/71г., в котором пункт №7 гласил: «*А поидет князь великий московский на Великий Новгород, или его сын, или его брат, или которую землю подымет на Великий Новгород, ино тебе нашему господину честному королю всести на коня за Великий Новгород <...> и боронити Новгород*». Лишь победа сплочённых войск Руси над численно превосходившими их, но не имевшими столь богатого боевого опыта войсками Новгорода на реке Шелони 14 июля 1471 г. позволила предотвратить измену. После неё «*мелких людей*» новгородских отпустили по домам, «*новгородские посадники за их измену и за отступление*» Дмитрий Борецкий, Василий Губа Селезнев, Еремей Сухоцок и Киприан Арзубьев были казнены, а многие иные сосланы по тюрьмам [ПСРЛ. Т. 25. 1949, 290].

А дабы князь воевал на западе, не опасаясь удара в спину с юга, «*того же лета ходили вятчане ратью на*

Волгу. Воивода у них был Костя Юрьев. Да взяли Сарай и полону бесчисленное множество и княгинь сарайских [ПСРЛ. Т. 37. 1982, 93]. Попытки татар их перехватить у Сарая и Казани не увенчались успехом: *«проидоша мимо тех со всем в землю свою»* [ПСРЛ. Т. 25. 1949, 291].

В 1472 г. объединённые войска Ивана III успешно отразили нападение разъярённого властителя Сарая хана Большой Орды Ахмата, рвавшего через Оку к Москве. В том же году был и новый удачный поход на Пермь. Князь Фёдор Пёстрый дошёл до Искора, взял его вместе с иными городками, по факту достигнув порога Сибири.

В 1473 г. счастливо закончился поход на помощь Пскову. Стремительное появление там великокняжеской рати заставило немцев отступить без боя и запросить мир. Скорая реакция на враждебные выпады недругов позволяла Ивану III одерживать победу за победой.

Так в 1477 г. после мятежа на вече, когда новгородцы *«к королю пакы всхотеша»* [там же, 310], той же осенью Новгород был окружён объединённым русским войском и, после недолгих переговоров, 15 января 1478 г. весь город приведён к крестному целованию, то есть к клятве на верность [там же, 321]. А так как тогда казанский хан Ибрагим, в надежде на западный поход великого князя, почти месяц пермские сёла под шумок грабил, в том же 1478 г. князь отправил плавные рати покарать Казань: *«Они же плениша землю их по Волге, множество изсекоша, а иных плениша»*. Замирились опять *«якоже оугодно бысть великому князю»* [ПСРЛ. Т. 24. 1921, 196-197].

Объединиться его противникам никак не удавалось. Стоило договориться королю Казимиру Литовскому с ханом Большой орды Ахматом о совместном нападении

на Москву, как Иван III той же весной 1480 г. заключил союз с ханом крымским Менгли-Гиреем. И пока войска Москвы били воинов Ахмата, стоя на Угре, крымские татары очень вовремя прошли по Подолии – южным окраинам владений короля Казимира, заставив литовцев беспокоиться о своих землях, а не воевать чужие.

И кровопролитные битвы, и дипломатические союзы требовали не малых сил и средств. Не случайно великий князь часто обращал свой взор на богатый мехами восток. Первый поход уже за Урал состоялся в 1483 г.: *«...Иван Васильевич посла рать на вугулич и на Угру, и на Обь великую реку <...>. А воиводы великого князя оттоле (устья реки Пельни – С.Б) пошли по Тавде реце мимо Тюмень в Сибирь. И Сибирскую землю воевали, идучи, добра и полону взяли много. А от Сибири шли по Иртищу реце вниз, воюючи, да на Обь реку великую, в Югорскую землю, князеи Югорских воивали и в полон повели. А пошла рать с Устюга маия в 9 день, а пришла на Покров пресвятыя Богородицы»* [ПСРЛ. Т. 37. 1982, 49]. Просить за князей в Москву прибыла целая делегация, и Иван III тех отпустил, правда, после присяги: *«далися за великого князя во всей воли, а крепость их: с золота воду пили и дань давати, а дотолы не давали дани»* [ПСРЛ. Т. 33. 1977, 125].

Но расширению страны на восток мешала политическая чехарда в Казани, где после смерти в 1479 г. хана Ибрагима разгорелась схватка за власть меж его сыновей. Лишь после того, как в 1487 г. Казань опять была взята московской ратью, и над нею был введён протекторат, путь на восток стал безопаснее. Те же цели преследовал поход 1489 г. на Вятку, так как и там разбогатевшие

вятчане возжелали сепаратизма. Не зря их знаменитый воевода Костя Юрьев, ранее громивший Сарай, был вынужден тайно с сыном в Москву бежать [ПСРЛ. Т. 37. 1982, 93]. Потому двинулись на неё «великаго князя силы 60 тысящ и 4 тысящи». Вятская вечевая республика из-за угрозы ужасного штурма сдалась в августе 1489 г. И «воиводы великаго князя Вятку всю розвели, и отпустили их к Москве мимо Устюг и с женами, и с детми», где расселили по указу Ивана III в Боровске, Олексине, Кременце [там же, 97].

Единение страны, рост силы и могущества вызывал уважение соседей. Так, за 1491 г. читаем: «прииде посол из Чегатаи от Усеин салтана, Урусь богатырь, о любви и о дружбе» [ПСРЛ. Т. 25. 1949, 331]. В 1492 г. Менгли-Гирей просил о помощи из-за напавших на него сыновей Ахмата. Стоило пойти рати Ивана III к Орде, как мир без битвы был восстановлен. Бывали послы и с запада. Например, в 1493 г. «отпустил князь великы Иван Васильевич посла Максимьянова короля Римского, Юрья Делатора, в свою землю к его государю, да с ним вместе послал своих послов, Юрья Грека Тарханиота да Михаила Кляпника Ярокына да Ивана Волка Курицына» [там же, 332-333].

Дипломатия требовала достойного представления России на международной арене. Не случайно Иван III в 1497 г. озаботился созданием герба, чина коронации, Судебника. Трудно было и без карты державы. Не зря Б. А. Рыбаков относил время создания русской топ. основы карты А. Дженкинсона 1562 г. как раз к 1497 г.

Устаревшие русские Чертежи, бывало, выдавались уходящим в опасный путь в помощь послам, а в 1557 г. именно А. Дженкинсон сопровождал первого русского

посла в Англии О.Г.Непею домой. Их долгое плавание могли скрасить рассказы о России, и он мог помочь в получении устаревшего Чертежа по прибытии (рис. 43). О заимствовании говорит картуш карты: «Новое усовершенствованное описание России, Московии и Татарии,

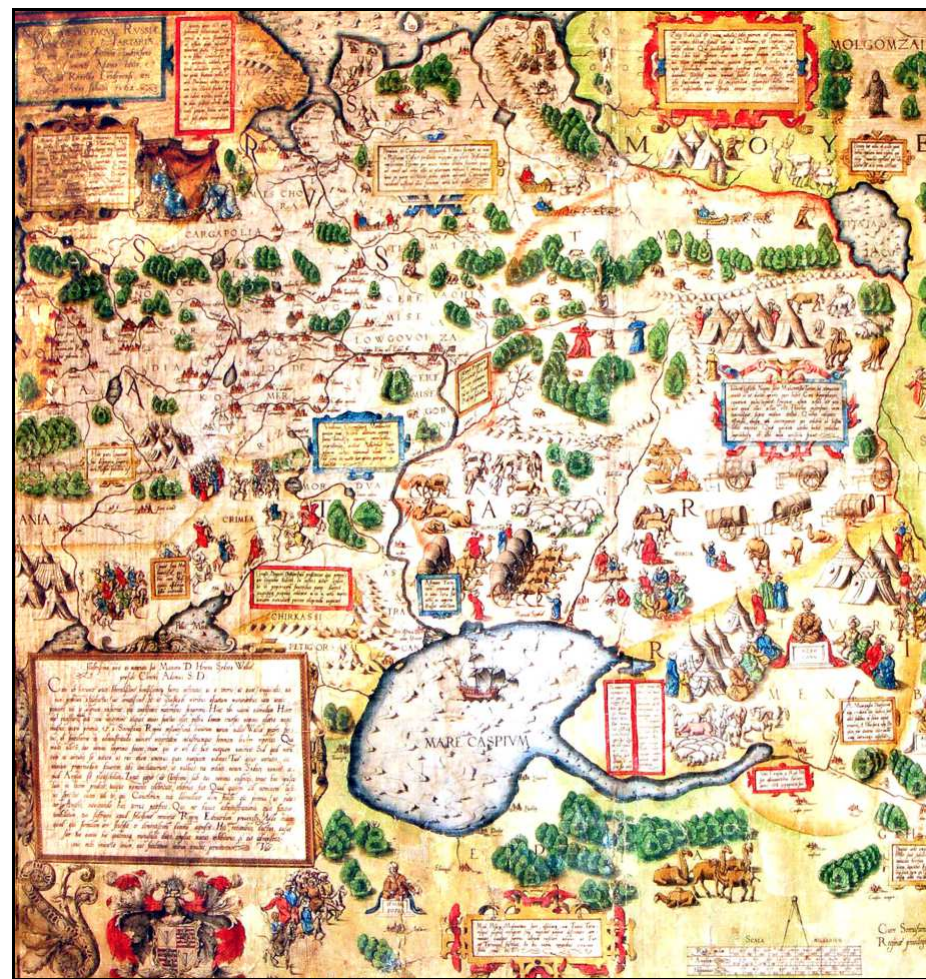

Рис. 43. Фрагмент карты А.Дженкинсона на основе русского чертежа 1497 г.

автор Антонио Дженкинсон англичанин, редактор Клемент Адамс, гравировал Николао Рейнольд Лондинензи. В год 1562.» (выделено С.Б.).

Действительно, описаний на подлиннике карты 1562 г. много – 27 пояснительных подписей, содержащих свежие данные середины XVI в., и это только в рамках. Оригинал этой карты был найден в польском г. Вроцлаве относительно недавно, в 1987 г. До этого она изучалась по упрощённым её копиям из атласа А. Ортелиа, где в рамках лишь 9 текстов, и по карте де Йоде, где пространственный текст остался один.

На то, что её топ. основой стал русский генеральный Чертеж конца XV в. указывают единицы измерений: «*Scala miliarium*» под изображением циркуля, где 10 испанских лиг (1 лига = 5,573 км) составляют 30 английских (1 миля = 1,852 км) или 40 русских миль. Русские мили согласно ней получаются почти равными римским – 1,4 км. Такие русские мили естественны для эпохи Ивана III, женатого на последней византийской царевне Софье Палеолог, так как в Византии до последнего её дня использовались именно римские мили. Но они уже невозможны на картах середины XVI в. Во времена правления его внука Ивана IV Грозного применялись 500- и 1000-саженные вёрсты, о коих речь в следующей главе.

О том же говорит указанное ещё Рыбаковым хронологическое несоответствие нахождения Смоленска в границах «Литвании», хотя город в 1514 г. был возвращён в состав владений государя Всея Руси, как это отметил и сам А. Дженкинсон. То есть 1514 г. – *terminus post quem* основы карты. А вот взятая ратями Ивана III в 1493 г. Вязьма в составе Руси – её *terminus ante quem*.

Предположение Б. А. Рыбакова об использовании англичанином русского Чертежа конца XV в. подтверждает и орография: на карте мы видим лишь Северный Урал. Горы не выходят за верховья Печоры. Никакого Пояса Земного XVI в. нет пока в помине, так как именно через Печору в XV в. пролегли пути к Оби. Даже знаменитый поход на Югру 1499-1500 гг. лыжных ратей князей С. Курбского и П. Ушатого за Камень (горы Урала) к устью Оби тоже шёл через Северный Урал: через Пинежский волок, р. Колода (Кулой). Олений брод, г. Усташ на р. Печоре, Камень (*Самоеды на Камени*), г. Ляпин, Одор (Обдоры, где позднее был русский острог в Березовском уезде, недалеко от устья р. Оби – «с Одора Югорские князи»). Всего рати взяли 41 город и прошли 4650 вёрст до Ляпина. Но названий этих нет на карте, что подтверждает гипотезу Рыбакова о создании русского Чертежа именно в 1497 г.

На востоке о том же говорит и упрощённое изображение Оби с Иртышем, протекающим через озеро Китай (совр. оз. Зайсан, Черный и Белый Иртыш). О них могли знать и поведать лишь сибиряки, ставшие данниками Ивана III с 1483 г. и бывавшие с тех пор в Москве.

Да что Обь, даже Нижняя Волга – древний русский путь на юг был забыт к тому времени. На карте от Казани до Астрахани одно только обозначение города, и то фактически без имени – Мечеть у Великой Луки. О том же говорит и его описание прошедшим вниз по Волге в 1468 г. Афанасием Никитиным. Он упомянул между Нижним Новгородом и Астраханью лишь шесть названий: «И поехал я с ним на низ Волгою. Проехали свободно Казань, Орду, Услан, Сарай, Берекезан. И въехали мы в Вузань–

реку» [А.Никитин 2009, 35–36]. При электронном копировании рукописи названия чуть изменились (рис. 44).

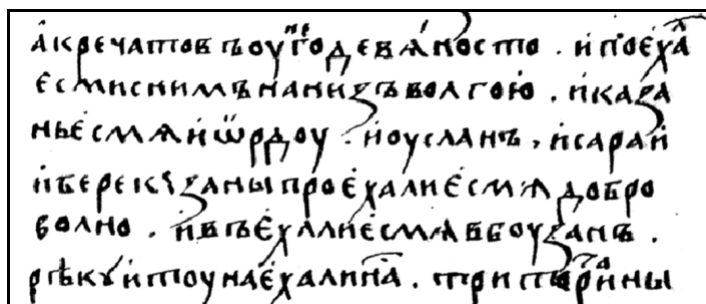

Рис. 44. Фрагмент листа Троицкого списка XVI в.

Ниже Казани узнаваем только Сарай. Видно, что для Никитина названия Понизовья внове, записаны «на слух». Потому протока Бузан у него то Боузан, то Бузан, а то и Вузань. Выше Бузана у него – Берекезаны. А так как выше ответвления от Волги Бузан-реки стоял Берке-Сарай у совр. с. Селитренного, то его Берекезаны – это ещё не разгромленная вятчанами Кости Юрьева в 1471 г. столица хана Ахмата. Выше него по течению указан Сарай, вероятно, остатки Сарая аль-Джедид у г. Царёва. Значит, Мечетью в 1497 г. могли быть названы либо его руины, либо населённый пункт южнее устья р. Еруслан – Оуслан Никитина, где до поднятия уровня водохранилища на 20 м ещё сохранялись следы городища.

Этой Мечети нет в описании пути Дженкинсона по Волге в Среднюю Азию 1558-1560 гг., что ещё раз говорит о заимствовании им русского Чертежа 1497 г. Ведь на его карте нет и вернувшихся под руку князя Всея Руси в 1500 г. после битвы с литовцами на р. Ведроше Брянска, Чернигова, Новгорода Северского, Гомеля, Рыльска...

XVI век: генеральные чертежи России

Когда Иван III по завещанию получал «великое княжение Володимерское и Новгородское <...> и на всея Русь», его земли являли пёструю картину самых разных удельных княжеств. Они по древней традиции гордо обладали суверенными правами, а, по сути, были разрозненны, ослаблены изнутри непрерывной борьбой за власть, зависимы во внешней политике от наседавших со всех сторон алчных соседей. Правление Ивана III привело к их пусть не всегда добровольной, но крепкой консолидации, к созданию могучей державы с сильной армией, едиными законами, централизованным управлением.

Укрепление государства обеспечило приток ко двору европейских посланников, способствовало отправке русских послов в Европу. Этот процесс продолжился и после перехода власти в руки нового государя всея Руси – Василия III (1506-1533). Хотя в XVI в. на Западе его чаще именовали повелителем Московии, дабы гордость Литвы с Польшей не задевать, так как те всё ещё владели правым берегом Днепра, включая Киев.

Среди прочих в 1517 г. в Москву прибыл посол от императора Максимилиана Сигизмунд Герберштейн для переговоров о мире между Литвой и Московией. «Тоя же осени, ноября 18 (7026 г. – С.Б.) великий государь Василе отпустил Максимилианова цесарева по-

сла Жыдимонта Гербенъстенья к его государю, да с ним вместе послал князь великий к брату своему избранному цесарю и наивысшему королю Римскому Максимилиану диака своего Володимера Семенова сына Племянникова» [ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. 1904, 28].

В 1518 г. русский посланник прибыл в Аугсбург, где немного задержался. В общении с местными учёными в ответ на традиционный вопрос эпохи великих географических открытий: а можно ли через Россию и Северное море достичь Восточной Индии, он ответил утвердительно, и в доказательство показал карту Московии и подвластных ей земель. Сей факт сохранил в своей книге известный дипломат и картограф Д. Б. Рамузио [Ramusio. Ч. I. 1563, р. 373 об.-374].

Известие о возможности открытия нового пути в Индию заметно повысило интерес к землям далёкой Московии. В 1525 г. появляется карта Б. Аньезе и её последующие копии, в 1537 г. – А. Вида, в 1544 г. – С. Мюнстера, в 1546 г. – С. Герберштейна, в 1548, 1560 гг. – Я. Гастальди и т.д.

Появлению многих из них способствовали активные дипломатические контакты. Так, портулан Баттисты Аньезе (Agnese) обязан своим рождением прибытию летом 1525 г. в Рим Великого посольства Василия III к папе Клименту и участию в нем Димитрия Герасимова. Сведения Д. Герасимова стали основой книги Павла Иовия Новокомского, епископа г. Комо, о России «*Libellus de legatione Basilii magni Principes Moschouiae ad Clementem VII*». Карта предполагалась как иллюстрация, но, вероятно, из-за технической задержки не успела к выходу его работы в 1525 г. и была

опубликована позднее. Ф. Онганья нашел ее среди рукописных карт Возрождения в 1871 г. и опубликовал в 1881 г. в переиздании морского атласа Б. Аньезе 1554 г. в числе 34 карт этого атласа.

На найденном портулане у океана вверху надпись: «*Moscoviae tabula relatione dimetrii legati descripta sicuti ipse a pluribus accepit, cum totam provinciam minime peragrasset anno MDXXXV octobris*». То, что упомянутый на картуше портулана «*Dimetrii legati*» — это толмач посольства Димитрий Герасимов, отметил ещё в 1884 г. Г. Михов в своей книге о древнейших картах России «*Die altesten Karten von Russland*».

Михов сопоставил карту с описанием Московии Иовия и пришел к заключению, что она соответствует географическим данным книги [Кордт 1899, 3]. Э. Вреден в 1886 г. справедливо заметил о книге П. Иовия, что тот заботится «*не столько о том, чтобы познакомить современников с государством, еще тогда мало известным в Европе, сколько увлекается желанием, простительным, впрочем, публицисту эпохи возрождения наук, поверять понятия древних о народах, населяющие описываемые им области. Это заставляет его говорить о скифах, готах, гиперборейях... и повсюду удерживать древние классические названия*» [Алексеев 1941, 92].

Стремление П. Иовия сопоставить русские сведения с данными Птолемея привели к появлению странного гибрида (рис. 45), когда один из вариантов реконструкций карты Птолемея стал топографической основой карты, на которую нанесена часть данных с русского Чертежа 1523 г. – именно так его датировал Б. А. Рыбаков [Рыбаков 1974, 70-78, 110].

Отсюда смесь проекций, эллинистической и русской топонимики. Отсюда и отсутствие данных о Волге ниже Казани, о Каме, где также отсутствуют точки привязки.

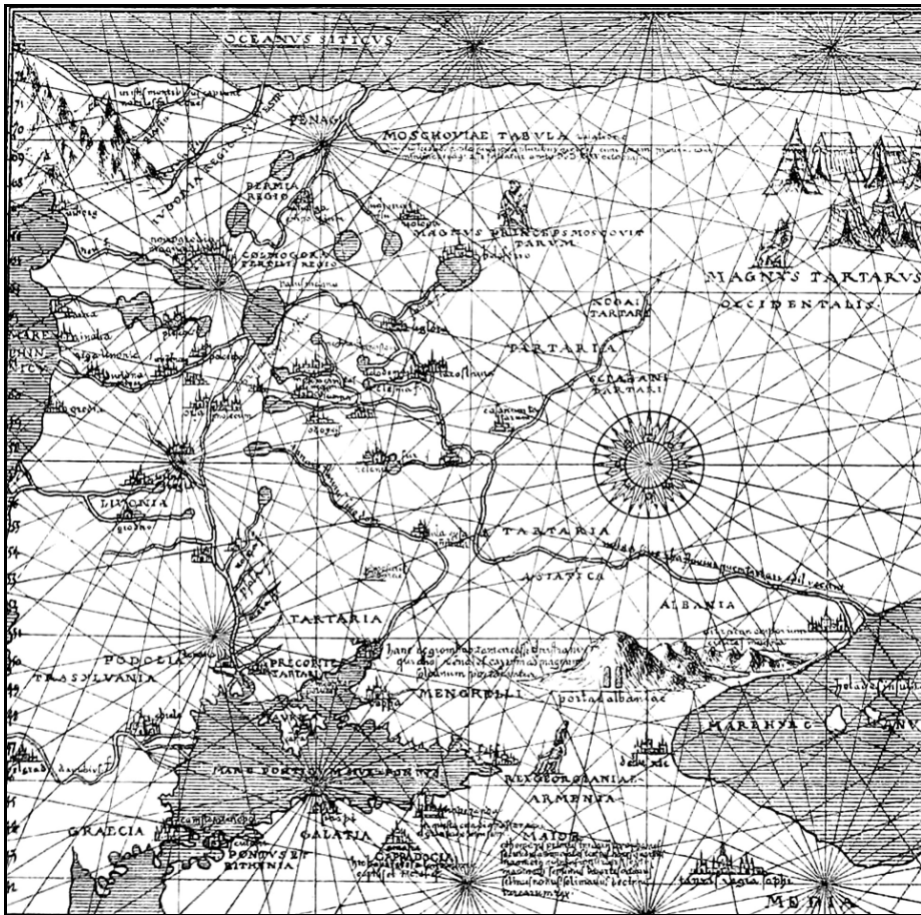

Рис. 45. Западная часть портулана Б.Аньезе из атласа 1881 г.

Видимо, расчёты для создания этого портулана заняли много времени, потому был издан вариант карты попроще. Её картуш тоже датирован 1525 г. (рис. 46).

Рис. 46. Карта Московии – MOSCOVIAE Tabula 1525 г.

Картуш карты чуть отличается от подписи портулана: «*MOSCKOVIAE Tabula ex relatione Demetri legti descripta sicuti ipse a pluribus accepit, cum totam provinciam minime se pera grasse fateatur. Anno MDXXXV. Mese Octob.*».

На обеих картах, кроме стремления П. Иовия показать сведения Птолемея, не зря же на карте присутствуют алтари Александра и Цезаря (*Alexandri Ara* и *Cesaris Ara*), заметно влияние другого теоретического трактата по географии – «О двух Сарматиях» М. Меховского 1517 г., в котором утверждалось, что все величайшие реки Восточной Европы берут начало с «*лесистой и болотистой равнины*» [Меховский 2009, 115]. Видимо, поэтому многие крупные реки на этих картах Аньезе имеют истоки в озерах и болотах. Особенно впечатляет его болото, названное без затей *Paluĉ magno* – Великое Болото, с вытекающими из него реками Волга, Днепр, Западная Двина, а также показанного началом пути по р.Мсте – оз. Ильмень – р.Волхов – Ладожскому озеру – р.Неве.

Хотя перед нами явно не реки в современном понимании, а скорее маршруты следования по ним и узлы их сопряжения, где можно было перевалить из одной речной системы в другую. Как венецианский картограф эпохи Возрождения, Аньезе прекрасно понимал важность нахождения новых торговых путей.

А вот притоки этих рек изображены небрежно. На Волге показаны лишь несколько её притоков, выводящих к самым известным тогда городам: р. Шексна это путь из Углича на Белозерск, где хранилась казна; р. Нерль (без названия) – путь на Переславль Залесский; р. Клязьма – путь на Владимир; р. Москва, впадающая вместо р. Оки в Волгу – путь к Москве, где Оку можно опознать только

по стоящей на ней Коломне; ниже по течению – р. Сура и р. Кама без имени, узнаваемая только по Казани. Из городов на самой Волге имеют подписи лишь Углич, Ярославль да Астрахань.

Дон притоков вовсе не имеет, да и города близ него всего два: Тула с только-только отстроенным каменным кремлём, как и указано на карте, а в устье – Азов.

У Днепра его правобережные притоки безымянны. На портулане по левому берегу подписаны Десна, (Сула не показана), Псёл, (Ворскла не показана), Орель, и ниже её два безымянных притока, вероятно, Самара и Конка с безымянным городом. На карте – Ворскла, ниже неё ошибочно Псёл, затем Орель и два безымянных притока, причём южнее последнего показан город Олешье (*Ollasn.*). Из сравнения этих двух карт видно, что с русского Чертежа были взяты далеко не все имевшиеся там данные. Из городов подписаны Смоленск, Орша и показанная против Олешья крепость Тавань.

В Балтийское море у Аньезе впадают поименованные три реки: Западная Двина (у него Двина малая – *Dvidna minor*); Великая (ныне система р. Великая – Псковское озеро – Чудское озеро – р. Нарва); Нева как начало Волго-Балтийского пути. Судя по количеству городов на Двине: Полоцк, Двинабург (он же позднее Динабург, Двинск, Даугавпилс), Рига и безымянный город на левом берегу, видимо, итальянцев более всего интересовал путь по Западной Двине. Так как на Великой мы видим лишь Плесков (Псков) и Нарву, а на пути по Волго-Балтийской системе через Неву, Ильмень, Волхов и т.д. городов и того меньше – над озером Ильмень гордо высится один Великий Новгород.

На севере в Скифский Океан впадают три никак не связанные с общей системой реки. Возможно, поэтому Пинега с Сухоной, Печора, Зия даны с ошибкой – в зеркальном отражении. Нет на карте и известной тогда москвитам Оби, что, возможно, говорит о некотором лукавстве просвещённого Димитрия. Но сама карта Баттисты Аньезе пронизана духом эпохи Великих географических открытий, не случайно она в чуть модифицированном виде появится позднее у многих европейских картографов.

Чтобы понять, как выглядел её источник – Чертёж эпохи Василия III, вероятно, стоит обратиться к карте Сигизмунда Герберштейна. Он в первый раз посетил Москву в 1517 г., второй раз задержался в ней с марта по ноябрь в 1526 г. Опубликованная им в 1546 г. карта (рис. 47), изданная за три года до выхода его знаменитых «Записок о Московии», позволяет понять проблемы иноземцев с русскими Чертежами.

Стремление к достоверности заставляло показывать много мелких деталей – леса, облик городов, не похожих один на другой. Крупные притоки рек, видимо, описывались отдельно. Не случайно и на карте Герберштейна мы видим путаницу в нанесении теперь уже притоков р. Камы, где р. Вятка показана восточнее р. Вишеры. А вот северные реки изображены уже верно.

То, что прототипом этой карты был всё тот же русский Чертёж, подсказывает нанесённая на неё «бесова деревня» Сигизмунда I – Опочка под Псковом. Это под нею в 1517 г. были разгромлены польско-литовские армии князя Острожского и похоронены надежды поляков на реванш за взятый русскими Смоленск. Имеют карты

Герберштейна и Аньезе и общую ошибку – на них Десна впадает в Днепр южнее Киева (рис. 46, 47).

А вот Гомеля, отошедшего к Литве по перемирию 1537 г., на его карте нет. Как нет крепости Велич, заложенной на Двине в 1536 г. Более того, на его карте Рязань показана как «*Rezan Principatus*», то есть ещё частично независимая земля. А таковым Рязанское княжество было только до 1521 г. То есть для этой карты *terminus ante quem* – 1517 г., а *terminus post quem* – 1521 г. Границы явно сузились, неплохо совпав с датой совместной поездки С. Герберштейна с дьяком В. С. Племянниковым к «*королю Римскому Максимилиану*».

Использование в качестве основы той же карты, что послужила основой для карты Аньезе, объясняет и путаницу с притоками Камы на карте Герберштейна, и ошибку в названии р. Свяги, и сразу две Казани в устье Камы. Так как если ему несложно было дописать название к ещё безымянному городу в устье Суры, показанному там же и у Аньезе и названному в 1523 г. Василь-городом, то разобраться, как выглядели земли в дельте Камы, было намного сложнее.

Поэтому сведения карты дополнил его обширный трактат, вышедший в свет три года спустя. Герберштейн всегда испытывал интерес к «хорографии» – совокупности географических и этнографических сведений, а его личное пребывание в Московии и знание языка позволило изучить русские дорожки, поговорить с землепроходцами. Возможно, он видел недочёты карты, и дабы перекинуть мост от античной к современной ему географии, показал земли неведомой тогда России ещё и нарративными методами.

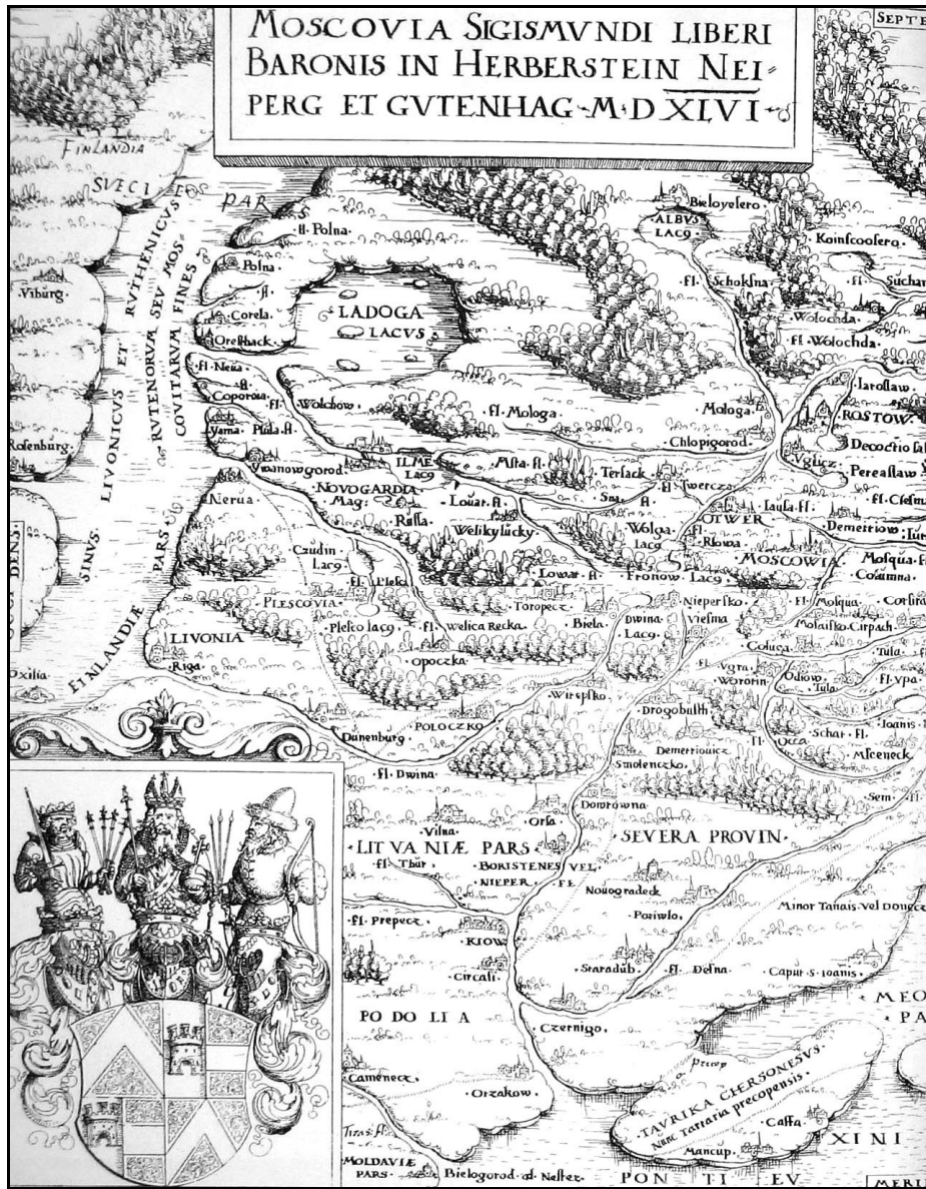

Рис. 47. Западная часть карты Московии С. Герберштейна 1546 г.

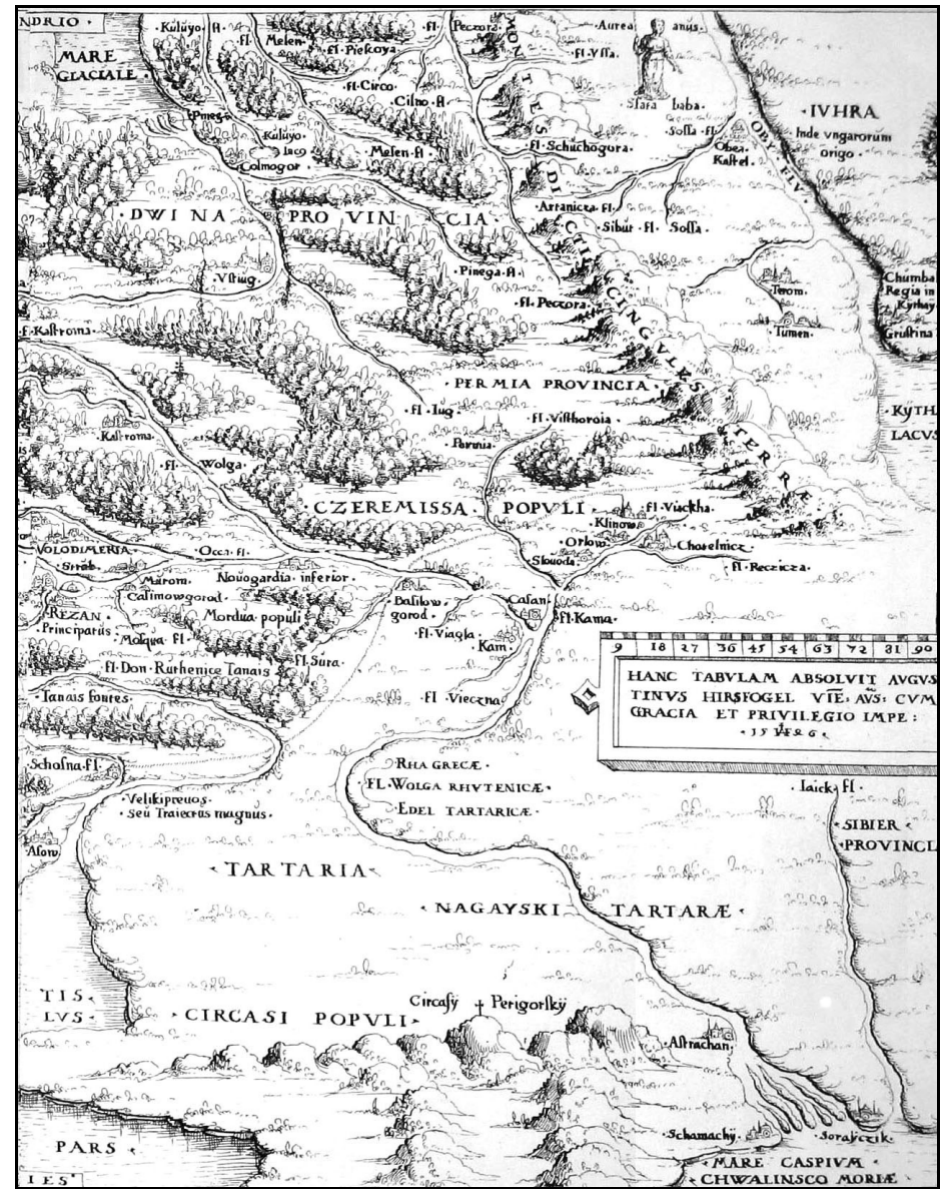

Рис. 48. Восточная часть карты Московии С. Герберштейна 1546 г.

Чтобы очертить границы Московии, ему пришлось достаточно подробно обрисовать её горы и реки, незнакомые европейским читателям его трактата.

Горы он показал в виде трёх крупных массивов:

I. «На юго-западе "Руссия" граничит горами Сарматскими, которые простираются недалеко от Кракова. Так называет Герберштейн Карпатския горы, то же название встречается и у Птолемея» [Замысловский 1884, 127–128].

II. Горы Кавказа показаны им к югу от реки Кубани «до самой реки Мерулы, впадающей в Понт, тянутся горы, в которых живут Черкасы или Цики» [там же].

III. Горы на северо-востоке Европы имеют наименование «"Земной Пояс" (*Setnoi royas*), *Singulus mundi*, то есть Пояс мира или земли, ибо *singulus*, говорит Герберштейн, по-русски Пояс» [там же].

Хотя на карте (см. рис.48) этот «Пояс» доходит лишь до уровня Вятки, то есть это снова лишь Северный Урал: «Во владении князя Московскаго можно заметить только одне эти горы – вероятно, это те, которые у древних слыли Рифейскими и Гиперборейскими горами". Оне постоянно покрыты снегом и льдом, и переход через них труден. На одну из вершин этой цепи гор, называемую "Столпом (*Stolp*), то есть колонной", русский воевода князь Семен Курбский взбирался семнадцать дней и все же не мог достигнуть вершины ея. Она "вдаётся в океан и простирается до самых устьев Двины и Печоры" [там же, 128-129].

Горный массив «Земного Пояса» он разделил на части по известным ему отдельным горам и рекам:

- «гора Печора (*mons Petzora*), через которую перешёл князь Семен Курбский;

- «"Земной Пояс" (*Royas setnoi*), "находящаяся влево от летняго восхода"; с огромнаго камня этой горы, называемаго "Большим Камнем" (*Camen Bolschoi*), берет начало р. Уса»;

- «"Каменный Пояс" (*Cameni-royas*), за рр. Печорой и Щугуром»;

- «"Камень" (*mons Camen*), на которую нужно подниматься три дня; с горы "Камень Большого Пояса" (*ex monte Camen Bolschega Poiassa*) текут рр. Сосва (*Sossa*), Березва (*Berezvua*) и Данадим (*Danadim*)».

Таковы сведения о "Земном Поясе", извлеченные автором Записок из русскаго дорожника и собранные от лиц, участвовавших в походах Русских в область рр. Печоры и Оби в 1499–1500 годах» [там же, 129].

Достоверные сведения С. Герберштейна о горах Восточной Европы оживили спор о реках, начавшийся с описания М. Меховского двух Сарматий. Утверждение последнего о том, что величайшие реки Восточной Европы берут начало не с высоких гор Рифейских или Гиперборейских, а с болотистой низменности, шло вразрез с ещё весьма значительным в то время авторитетом Птолемея и его последователей.

Хотя сам Птолемей никогда и не утверждал, что все эти горы высоки. Он, употребляя близкие: *mons* и *monteS* (лат. – гора и горы), ясно показывал их расхождения в высотах, где *mons* – это высокогорье, а *monteS* – поднятия, заметные возвышенности. Поэтому на реконструкциях его карт Кавказ – это гора, а скромные Гиперборей – всего лишь поднятия [Браташова 2014, 98]. Вероятно, они были показаны как известные ему водоразделы между наиболее крупными бассейнами великих рек, их естественные границы.

Проблема, созданная Меховским, возникла из непонимания истинных размеров бассейна Волги. При написании «Трактата о двух Сарматиях» (1517 г.) автор-поляк, совместив Волгу и Эдель, безапелляционно сократил и исказил её бассейн: «Волга, наибольшая из них, по-татарски называемая Эдель, пройдя на север 200 миль до Нижнего Новгорода (*Nizni Novugrod*) (что значит Нижний новый замок) в земле Московии, соединяется там с большой рекой, текущей из середины Московии, по имени Ока (*Ossa*). 80 германскими милями далее Волга подходит к замку Казан (80 x 7,42 = 593,6 км, а реально 426 км = 57 герм. миль – С. Б.), которым владеет князь Московии, и, наконец, к замку Сарай, принадлежащему татарам. Затем, повернув к югу, она впадает в **Евксинское море** 25 рукавами, подобными Тибру у Рима, а иногда и гораздо большими... Вышеназванные реки имеют начала не в горах и не у их подножия, так как там нет никаких гор. Знай, во-вторых, что Гиперборейских и Рифейских, откуда, по баснословным рассказам некоторых писателей, будто бы вытекают эти реки, нет ни в Московии, ни в других северных странах» [Меховский 2009, 115–116].

В отличие от Меховского, Герберштейн подошел к «речному» вопросу более тщательно, так как в XVI в. основой описания страны служила именно гидрография, о чём свидетельствует Книга Большому Чертежу. Как раз по рекам Герберштейн проводит «границы государства Московского и Польско-Литовского, положение областей, занимаемых инородцами, русских земель и княжеств, а также городов» [Замысловский 1884, 145].

Например, истоки Волги он показал так: «за Ржевом-Дмитровским в нескольких милях на запад есть лес,

называемый Волконским (*Vuolkonzki*). В этом лесу есть болото, называемое Фроновым, из него течет не очень большая река, на пространстве почти двух миль и впадает в какое-то озеро Волго. Она снова вытекает оттуда, сделавшись гораздо обильнее водой, и называется Волгой (*Vuolga*)» [там же]. Далее он указывает, что из этого леса берут начало четыре великих реки: Волга, Днепр, Западная Двина и Ловать, давая расстояния между их истоками, показывая пути – волоки, которые, видимо, и дали название тому лесу, а отнюдь не болоту [там же, 183–184]. Исток Дона показан им отдельно. Точные расстояния он брал из переведённых им русских дорожников, а также расспросов очевидцев [там же, 58].

Очертить границы Московии помогает описание Герберштейном земель её соседей. На северо-западе у берегов Балтийского моря изображены города Ливонии: столица – Рига, владение магистра Тевтонского ордена, за нею Нарва; Ревель – он же прежняя русская Колывань; Дерпт – бывший город Юрьев.

Южнее неё Литва «тянется длиною полосой от города Черкас, который стоит на Борисфене, до самой Ливонии» [там же, 484]. К ней Герберштейн относил города Витебск и Полоцк на р. Западной Двине, Гродно при р. Немане, столицу Литвы – Вильну, где всё ещё было «гораздо больше русских храмов, чем церквей римского исповедания» [там же, 487], а также Мстиславль на р. Вехре, Борисов и Бобруйск на р. Березине, Мозырь на р. Припяти. На Днепре Литве пока принадлежали Дубровна, Орша, Могилёв, южнее Киева – Канев и упомянутые выше Черкасы, а также сам Киев – «древняя столица России. Самая развалины города и памятники, от кото-

рых можно видеть обломки, доказывают, что он был великолепным и истинно царским [городом]. И теперь ещё на соседних горах видны следы церквей и опустевших монастырей; кроме того, много пещер, в которых видны весьма древняя гробницы [там же, 488-490].

Ближе к Чёрному морю и за Волгой Герберштейн показывает земли разных татарских орд: «Татары "разделяются на орды, в числе которых Заволжская орда (*Saviolhensis horda*) занимала первое место по знаменитости и многочисленности, потому что все остальные орды произошли от нея» [там же, 503].

Казанские татары «образованнее остальных, потому что они обрабатывают поля, живут в домах и занимаются различными промыслами. Василий, князь московский, принудил их покориться и принимать царей по его назначению». Казанские татары на юго-востоке граничат «с Татарами Шейбанскими и Кайсацкими (*Shibanski et Kasatzki*). Царь этой страны может располагать 30.000 воинов, преимущественно пеших» [там же, 509]. К востоку от Волги обитали, по Герберштейну, также Ногаи и Татары Тюменские, «число которых, как говорят, не превышает 10.000», жили в лесах» [там же, 511].

Крымских татар он назвал чисто по-русски «перекопскими», так как именно от русских посланников в Крым он узнал, что «"могущество таврических царей весьма возросло и сделалось страшным для соседних народов, так что [эти цари] принудили и польского короля платить известную сумму с тем условием, что он будет пользоваться их содействием во всех затруднительных обстоятельствах", а король Польши постоянно воюет с князем московским, и каждый из них надеется уничто-

жить другого при помощи Татар» [там же, 512].

При столь широком размахе сбора информации, высокой тщательности проведения работ, тем не менее, у С. Герберштейна ни на карте, ни в книге нет реального описания Волги ниже Казани. Упомянута только Астрахань. Это само по себе вызывает вопрос, а не были ли данные по Нижней Волге убраны умышленно. Ведь наличие татарских орд не помешало описанию путей ни к устью Оби, ни по Дону, где в трактате им упомянуты три города: Донков близ истока, Азов близ устья и Ахас в четырёх днях пути выше по течению от Азова.

Но с другой стороны, колонизация Поволжья продвигалась с большим трудом, и Понизовье действительно могло быть плохо известно в Москве, так как земли юга Восточной Европы, как показывает переписка московских великих князей с южными соседями, были подконтрольны тогда казачеству.

Казаки к этому времени разошлись очень широко. Ещё в уставе для генуэзских колоний на Чёрном море, изданном Генуе в 1449 г., была запись о казаках, нападавших на татар. М. Бельский в своей «Всемирной хронике» отмечал, что в 1481 г. во время похода поляков против татар проводниками польскому войску служили именно казаки. О казаках писал Иван III в 1502 г. рязанской княгине Агриппине и в 1505 г. крымскому хану Менгли-Гирею, где откровенно указывал: «От казака страх на Поле» [Савельев 2002, 202].

В 1519 г. Василию III посол Голохвастов сообщал из Азова: «От нагаи, сказывают, посол приходил, с тем, что им тесно от казацкой орды..., что нагаи, теснимые казаками, хотели перейти Волгу, но астраханский царь

их не пустил» [Сборник 1895, 668–669]. Хотя здесь, вероятно, речь не о русских казаках, а о киргиз-кайсацкой орде, ведь это имя использовали не только русичи.

Герберштейн таких тонкостей не знал. Его более интересовали богатства России. Он много пишет о её мехах, о полезных ископаемых: *«серебро получали с отдаленного северо-востока, сведения о котором даже в среде русских людей были весьма мало распространенными»* [Замысловский 1884, 311]. Не преминул он отметить даже недавно найденные рудники на Цыльме. А вот серебряных рудников на Северском Донце у него нет. Этот источник богатств Руси находился тогда вне Московии, а потому был полностью забыт, впрочем, как было забыто многое из географии Восточной Руси.

Беспристрастным свидетелем существования Чертежа Московии уже во время первого визита 1517 г. С. Герберштейна в Москву стал другой посол короля Максимилиана в Московии уроженец Венеции Франческо да Колло. Он прибыл в Московию годом позже и тоже провёл здесь несколько месяцев. В своём скромном рукописном отчёте «Доношение о Московии» этот посол, не вникая в детали, переписал всё подряд, что смог разобрать на том Чертеже – названия земель, морей, рек и городов с любопытными ошибками:

«Имеет сей Князь под господством и полною властью свою одну и другую Русь целиком, то есть чёрную и белую, кои суть царства громаднейшие. Чёрная, которая именуется Русью Королевской, почти непрерывно ведёт войну против Южной Ливонии и весьма часто ведёт сражения на замерзшем море. Белая же Русь ведёт войну против Ливонии Северной и весьма часто сражается в

северном Ливонском море, иногда же на озере Пейбус (Чудское оз.), замерзающем со стороны сей Белой Руси. И одна и другая Русь вместе ведут войну против Короля Польского и Великого Герцога Литовского и против Самогитов, Прусов и Курляндцев. Помимо сих двух Русей и Княжества Московского названный Князь имеет под собою Княжество Володимирское, Княжество Смоленское с областью Смоленскою, приобретенною с недавнего времени и отторгнутою от Короля Польского и Великого Княжества литовского <...>.

Держит под собою также Царство Псковское, где главный город того же имени, который разделяется двумя большими реками, его омывающими. Волгой и Окой; Княжество Тверское Княжество Югорское, Область Сибирь, Царство Новгородское, коего главный город того же имени омывается важной рекой Волга, выше названной, и известной, с которой сливается в конце города другая река, именуемая Окой, которая теряет имя; Княжество Пермское, очень большая область; Княжество Вятское, Болгарское, царство Нижнегородское, каковое имеет главным городом город того же названия, в окружности семь лиг; область Черенигова, некогда царство; княжество Рязанское, то есть Резенсон, выше коего имеется большое стечение воды — о чем писал тот самый Краковский доктор, в Трактате о двух Сарматиях — и отсюда берет начало река Танаи, которая отделяет Азию от Европы, что на самом деле не так, и противоречит истине, как будет сказано; княжества Вятское, Волоцкое, Ржевское, Бельское Устюжское, Ростовское, Ярославское, Белозёрское, Обдорское, Хмельское, Клинское, Зубцовское, Тверское Суздальское, Биармия, некогда громаднейшее

царство, граничащее с областью Скризинской и другими княжествами близкими ему, опустошенными частыми набегами татар; на границах коих — все они, подданные императора полевых татар — имеется область Устюг, весьма обширная и некогда царство; помимо того **Вятка, обширнейшая область и некогда царство на границе с татарами Ногайскими** — все эти под владычеством сего Светлейшего князя.

Помимо того под его господством Вогульская область в самой Татарии, взятая из рук татар предшествовавшими князьями московскими. Есть и область Тверская, в коей город того же имени с кремлем называемым Творд, который окружен прежде названной рекой Волгой. Владеет ещё сей князь областью Казанской, названной Ордой, взятой из рук императора татар Казани, за какую сии татары, даже будучи магометанами, выплачивают ежегодно дань вышеназванному Светлейшему князю, служа ему на войне 30-ю тысячами коней, со всей верностью. В сей области имеется один единственный кремль, называемый Казанский, который омывается рекой Волгой. И еще обладает сей князь двумя обширнейшими областями на Севере, Югра и Карелия, кои покрыты высочайшими горами и имеют обширнейшие поля, долины и леса, и простираются вплоть до Ледовитого моря... [Колло 1996, 61-63, выделено С.Б.]

Об общем русском протографе времён правления Василия III как для этого «Доношения», так и карт С. Герберштейна 1546 г. и Б. Аньезе 1525 г. говорит ряд ошибок Ф. да Колло. Во-первых, лишь ошибка в прочтении названия реки Великая (на русских Чертежах и позднее будут очень мелкие подписи) могла привести его к

мнению, что Псков омывают Волга и Ока.

Во-вторых, из-за такой же ошибки его Великий Новгород омывает не р. Волхов, а снова Волга, причём ту же ошибку мы видим и на карте 1525 г. Б. Аньезе.

В-третьих, о списывании названий с русского Чертежа свидетельствует выделение Чёрной и Белой Руси, показанных особняком от входивших в них княжеств.

В-четвёртых, татары ногаи у Вятки, коих мы видим на картах Аньезе и Герберштейна (см. рис. 46, 48) и в «Доношении» 1518 г., а не татары **многаи** — это, видимо, была ошибка протографа, не зря она повторяется во всех трёх документах. Позднее компиляторы эти ошибки будут лишь умножать (рис.49).

Рис. 49. Фрагмент карты Гастальди 1550 г., где ногаи уже у Вологды

Возможно, что тот же Чертёж знал окольный Иван Ляцкой, бежавший после смерти великого князя Василия III в августе 1534 г. из Серпухова в Польшу вместе с князем С. Ф. Бельским, и дополнивший своими данными карту Московии Антония Вида. О работе над ней упоминает письмо от 23 мая 1541 г. от И. Ляцкого к С. Герберштейну, найденное К. Харауер в 1982 г. в архивах Национальной библиотеки Будапешта. Карта Ляцкого-Вида 1555 г. ныне считается самой ранней уцелевшей картой с использованием надписей на кириллице (рис. 50, 51).

Рис. 50. Картуш карты Ляцкого-Вида 1555 г., где русский текст гласит: «Аньтоний Вед до чтителей. Я ж, доту де как есть земля великого княжества Московского речи не вырожены и неа нето означений, памятка учинил и ту(т) кратк(и)е тож знаки однако

ж по руску ко разумению выписаны. Напервей, требуют ведать всходу солнца, яко наверху означенный. Потом уж бачиши изкося (глядишь наискось – С.Б.) далеко от тебе земли и воды стою. На вторее разумеяся, на сподку (внизу – С.Б.) отвореный циркел же миль может соизмерить яко далеко есть от места до места. На третье обачь, то зелене знаменуея московска земля; то желте знаменуея княжество литовске и то цо здес у полской коруне прислух; а то червоне – то у татарове. Стесо обач и границы в глиньских и московуих зваше швецко землей, и лифляньску, и литовьску, и татарску, и турску вне яких ордах розделены. 1542»

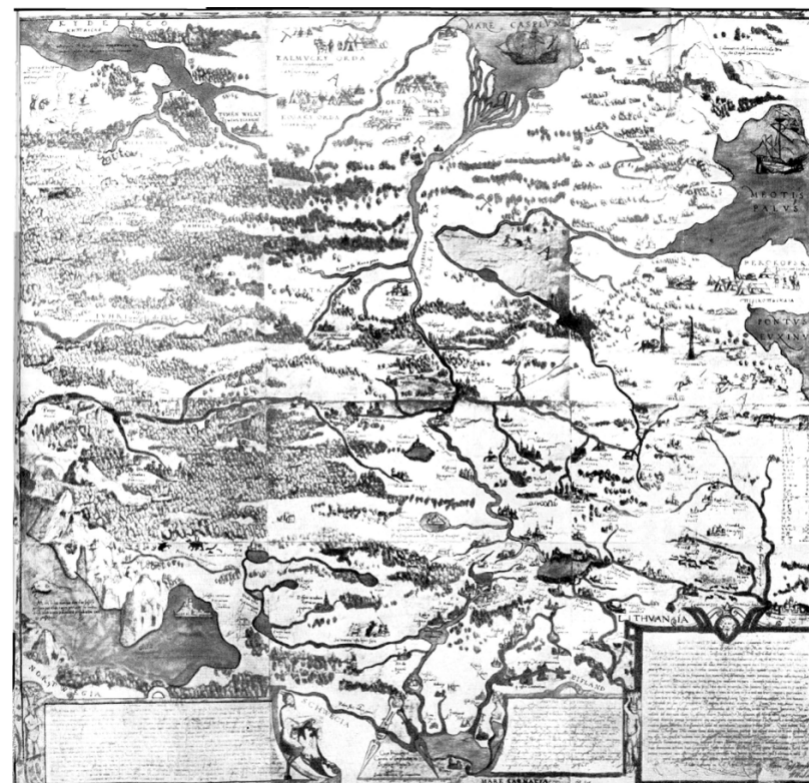

Рис. 51. Карта Ляцкого-Вида 1555 г. [Рыбаков 1974, вклейка]

Эта карта, размером более чем аршин на аршин, где Каспийское море показано традиционно для византийских карт вверху, а северные моря внизу, вероятно, точнее передала вид русского Чертежа (рис. 52).

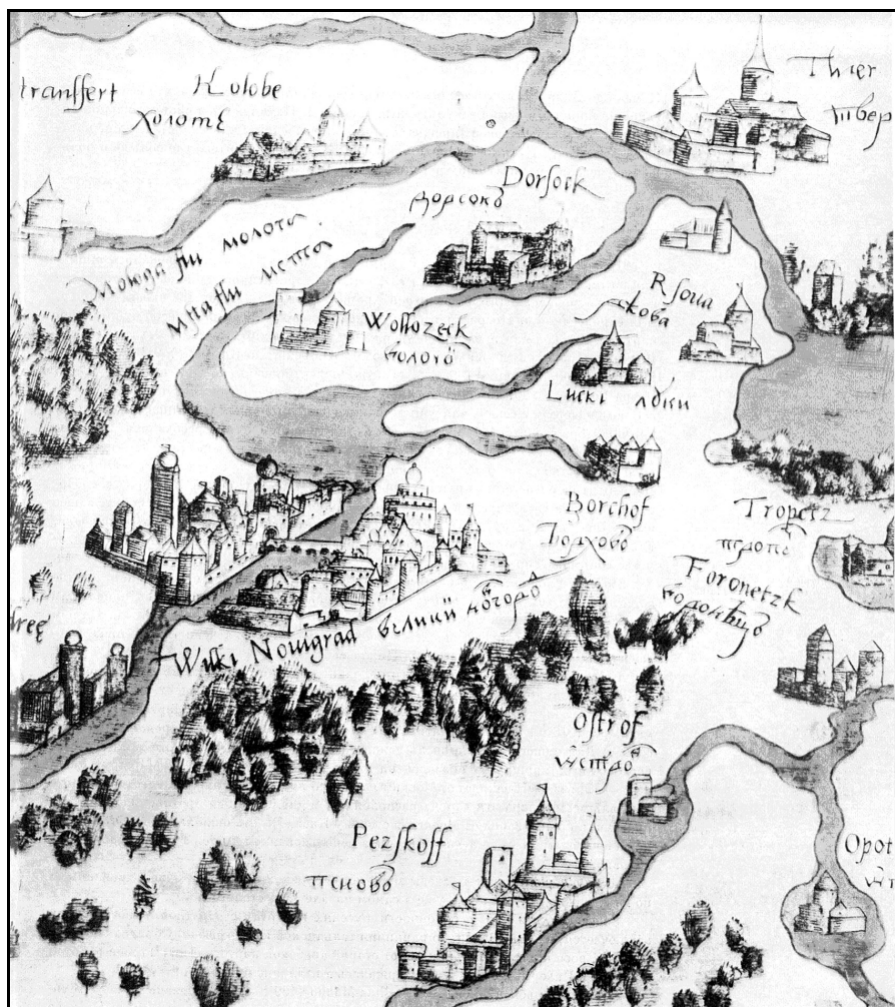

Рис. 52. Увеличенный фрагмент карты Ляцкого-Вида 1555г. [там же, 15]

Не зря на ней даже более отчетливо, чем на карте Аньезе–Герасимова, видны замкнутые через небольшие волоки системы водных путей: Волго-Донская (Волга – Ока – Упа – Дон); Волго-Днепровская (Волга – Вазуза? – Днепр), Волго-Зап.Двинская или комбинированные, так сказать, «сухопутно-водные» дороги через Псков, Великий Новгород и Вологду. Не зря на ней отдельно упомянуты земли Елены Глинской – она после смерти мужа была регентом при маленьком сыне, будущем Иване Грозном. Не зря показан реальный облик каждого города.

Но в 1555 г., когда она всё-таки была напечатана, её сведения заметно устарели. К тому времени великий князь московский и вся Руси Иван IV Васильевич (1530-1584), в три года потеряв отца и в восемь лет мать, достиг уже расцвета сил. Он венчался на царство в 1547 г. и в том же году возглавил свой первый поход на Казань, где годом ранее к власти пришёл ставленник Крыма, настроенный крайне враждебно к Руси Сафа-Гирей. Во время второго похода русскими был создан опорный плацдарм против Казани – крепость Свияжск.

В том же 1551 г., когда за один месяц была возведена Свияжская крепость, а сам турецкий султан Сулейман Великолепный писал владыке ногайской орды Измаилу: «... пришли времена Русского царя Ивана: рука его над правоверными высока. Уж и мне от него обида велика: Поле все и реки у меня поотымал, да и Дон у меня отнял, даже и Азов город доспел, до пустоты поотымал всю волю в Азове. Казаки его с Азова оброк берут и не дают пить воды из Дона. Крымскому же хану казаки Ивановы делают обиду великую, и какую срамоту нанесли! пришли Перекоп воевали» [Дела Ногайские №4, л. 39-41/ Савельев 2002, 222].

Помогли казаки и в походе Ивана IV 1552 г., завершившем Казанскую эпопею. Предание о том сохранил в своей «Истории или Повествовании о донских казаках» генерал А. И. Ригельман: казаки «вознамерились во взятии онаго города помочь Его Величеству. Сего для помянутой Атаман послал от себя некоторую часть Козаков своих к устью реки Дона и велел тамо, настрелявши довольно число птиц баб, коих там находилось весьма множественно, привезть великое количество перьев их. Сими перьями убрал он поверх одежды, с головы и до ног, войско свое, так пышно, что каждой человек представлялся превеличайшим страшилищем. Он вооружил их всех военною сбруею, как-то: копьями, ружьями, саблями, луками и стрелами и прочим, кто что имел, и повел их под Казань на помощь Царю, Ивану Васильевичу.

Приведчишь, принаровя в самую ночь, стал, не доходя города, неподалеку стана Царскаго, расклат в обозе своем огни, по-осеннему и морозному времени, для обогрения Козаков своих, а более для того, чтоб увидело их войско Московское. Сии, видевши чудовищ таких, коих огонь наипаче еще увеличивал и умножал число их, тотчас доложили об оном Царю» [Ригельман 1778 (1846), 4].

Это пополнение перед решающим штурмом было как нельзя кстати, хотя оно напугало не только чужих, но и своих, и ужас от их появления ярко изобразил генерал.

Опытные в осадном деле казаки, «приблизившись к Казанке речке, тотчас начали под оной рыть подкоп до города, которой вскоре и окончали, <...> коим превеликую часть города взорвало, и тем от дыму и земли солнце невидимо стало, чрез что от страха и ужаса во все стороны метались жители в городе.

В то ж самое время, как воспоследовал от подрыву треск, Донцы бросились на город, коих жители сочли не людьми, но некоими претрашными чудовищами, утрашась их смертельно, были полумертвы; они рубили и кололи их везде без пощады. Тогда де уже и Царь вошел в город, очистил от Татар оной, и ввел войска свои Московския, поставил везде караулы и определил в Казани наместника и воеводу; по окончание же всего того Царь, пришедших воинов оных дарил казною и другими полученными добычами, но Донцы ничего того не взяли, а просили чтоб только пожалованы были рекою Доном до тех мест, как им надобно, что им и не отказал.

Он им реку оную пожаловал и грамотою утвердить изволил, с тем, что, кто буде дерзнет сих Донских Козаков с мест их сбивать, тот да будет» проклят во веки веков; со оной же грамоты во все станицы войска Донскаго даны, для сведения Козацкого, списки, которые читаются при собрании их, в день Покрова Пресвятыя Богородицы, после обедни» [там же, 5].

После победы Иван IV, помня о многих нарушенных казанскими ханами клятвах, уже не стал подыскивать Казани очередного лояльного к Москве хана, а назначил казанским наместником князя Александра Горбатого-Шуйского. Царь повелел псковским зодчим Постнику Яковлеву и Ивану Ширяю возвести здесь наконец-то каменную крепость. Белокаменный кремль в Казани удался на славу. Он и поныне украшает этот город.

Астраханский хан Ямгурчей был раздосадован бедами своих единоверцев и родственников. В ответ он задержал московских послов. И уже в 1554 г. рати воеводы Юрия Пронского-Шемякина были отправлены к устью

Волги, разбили у Чёрного острова астраханское войско и затем без боя заняли Астрахань. Ямгурчей бежал в Азов. Власть в городе была передана его сопернику. Хан Дербыш-Али со всем населением 9 июля 1554 г. торжественно присягнул на верность русскому царю и дань на себя наложил.

Но и он не замедлил переметнуться на сторону одерживавшей тогда в Европе победу за победой Османской империи и подвластного ей Крыма. Русский посол в Астрахани Леонтий Мансуров с немногими людьми едва успел спастись. Письмо к царю он смог отправить лишь добравшись до казаков на Волге, на Переволоке: *«он сидел в малом городе у Волги и отбился от Астороханцов, и пошёл в судех вверх и пришёл к казакон в Зимьево, а с ним 350 человек, а всего с ним было 500 человек, и те иные побиты, а иные потонули и с голоду, идучи, померли* [ПСРЛ. Т. 13. 1904, 266].

Иван Грозный был вынужден в марте 1556 г. направить на Астрахань новое войско: *«голову стрелецкого Ивана Черемисинова с его стрелцы да Михаила Колупаева с казаки, да с вятчаны велел идти Федору Писемскому; да послал государь в прибавку голову ж стрелецкого Тимофея Пухова сына Тетерина с его стрелцы, да с вятчаны Федора Писемьского, да с ними атаманы многие с казаки»* [там же]. Именно казаки атамана Ляпуна (Филимонова) взяли город ещё до подхода основных сил. Прошлые ошибки учли. На этот раз в Астрахани оставили русских воевод, а в 1558 г. заложили первую русскую деревянную крепость в 12 км южнее старых ветхих её стен. Эта новая Астрахань уже показана на карте А. Дженкинсона, созданной на основе русского Чертежа 1497 г. (см. рис. 43).

Изменения на Волге явно вдохновили Британию на поиск новых торговых путей. Уже в 1557 г. Дженкинсон, доставив в Россию О. Г. Непею, занялся получением охранных грамот для своей экспедиции на юг. Царь не отказал послу Елизаветы I, по совместительству представителю «Moscovy company», и в апреле 1558 г. англичанин отплыл из Москвы по направлению к Каспию, откуда караваном добрался до Бухары, а затем вернулся тем же маршрутом обратно в Москву.

Собранные им сведения сохранил отчёт компании, но они заметно расходятся с данными его карты (табл. 4).

Таблица 4. Сравнение данных отчёта и карты 1562 г.

Русские топонимы	1068 м вёрсты	Топонимы отчёта	4828 м лиги/вёрсты	Топонимы карты
Москва	/в. КБЧ	Moskva	вёрсты	Moskua
Коломна	160/90	Collom	20/90	Kolom
Перевитеск	57/40	Terrevetisco	9/40	Tereuetisko
Переяславль	89/50	Peroslave	8/36	Pereslaue
Старая Рязань	83/30	old Rezan	6/27	prona
Терехов	71/50	Terrecovia	12/54	tereksioue
Касимов	125/80	Cassim	–	Cassim gorode
Муром	180/70	Morom	20/90	Morum
Нижний Новгород	190/135	Nyze Novograd	25/112	Nisnouogorod
Василь-город	160/130	Vassiliagorod	25/112	Vasiligorod
Чебоксары	103/90	Sabowshare	16/72	Shaboghshar
Свияжск	110/–	Swyasko	25/112	Suiatsko
Казань	15/20	Cazane	–	Cazane gorode
река Кама	75/60	Kama	15/67	Cama
Тетюши	50/60	Petowse	20/90	–
Увек, от Казани	900/520	Oweke - Cazane	200/900	–
из лиг - Камышинка	215/110	Perewologдо Дона	2/9	pereuolok
Астрахань, от Увека	900/ -	Astracan - Oweke	200	Astracan

Как видно из табл. 4, помимо указанных в предыдущей главе нестыковок по времени, на карте и в отчёте есть также различия в топонимике и в длине интервалов, если сравнить его лиги (4-й столбец слева, где 1 лига = 4828,032 м), переведённые в вёрсты (1 верста = 1066,781 м) с реальными вёрстами (второй столбец слева) лоций Оки и Волги. Зато они неплохо соответствуют вёрстам «Книги Большому Чертежу» (второй столбец справа) до Терехова и явно отличаются от них на Нижней Волге.

К тому же, если бы карту англичанин составил по измерениям во время своего плавания, то не было бы ни пропусков, ни крупных расхождений их размеров с реальными вёрстами из лоций XIX столетия. Впрочем, он и сам в отчёте о своей экспедиции в Бухару отметил, что провёл лишь измерения «широты в некоторых важнейших местностях в России и в других странах» [Английские...1937, 189], показанных в табл. 5.

Таблица 5. Широта мест, выделенных Дженкинсоном

Важнейшие местности в России и в других странах	Град. мин.
Москва	55 . 10
Новгород Великий	58 . 26
Новгород Нижний (Меньший)	56 . 33
Колмогоры	64 . 10
Вологда	59 . 11
Казань	55 . 33
Увек (Oweke)	51 . 40
Астрахань	47 . 09
Устье Волги	46 . 72
Мангышлак за Каспийским морем	45 . 00
Ургенч в Татарии в 20 днях пути от Каспия	42 . 18
Бухара, город в Татарии в 20 днях пути от Ургенча	39 . 10

Из таблицы 5 видно, что помимо места сбора каравана в Нижнем Новгороде, англичанин выделил в 1558 г. три важнейших местности на Волге – это Казань, Увек и Астрахань. Экспедиция Дженкинсона состоялась спустя всего два года после завоевания москвитями Астрахани. То есть обстановка там, видимо, ещё была близка к ситуации до завоевания Москвой Понизовья. Ещё не было похода турецких янычар на Астрахань, не было страшных плавных ратей, не было массового исхода казаков с Волги в Сибирь, на Яик и на Дон. И если Увек на полпути между Казанью и Астраханью [там же, 170] им указан одним из трех важнейших для торговли мест Понизовья после этого взятия, то видимо, он был им и до взятия войсками Ивана Грозного Нижней Волги.

Излишен вопрос, с кем здесь собирались торговать англичане. От Увека до Червлёного Яра на р. Хопре было рукой подать. Да и на всём правом берегу Волги казаки были у себя дома. Жизнь понемногу возвращалась на истерзанную татарскими нашествиями Восточную Русь.

Ещё в 1569 г. взятый татарами в плен русский посол Семён Мальцев, указал у «Переволоки» «два городка русских казаков», где его караван мог бы укрыться, а он избежать плена [«Речи» Семёна Мальцева / Садиков 1947, 136]. В статейном списке Б. Благого 1586 г. указано, что ногайские послы жаловались на казацкие городки: «На Волге и на Еике, и на реки Еми произставили городки многие» [Татарские дела. РГАДА, Ф. 131, Д. 2, Л. 404 / Трепавлов 2002, 345]. В 1567 г. первые «государевы городки» появляются и на Кавказе: на Тереке и Сунже.

Продвижение русских на Кавказ обеспокоило крымских татар и Великую Порту. Поэтому в качестве упреж-

дающих мер султан Селим II, сын Сулеймана Кануни, решил восстановить царство Астраханское. Турки давно разработали план: «велел Турский хану приготовить 1000 телег под наряд; пойдут Турки с большим нарядом на судах Доном до речки Иловли, на устьи Иловли класть им наряд и телеги в малые суда и плыть Иловлею вверх до речки Черепахи, до которой от Иловли будет у них переволока вёрст с семь, а речкою Черепахою идти им вниз до Волги; за Волгу им возиться против Черепашского устья на Ногайскую сторону и идти к Астрахани сухим путём» [Соловьёв кн. 2, 1896, стб. 214-215].

Позднее Селим II для переброски под Астрахань тяжёлой артиллерии решил соединить Дон с Волгою каналом. Для осуществления сих грандиозных планов весной 1569 г. он отправил сухим путем под начальством кафинского пашы Касима до 25000 крымских всадников, 30000 янычар с пашой Палеги и на 300 галерах 15000 снарядов, а также множество тяжелых пушек, землечерпательных машин и прочее под охраной 5000 янычар, многих татар, 3000 землекопов и гребцов.

Султан приказал, соединив Дон с Волгой, на обеих реках поставить крепости. Войска стянулись в район Камышинской Переволоки. Начались земляные работы. Из-за явной невыполнимости повеления султана (этот канал не удалось создать позднее и Петру I) турецкое войско возроптало. Тогда паша велел тащить суда из Дона в Волгу волоком, отправив тяжелые пушки назад к Азову. Но без них, всего лишь с двенадцатью легкими орудиями, город взять было невозможно. К тому же с севера на помощь уже спешил воевода князь Серебряный.

«Истребив турок на Переволоке, казаки и русские

войска двинулись на судах и степью к Астрахани и стремительно напали на неприятеля. Турки и крымцы с большим уроном отступили и засели в возведенных ими укреплениях. Но скоро они стали чувствовать недостаток в съестных припасах. Вышедший на добычу отряд татар был истреблен донскими казаками. Приближалась зима. Турки оставили свой лагерь и пустились в бегство по направлению к Азову. Казаки их преследовали и истребляли. Больше же всего они гибли от холода и голода. По дороге их также подстерегали и истребляли черкесы. Из всей армии едва возвратилось в Азов до трех тысяч» [Савельев 2002, 233].

В последующие годы война всё более смещалась на запад. В 1571-ом Девлет-Гирей с крымским войском палит Москву, в 1572-ом произошла великая битва при Молодях в 50 км южнее Москвы, где русская армия с отдельным казацким войском противостояла крымской армии и поддерживавшим ее отрядам турок и ногайцев.

Страшный разгром шедшего садиться на своё новое царство Девлет-Гирея отозвался и на берегах Волги с Яиком. «Воевали...нас московские люди, Сарачик взяли и улусы воевали. У нас ... у самих жены и дети московской царь поимал в полон и юрты наши пожег» – жаловались Девлет-Гирею прибывшие в Бахчисарай ногайские гонцы в начале 1574 г. [Крымские книги РГАДА, Ф. 123, Д. 14, Л. 256 / Трепавлов 2002, 339].

Судя по сохранившимся документам, для сдерживания тяготевших к Крыму и османам ногайских ханов Москве были крайне удобны почти независимые от государства казацкие городки. Царь всегда мог пригрозить склонным к мятежу ногаям: «повелим вас самих вое-

вать и ваши улусы козаком астарыханским и волским, и донским, и казанским, и мецкерским – и над вами над самими досаду и не такову [как над Сарайчиком] учинят» [Ногайские книги и столбцы РГАДА, Ф. 127, Д. 10, Л. 46 об./ там же, 342]. Но сдерживать ногайцев, подстрекаемых Турцией и Крымом, после неудач в конце Ливонской войны 1558–1583 гг., когда Москва терпела поражения от поляков и шведов, было всё сложнее.

Хотя не менее сложно было сдерживать и казаков, в своих частых боевых столкновениях с ордынцами мало оглядывавшихся на грозные оклики Москвы. Например, на Соснов Острове (совр. г. Хвалынский) будущий герой взятия Сибири Иван Кольцо с казаками дары царю и полсвиты ногайцев перевёз, а посла В. Пелепелицына с ногайским послом князя Уруса забыл. В гневе за те утраченные дары и побитых ногайцев Иван Грозный *«велел тех волжских атаманов и казаков имая, казнити смертью»* [Дела ногайские, кн. 10, л. 261]. Впрочем, как говорят летописи, сам Ермак тоже послов басурманских не жаловал: *«послы персидские, бухарские и казибанские, были в Москве и получили царского величества милость и наградительное жалованье и с тем по реке Волге вниз плыли в Астрахань, и оный разбойник, Ермак, нападе на них и поби, и животы их пограбиша...»*

Против казаков на Волге в 1577 г. царь послал плавную рать воеводы Мурашкина: *«многие посылки ратных людей на сего атамана Ермака по указу царя посланы были. И он же атаман Ермак с товарищи русскую рать побил»* [Сибирская летописи 1907, 368].

Но оставаться на прежних местах было опасно. Благо *«в лето 7087 году, апреля в 6 день, слышаху бо сия Семен*

и Максим и Никита Строгановы от достоверных людей о буйстве и храбрости поволских казаков и атаманов Ермака Тимофеева с товарищи, како на Волге на перевозех Нагайцов побивают и Ардобазарцов грабят и побивают, и тии людие, слышав то про их буйство и храбрость, и людей своих с писанием и з дары многими послаша к ним, дабы шли к ним в вотчины их и Чюсовские городки и острошки на вспомоганье им» [там же, 8].

Судя по Строгановской летописи, казаки жили у них 2 года и 2 месяца, с 28 июня 1579 г. по 1 сентября 1581 г., прежде чем двинулись за Урал. Благодаря походу Ермака и его товарищей с Волги в Сибирь сохранились землеописания с прежними мерами русских землепроходцев.

1579 г.: *«Не доходя Казанского царства за 60 поприщ, вверх по великой реке Каме поиде судами з дружиною своею храброю <...>. И от устья Камы реки вверх по Каме реке прошел город Рыбную, Чертово городище, Алабуху, Саранул, Осу, городы с уезды побрал и покорил под его государское величество. И приде по той же реке Каме вверх живущего мужика Строганова вотчины»* [там же, 368]

1581 г.: *«Атаманы ж и казаки идоша по Чюсовой реке вверх до Усть Серебряные реки четыре дни и по Серебряной идоша два дни и доиде Сибирския дороги и ту городок земляной поставиша и назвав его Ермаков Ковуй городок, и с того места перевезися 25 поприщ за волок на реку, рекомую Жаравли, и по той реце поидоша вниз и вышед на Туру реку; ту бе и Сибирская страна»* [там же, 11].

Усилиями казаков русские земли начали стремительно расширяться. В том же 1581 г. в Москве узнали, что крымское войско вместе с азовцами и ногайцами вновь вторглось в русские пределы. По словам крымских

«языков», в набеге участвовали «ногайских людей одного Урусова улуса, по вестем 15000, а Урмагметя-мурзы и других мурз улусов тысяч до тридцати». И уже 5 мая Боярская дума приговорила «*послать наскоро на Волгу... чтобы волские казаки над теми людми, которые пойдут с полоном с Руси, приходили, и над ними промышляли... и перевозов бы вперед из Астрахани судов под нагайские люди, которые похотят возитя с крымские стороны на нагайскую сторону... не давать и их не перевозить, а на улусы не приходить*» [Славянская 2004, 563].

Казаки прекрасно поняли подтекст этого решения. У них оказались развязаны руки. Хорошо знакомой им дорогой с древней Куйабы, а тогда из станицы Увешенской на Яик было каких-то несколько дней пути. А потому ответный удар на Сарайчик был молниеносен – уже осенью в грамоте хана Уруса сообщалось, что казаки «*ныне, сего лета пришед, Сарачик сожгли и разорили*» [Ногайские книги и столбцы РГАДА, Ф. 127, Д. 10, Л.145 / Трепавлов 2002, 340].

От этого, в общем-то, заслуженного обвинения государева Дума не замедлила традиционно откреститься: «*А мы к Сарачику и на Волгу не посылавали, сами козаки своровали*» [там же, 341]. После того повторного сожжения Сарайчика ногайцы хана Уруса были вынуждены отодвинуть свои кочевья подальше от русских границ в устье Яика, а другая ногайская орда Бек-мурзы откочевала ещё далее, к Ургенчу, «*у Волги боятица жити от волских Козаков воинь*» [там же, 343].

Та же картина была и на берегах Днепра. В 1575 г. запорожские казаки под командованием гетмана Богдана Рожинского, взяв Перекоп и опустошив татарские

земли, совершили морской поход, захватили и разграбили Трапезунд, Синоп и даже окрестности Константинополя. А вернувшись из него, по дороге заняли и разрушили турецкую крепость Аслам-Кермен, возведенную в устье Днепра для пресечения их выходов в море.

Первый морской набег донских казаков, предпринятый ими в 1585 г. на крымское побережье от Кафы до Балаклавы, так потряс турок, что на следующий год они решили засыпать протоки Мёртвый Донец и Каланчу, дабы преградить тем путь к морю. Запорожцы в 1585-ом совершили поход под мешавший им Очаков, который, правда, смогли захватить лишь в 1587 г.

Уже самые первые казацкие морские походы показали, что преграды, созданные татарами и турками на пути к Чёрному морю, преодолимы. И хотя вначале успехи казаков были скромными, но то были лишь предвестники великих сражений XVII столетия на Чёрном море. Русские возвращались на их Русское море.

Стремительное расширение границ страны требовало новых чертежей. А старые карты разнообразными путями всё продолжали расходиться по научным трактатам и атласам. Например, веронец Александр Гваньини, командовавший пехотой в Витебске у Стефана Батория, выпустил в 1578 г. в Кракове трактат «*Sarmatiae Europaeae descriptio: quae Regnum Poloniae, Lituaniam, Samogitiam, Russiam, Massouiam, Prussiam, Pomeraniam, Liunioniam, et Moschoviae, Tartariaeqve partem complectitur*». Показав в нём земли Московии, он дал развёрнутое описание прежнего Чертежа Василия III с его княжествами. Ту же картину можно увидеть также на «картах княжеств» Меркатора 1595 г. и Н.Сансона 1658 г. (рис. 53).

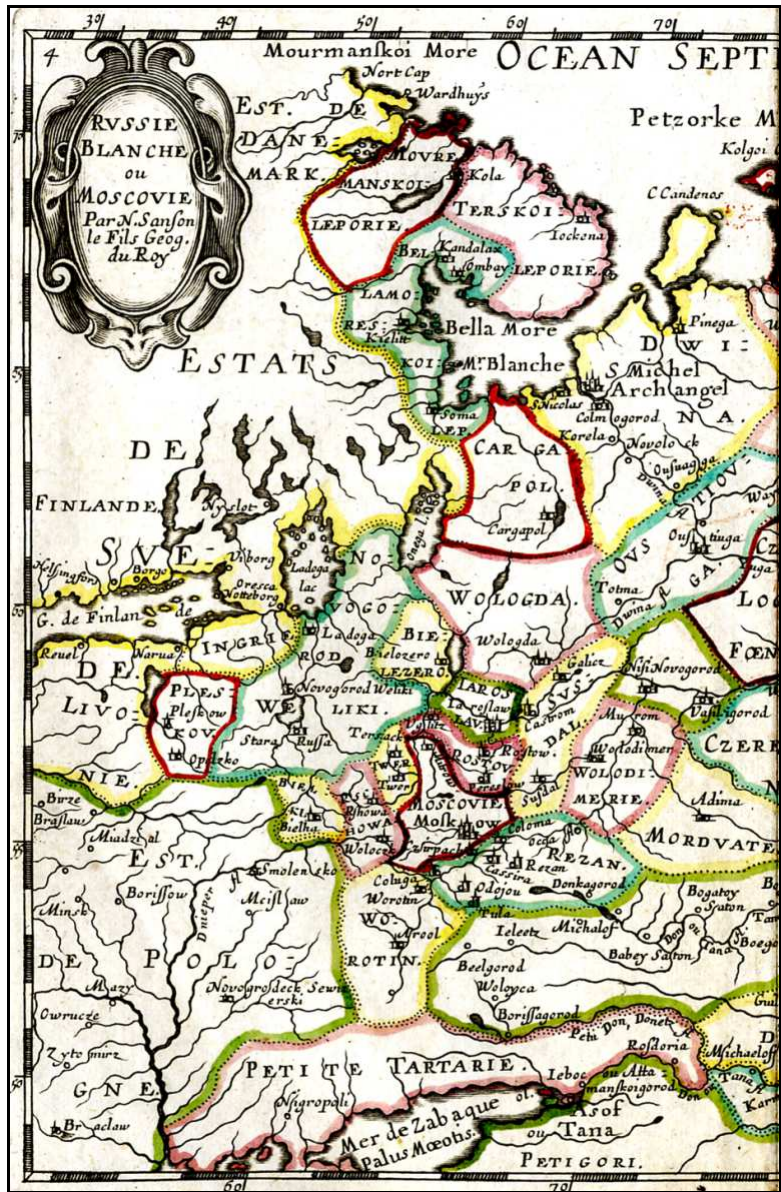
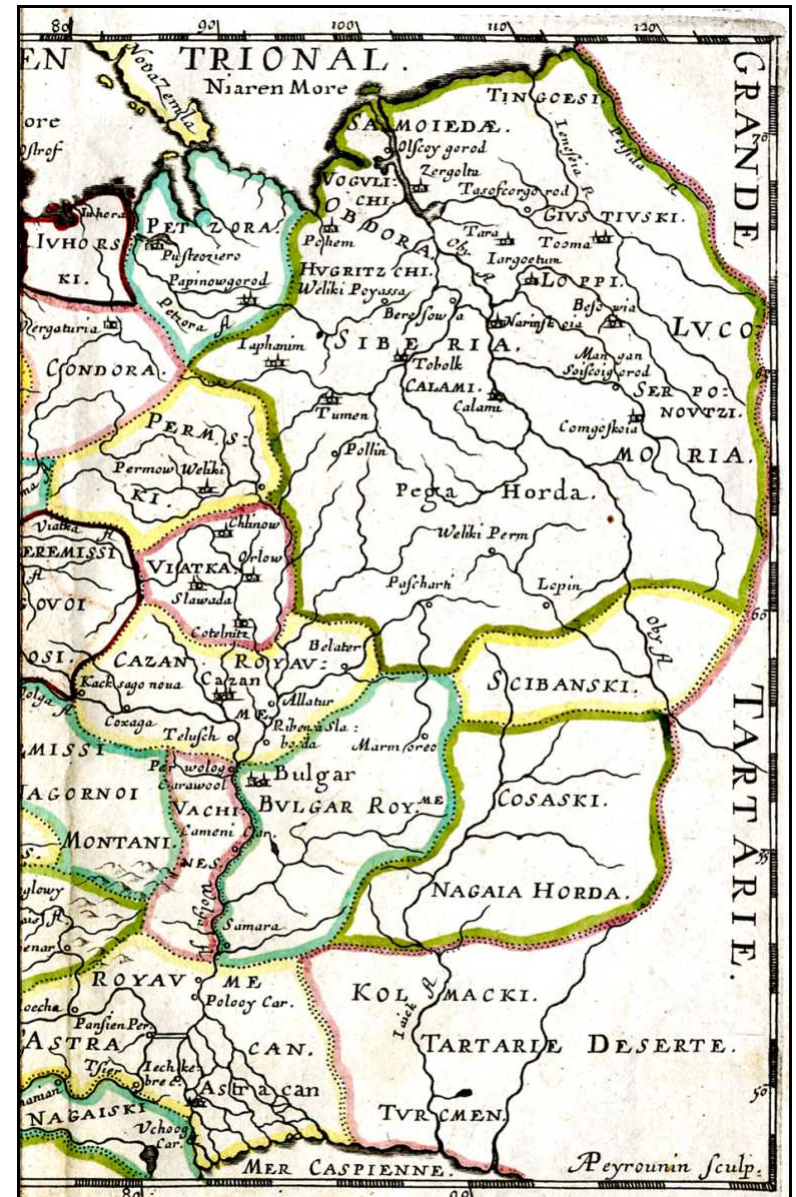

Рис. 53. Карта «Rvssie Blanche ou Moscovie» Николая Сансона из

атласа «Cartes generales de toutes les parties du monde» 1658 г.

Проблему для европейских картографов составили земли, не попавшие в состав земель Всея Руси Василия III. И если Сансон в середине XVII в. уже мог дополнить свою карту фрагментами Большого Чертежа, созданного по указу Ивана IV, то Меркатор в конце XVI в. был вынужден довольствоваться лишь слухами да сведениями с карт Птолемея. Поэтому у него на карте так много ошибок в Понизовье Волги и Дона (рис. 54):

Рис. 54. Фрагмент карты Меркатора 1595 г.

- ✓ Васильсурск у него превратился в два города – Сурск и Васильгород;
- ✓ раздвоились также Кама и Свияга;
- ✓ на Волге меж устьями рек Самары и Иргиза вдруг встал Булгар;
- ✓ в низовьях Дона воскресли античные Exapolis, Nabaris и раннесредневековая Tvia, перекочевавшая с Днестра на Дон;
- ✓ Увек (Uiek) тоже переместился на безымянный приток Дона, хотя по широте показан относительно верно меж реками Иргиз (Vrgis) и Еруслан (Ouruslave);
- ✓ под городом Вехима, вероятно, следует понимать разрушенный Тимуром Бельджамен и т.д.

Тогда как у Н.Сансона река Кама уже одна, да и Булгар переместился на своё законное место южнее Камы и заметно севернее реки Самары. Но зато по Нижней Волге произвольно рассыпались «караулы» Христофора Бэрроу, служащего Московской компании, участника шестого путешествия в страны Персии и Мидии по открытию новых мест торговли. В своём отчёте тот указал:

- Ярославль (место погрузки на барки, вышли 14.09.1579);
- Нижний Новгород (проверка грамот – стоянка 3 часа, 17.09.1579);
- Казань (стоянка 4 суток из-за противных ветров и укомплектования команды 22 – 26.09.1579);
- Тетюши – (3 часа, 28.09.1579);
- Увек – (12 часов, 5.10.1579);
- Переволока (без остановки, 10.10.1579);
- Астрахань (16.10.1579) [Английские путешественники... 1937, 264–265], которые дополнили шесть караулов ниже Переволоки: «Царицын-караул» на острове в 7 вер-

стах от нее, «Каменный караул» – в 120 верстах от Переволоки, «Ступино-караул» в 50 верстах от Каменного, «Полый караул» – в 120 верстах от Ступино, «Кизеюр-караул» – в 50 верстах от Полого, «Икчебри» – в 30 верстах от Кизеюра и в 30 верстах от Астрахани.

223 старых 1000-саженных версты от Царицына на острове до Астрахани неплохо соответствуют 491 новой 500-саженной версте от Царицына до Астрахани справочников XIX в. А так как англичанин указал вёрсты, это говорит о русских измерениях, возвращая нас к теме Большого Чертежа эпохи Ивана Грозного.

Чертежи в это время уже полностью вошли в государственный быт. Во второй половине XVI в. были созданы новый Большой Чертеж, Волжская Лоция, с коих, вероятно, и позаимствовал данные Х.Бэрроу, и многие прочие карты [Александровская 1989, 13].

Большой Чертеж эпохи Ивана Грозного стал естественным продолжением развития русской картографии XVI в. Не случайно на одной из копий сопровождавшей чертёж описи сохранилась запись В. Н. Татищева: *«Книга Большой Чертеж всему русскому государству... **ушнен сей чертеж в давних годех, а переписан и пополнен при царе Иоанне Васильевиче. К тому дополнил в конце и примечания положил в 1744 г.»*** [Книга Большому...1950, 24, выделено С.Б.]. И хотя на основании известных сегодня документов не представляется возможным назвать точную дату его создания, но наиболее вероятно, что он переписан и пополнен по указу Ивана IV до 1570 г.

Чертежи XVI в. сопровождали «рописи», размножать которые было намного легче, чем сами карты. Эта методика передачи картографических данных имела

широкое распространение. Благодаря ней сохранилась информация «Большого Чертежа». И хотя сам он утрачен, но мы всё же знаем содержание *«чертежа всему Московскому государству по все окрестные государства»* [там же, 49].

Хотя главных чертежа уже тогда было два: 1-й – *«чертеж всему Московскому государству по все окрестные государства»* и 2-й для юга страны – *«другой чертёж <...> от царствующего града Москвы Резанским, и Северским, и Польским городом; от Ливен от города тремя дорогами до Перекопи: дорогою Муравским шляхом, дорогою Кальмиускою, середнею дорогою Изюмскою против розрядные старые росписи, что зделана роспись в Розряде при прежних государех, от Ливен до Перекопи, и от Перекопи до Козлева, и, до Бакчисарая и Альмасарая, и до Корсуни, и до Кафы, и до Крыма, и до Балыкля...»* [там же].

Их общая роспись, так называемая «Книга Большому Чертежу» (КБЧ), объединила их в Большой Чертеж Ивана Грозного. Она была переписана в 1627 г. в Разрядном приказе по царскому указу и содержала данные этих официальных источников («старого» и «нового» Больших чертежей, который был подновлён чертежником Афанасием Мезенцовым). Ныне «Книга Большому Чертежу» рассматривается как официальный по своему происхождению памятник.

Впервые КБЧ была издана в Петербурге Н. И. Новиковым ещё в 1773 г. под названием «Древняя Российская Идрография, содержащая описание Московского государства, рек, протоков, кладезей и какие в них города и урочища и на каком оные расстоянии». Показанные в

ней земли простирались с востока на запад от Оби до Двины и с севера на юг от Белого до Чёрного и Каспийского морей. Несмотря на то, что базисом генеральной карты Московии служили реки, Чертеж показывал также пути на юг, расстояния между городами при неплохой для своего времени точности, абсолютно чёткой структуризации информации, когда от истока до устья описывалась основная река бассейна, а по мере впадения в неё притоков давались их описания.

Каждый из тех чертежей имел свой масштаб, но вот совмещение их описаний в общий текст без возможности взглянуть на изображение привело к некоторым накладкам. И в настоящее время приходится эти масштабы уточнять по реальным интервалам между указываемыми пунктами, а заодно уточнять время составления отдельных фрагментов Большого Чертежа.

Взять, к примеру, вёрсты КБЧ по Волге. От истока вниз по Волге использовались вёрсты 1,4 км. Расстояния вплоть до Чебоксар указывались последовательно от пункта к пункту. Затем точкой отсчёта становится Казань. Именно от неё указаны расстояния до Свияжска (20 в.), до устья Камы (60 в.), до Тетюшей (120 в.). Самара почему-то указана от устья Камы.

Далее ещё интереснее: сначала текст чётко указывает: «А ниже Самары **200 вёрст** город Саратов» [там же, 140], а затем: «от Самары 100 вёрст пала река Сызан; а ниже Сызани реки с луговые стороны 120 вёрст пала в Волгу река Елаш-Иргыз. <...> А ниже Иргыз реки 30 верст Караман <...> а ниже Карамана реки 40 верст на Волге город Саратов» [там же, 143]. Всего **290 вёрст**. Причём текст с реками по-прежнему использовал вёрсты

в 1,4 км, а вот прямой интервал от Самары до Саратова на стр. 140 уже 1000-саженные вёрсты по 2,1336 км.

Это единственное место по всей Волге, где до города с одним названием показаны два разных интервала:

$$290 \times 1,4 = 406 \text{ (км)}$$

$$200 \times 2,1336 = 426,72 \text{ (км)}$$

Разница составила 20 км или около 10 вёрст в 1000 саженной. Причём эти 1000-саженные вёрсты шли в тексте и далее: «а на Волге реке против Саратова остров. А ниже того острова с нагорной стороны пала в Волгу река Увеша; а ниже её городище Увешенское; а ниже Увеша **60 верст** пала в Волгу река Иловка. А ниже Иловки **50 верст** пала в Волгу река Камышенка. А ниже Камышенки **40 верст** пала речка Балыклея. <...> А ниже Балыклея **80 верст** на Волге остров Царицын; <...> а на острове город Царицын» [там же]. Тогда как современный километраж показывает расстояния между ними вдвое больше.

То есть это была не ошибка, а те два Саратова, о коих расскажут документы начала следующего XVII в.: Саратов на 406 км – это небольшая деревянная крепость, созданная московскими стрельцами у устья р. Саратовки, а Саратов на 426 км – более древнее поселение напротив Увека. Поэтому вёрсты далее в КБЧ указаны от реки Увеша и разрыва в километраже нет, так как до этого было сказано: «А Увеша пала в Волгу против города Саратова, выше городища Увешина» [там же, 85].

Город Царицын указан ещё на острове, и лишь в поздней копии КБЧ № 1330 есть дополнение «А ныне с тово места перенесен, стоит с Крымской стороны Волги» [там же]. Расстояний до Астрахани в вариантах КБЧ 1627 г. нет, они появятся лишь в поздней Тобольской ре-

дакции. Но мы их помним из описаний караулов Бэрроу. Видимо, они исчезли автоматически после замены караулов на города Самару, Царицын, Саратов, когда из Большого Чертежа просто вынули утративший актуальность лист с исчезнувшими точками отсчёта.

Ведь описания Волги, Дона и особенно Днепра, у которого на юге в абрис даже мили закрались [там же, 110-111] показали, что Большой Чертёж имел сложную структуру. Помимо обзорной карты-схемы с основными опорными пунктами он имел подшитый к ней внушительный атлас (по-русски – Чертёжную книгу) с подробными картами основных путей плюс описания к ним. А так как они были созданы в разное время разными людьми, то появился разнобой в единицах измерений. Не случайно в самом начале КБЧ указано, что *«в том чертеже мера верстами, и мильми, и конскою ездою, сколько ехать днем станичною ездою на день написано, и мера верстам положена»* [там же, 49]

Видимо, Большой Чертёж был немного похож на привычный для автомобилистов XX в. дорожный атлас СССР, где вначале шёл сборный лист, а затем последовательно показаны намного более подробные карты областей с указаниями километража между отдельными пунктами, а потом сами отдельные трассы. Потому и было отмечено, что старый чертеж *«избился весь и развалился»* [там же], а может, кто и намеренно вынул скрепляющий шнур, чтобы часть карт извлечь.

В XVII в. по тому же принципу С.У.Ремезов создаст «Хорографическую чертежную книгу Сибири», а иноземцы начнут копировать уже новую обзорную карту России.

XVII век: великие мореходы 1000 лет спустя

Голод в самом начале XVII в. надорвал станковую жилу страны: *«Того же лета (7109, то есть 1601 – С.Б.) августа в 29 день во всем Московском государстве мороз побил весь яровой хлеб и рожь <...>. И был голод в Московском государстве велик зело 3 годы, и многие люди от глада померли»* [Анонимная летопись 1971, 143].

13 апреля 1605 г. умер царь Борис Годунов. Двух месяцев не правил его несчастный сын. 30 июля 1605 г. венчался на царство Лжедмитрий I, убитый уже в мае 1606 г. В стране настало Смутное время, когда самозванцы один за другим сменяли друг друга, прокладывая дорогу польским, шведским и прочим желающим отхватить свой кусок русского пирога. В 1611 г. шведы взяли Новгород, Сигизмунд III заявил о присоединении России к Речи Посполитой. Карты Московии стали крайне необходимы. Но из-за захвата городов по всей стране, включая столицу, русские документы и карты в великом множестве гибли в огне пожаров.

Уцелели очень немногие достоверные источники, несмотря на то, что царствование Годунова с 1598 по 1605 гг. ознаменовалось заметным сближением России с Западом. Царь звал иноземцев на службу, освобождал их от налогов, давал право беспошлинной торговли. На той

волне попал в Россию Исаак Масса (1587–1635). Он родился в г. Гарлеме, происходил из старинной благородной, но обедневшей нидерландской фамилии. Его отец торговал сукном. Масса, благодаря самообучению, приобрёл солидный запас знаний, и родители в 1601 г. отправили юношу в Россию для изучения торгового дела.

Он скоро выучился русскому языку, прожил восемь лет в Москве. Любознательный юноша стал собирать данные о земледелии и истории России, очень увлекся эпохой Ивана Грозного и, благодаря расположению ряда вельмож и приказных людей, ему удалось узнать о многом. В 1609 г. все иностранные купцы были депортированы. Масса вернулся на родину, где обработал свои материалы.

Результатом его трудов стало «Краткое повествование о начале и происхождении современных войн и смут в Московии до 1610 г.» с приложением плана Москвы, снятым с оригинала, данного ему одним русским. Однако рукопись Массы была издана только в XIX в. – юный автор был неизвестен на родине.

А вот известный картограф Гессель Герритс сумел по достоинству оценить данные, собранные Исааком Массой в России. В свой сборник «Beschryvinghe vander Samo-yeden Landt in Tartarien» 1612 г. (Амстердам) Герритс включил две статьи Массы о Сибири, а также карту Массы севера России, датированную 1611 г., где в левом углу карты дан словарик русской топонимики.

Вероятно, именно Масса доставил чертежи Московии, ставшие базисом знаменитой карты России Г. Герритса TABULA RVSSIAE. В Россию Масса вернулся в конце 1612 г., где исполнял при русском дворе дипломатиче-

ские поручения своего государства, пользуясь расположением новой династии. Герритс же издал в 1613 г. свою карту. На ней, пусть и с ошибками, показаны новые города, созданные в последней четверти XVI в.: Кокшага, Самара, Саратов, Царицын на Волге; Борисов у Сев. Донца; Михаил Архангел в устье Северной Двины; Тобольск у слияния Иртыша с Тоболом; Берёзов на Сев. Сосьве близ Оби и др. И она поразительно схожа с «Новой и достоверной всея Европы картой» Петра I.

На картуше карты Г. Герритса (рис. 55) указано, что она создана по автографу царевича Федора Борисовича (1589–1605). Может, юный царевич действительно упражнялся в географии по старым картам отца, нанося на них вновь создаваемые города Поволжья и Сибири – на эту мысль наводит название города Кокшаги, названного новым, а он именовался так в 1584 г., за пять лет до рождения Фёдора. Кстати, именно в том году Борис Годунов стал наместником царств Казанского и Астраханского, и ему тогда, вероятно, было необходимо знание земель, перешедших в его ведение.

Сравнение карт 1613 и 1721 гг. (рис. 56) позволяет понять причины ошибок Герритса. Обе карты явно имели первоосновой русские чертежи последней четверти XVI в. О том говорят, кроме Новой Кокшаги обеих карт, г. Тюмень (1586 г.), г. Михаила Архангела (1584), будущий Архангельск, г. Борисса у Северского Донца, созданный Богданом Бельским в 1599 г. у слияния р.Оскол с р.Бахтин, названной Герритсом р.Богдан и так далее. Но протограф карты Европы Петра I, видимо, показывал лишь европейскую часть России. На него ни Урал, ни Обь не попали. Самой восточной рекой стала Печора.

Рис. 55. Фрагмент карты Гесселя Герритса 1613 г.

Рис. 56. Фрагмент «Новой и достоверной вся Европы картъ» Петра 1721 г.

А вот Волга на карте 1721 г. обрублена ещё до устья Камы. Видимо, далее начиналась, в полном согласии с православными летописными канонами эпохи патриарха Никона и его последователей, часть Симова, то есть Азия. На этой карте граница России на юго-западе показана по реке Донец, а на западе Киев, который вернулся в состав России в 1654 г., указан ещё за границей. То есть перед нами действительно русская карта конца XVI столетия.

И хотя на обеих картах уже есть градусная сетка, но она пока выполняла лишь декоративную роль. Но само её появление говорило о заметном влиянии европейцев, во множестве прибывавших в Москву как при Иване Грозном, так и при Борисе Годунове.

Судя по карте Петра Великого, именно её протограф Герритс назвал автографом царевича Фёдора Борисовича. Но для создания своей карты Герритсу была нужна ещё и азиатская часть Московии. Потому ему пришлось создать своеобразный коллаж. Он приклеил к карте царевича созданный совершенно в ином масштабе чертёж Астраханских земель, произвольно нанёс на него известные ему со слов Массы города Самару, Саратов, Царицын, а также мифическую засечную черту от Саратова до Днепра меж Доном и Окою. Изображение Оби он позаимствовал, судя по Китайскому озеру, с широко известной к тому времени благодаря популярным атласам Абрахама Ортелиа карты А.Дженкинсона.

Впрочем, подобные географические изыски не так уж и выделялись на общем фоне зарубежных сочинений о далёких землях России той эпохи. Так, например, псевдо-Фоскарини, автор «Relazione dell' Imperio o Ducato di Moscovia», то есть «Донесения о Московии» 1557 г., тоже

никогда её земель не видал, но на диво лихо «доносил» о пигмеях, скифах, готах с заснеженных просторов Московии [Огородников 1913, 1-44]. А автор «Discorso...» Франческо Тьеполо, хотя и ознакомился с трудами С. Герберштейна, М. Меховского, П. Иовия, И. Барбаро, А. Контарини [Аннинский 1940, 312], но всё же в своём «Рассуждении...» 1559/1560 г. не смог удержаться от упоминаний гипербореев: *«между владениями короля Швеции и гиперборейми тянется высокая и широкая горная цепь, от которой отходит весьма широкое ответвление чрезвычайной высоты и почти везде очень большой крутизны, простирающееся почти до провинции Сибиер, населенной ногаями»* [там же, 329].

Франческо Тьеполо в Московии тоже не был, это были его измышления. Но современные любители мифов, опираясь на него, всё ещё ищут Гиперборею на Кольском полуострове. Впрочем, те же проблемы и на Волге, где, ссылаясь на растиражированную подделку Герритса, крепость Саратова 1590 года основания уже второй век ищут и, чаще всего к юбилеям, находят на самых разнообразных урочищах правого берега, если безоговорочно довериться изысканиям местных краеведов.

Они гордо опираются не только на карту Герритса, но и на его первоисточник – карты самого И.Массы. В 30-х годах XVII в. тот на закате дней выпустил серию карт России под своим именем. Его общая карта «NOVISSIMA RVSSIAE TABULA Authore Isaaco Massa» (рис. 57) чуть изменилась к лучшему с коррекцией масштаба астраханских земель. Благодаря ей Царицын встал на своё место к истокам Ахтубы и исчезла никому неведомая засечная черта. Но остальные погрешности

карты остались: на Волге Тетюши опять выше устья Камы, Саратов в 30-е гг. XVII в. на правом берегу, к Дону идёт Ров (Fossa), на Днепре Киев снова выше устья Десны и т.д. Сравнение её с картой Н.Сансона из атласа «Cartes generales de toutes les parties du monde» показало, что лучше бы Масса ничего не правил. А так, несмотря на караулы, генеральную карту Большого Чертежа Ивана IV всё же лучше передал главный картограф французского короля Н.Сансон (см. рис. 53).

Границы Московии на карте Н.Сансона показаны западнее Смоленска и Новгорода Северского, а Киев не только не включён в состав её земель, но его вообще нет на этой карте. На юго-востоке граница показана между Волгой и Яиком, отражая реальную политическую ситуацию до начала Смуты в России.

Ведь с продвижением во время Смуты польских и шведских войск на восток были отторгнуты многие русские земли. И когда Масса выпускал свои карты, он не мог не знать, что по Столбовскому договору 1617 г. к Шведскому королевству отошли русские города: Ивангород, Ям, Копорье, Корела, Орешек с уездом, а также вся река Нева. Россия потеряла выход в Финский залив. Земли Ингигерды, так называемую Ингерманландию, сможет вернуть почти век спустя лишь Пётр I.

Поляки по Деулинскому перемирию 1618 г. получили ещё больше: Смоленск, Рославль, Дорогобуж, Белую, Серпейск, Трубчевск, Новгород-Северский, Чернигов, Почеп, Стародуб, Невель, Себеж, Красный, Попову Горю и Монастырский с окрестными землями. И только в 1654 г. Россия сможет вернуть Смоленск, Северские земли и всю Левобережную Украину к югу от них.

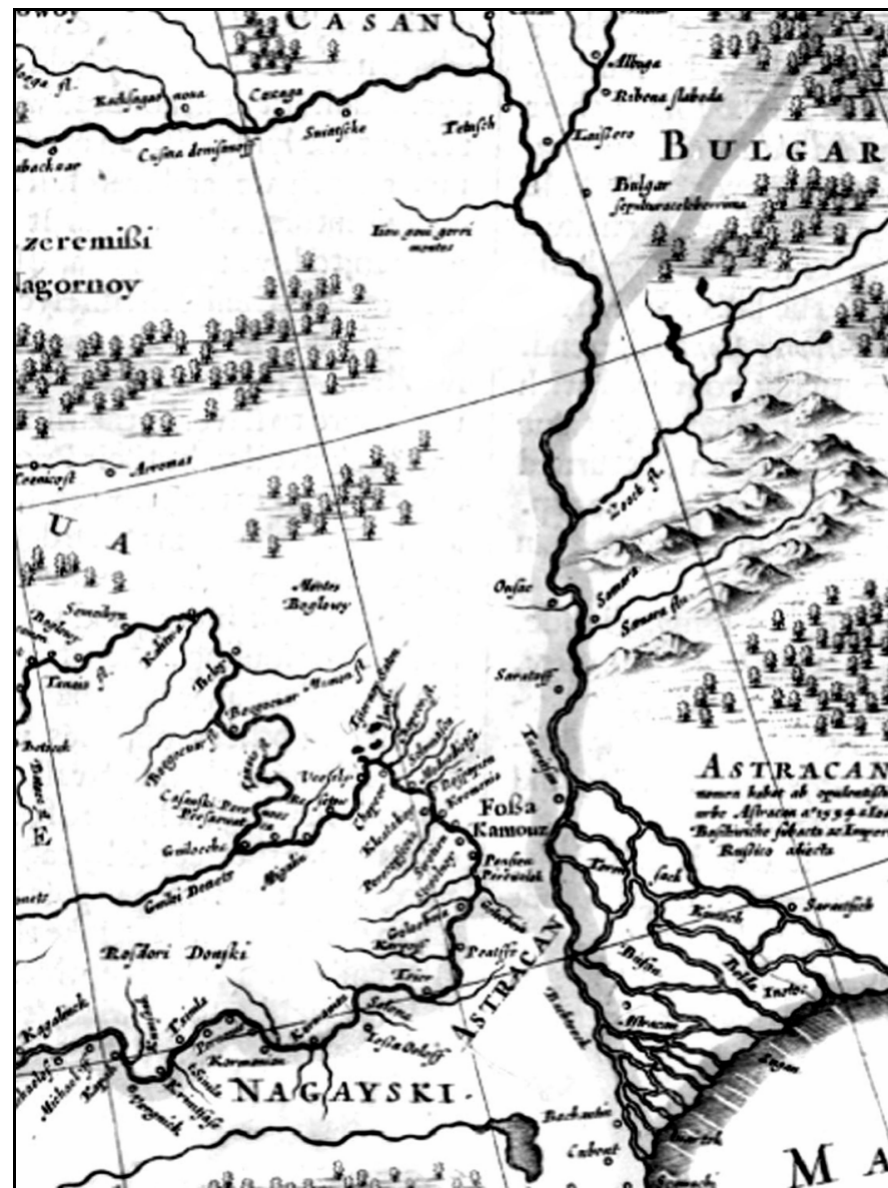

Рис. 57. Фрагмент карты И.Массы 1635 г. с границей России по Волге

Эти договора однозначно доказывают, что Н.Сансон не случайно включил в свой атлас «Генеральные карты всех частей мира» обзорную карту Большого Чертежа Ивана Грозного. С точки зрения дипломатии главный картограф короля Франции поступил абсолютно верно. И мы должны быть ему чрезвычайно признательны за сохранение этой уникальной карты.

Большое число новых документов, порождённых Смутой, когда войска перемещались почти по всей территории Восточной Европы, позволяет уточнить многие запутанные вопросы географии России той эпохи. Пути к Москве самозванцев и их союзников, сборы и продвижение Первого и Второго ополчений к заповенной поляками столице, бегство захватчиков и попытки реванша – всё это ярко осветило жизнь многих малоизвестных до того регионов.

Взять, к примеру, бегство царицы Марины Мнишек с сыном на Волгу из-за избрания нового царя. После освобождения Москвы руководство двух ополчений приступило к подготовке избирательного Земского собора. С середины января 1613 г. целый месяц шли соборные заседания по обсуждению кандидатур на русский престол. Ожесточенные споры завершились в феврале, когда безвестным галицким дворянином и донским атаманом Филатом Межаковым было предложено имя нового царя всея Руси – 16-летнего Михаила Федоровича Романова. Именно эту ветвь старой династии поддержали тогда казаки и служилые люди. 21 (11) июня 1613 г. Михаил Романов венчался на царство.

Но не все согласились с законностью его избрания. Наиболее весомыми противниками были польский

королевич Владислав и выдающийся деятель первого ополчения казачий атаман Иван Мартынович Заруцкий. Владислав воевал на западном направлении. Заруцкий же, взяв с собой «царицу» Марину Мнишек и её малолетнего «царевича», которым в сложившейся ситуации грозила неминуемая смерть, двинулся на юг.

Стараясь их перехватить, ринулся за ними в погоню из Тулы князь Одоевский с войсками, *«и скоро пришла от него весть, что он сошелся с Заруцким у Воронежа, бился с ним два дня без отдыха и побил наголову, наряд, знамена, обоз взял, языков многих схватил, коши все отбил, и Заруцкий с немногими людьми побежал в степь, за Дон, к Медведице. Так доносил воевода, но летописец говорит, что воеводы Заруцкому ничего не сделали, что он побил множество воронежцев и ушел к Астрахани»* [Соловьев 2010, 180-181].

Документы извещают, что в это время была сожжена Саратовская крепость. Войско ли Заруцкого разорило её? Или саратовские стрельцы, не получив зимних припасов и пополнения (годовальщиков), уходя в Самару сами запалили обветшавшую крепость, дабы не послужила она неприятелю? Насколько катастрофичной была ситуация в крепостях Понизовья, говорят скупые строки самарского воеводы Лопаты-Пожарского марта 1614 г.: *«Самара имеет всего 127 стрельцов, из коих 50 местных и 77 из Саратова. Последние – "люди розоренные, с Саратова пришли в Самарской душею да телом... послати не смею: стрельцы бедны, наги, безконны"»* [Бушев 1987, 32].

Судя по документам, атаман Заруцкий, заняв Астрахань, начал собирать силы к новому походу на Москву для воцарения малолетнего Ивана Дмитриевича (1611–

1614 г.), коего он активно поддерживал, протестуя против решения Земского Собора. Уже 28 марта 1614 г. в Самаре стало известно, что Заруцкий готовится к крупному походу вверх по Волге «с большим нарядом и с вогняными пушками под Самарский и под Казань» [Дубман 1991, 56]. Москва понимала – на Волге может разгореться ужасающий пожар новой Смуты. Потому весной 1614 г. для борьбы с Заруцким были спешно отправлены стрельцы вниз по Волге на Астрахань.

Волжская сумятица дала всплеск новых документов о регионе в самом начале правления Михаила Романова. Наиболее интересным из них в плане сравнения локализации Саратова с данными Большого Чертежа стала «Память стрелецким головам № 273». Она гласила: «Лета 7122 мая в 23 день <...> вы приехали **на Саратовское городище** Мая в 21 день: и вы из Самары отпущены под Асторохань Мая в 17 день, а велено вам ехать к Асторахани наспех, днем и ночью, и вы ехали от Самары до Саратовского городища полчетверта дни, а пишете к нам отнимаетесь погодою, а вам было в легких стругах под погодою мочно ехать наспех, погода вас не издержала; а вы то делаете не гораздо, Государевым делом не радеете, что едете мешкотно, заезжали есте **на Саратовское городище и копали ямы и искали поклажеев, а от города заезжали к Саратову близко 10 верст**, и прислали ... колокола; а мы вас послали под Асторохань наспех, а не ям копать и не поклажеев искать и не для колоколов» [Акты исторические. Т. III, 1841, 441. Выделено С.Б.]

Еще в 1923 г. А. А. Гераклитов логично и весьма убедительно доказал, что под Саратовским городищем

следует понимать сожжённую зимой 1613/14 г. крепость Саратов 1590 г. основания. Но возникает вопрос, а тогда в какой Саратов эти колокола были завезены?

Существование в 1614 г. двух городов с именем Саратов, одного сожжённого зимою и второго здравствующего уже в мае, к тому же на расстоянии **десяти вёрст**, никак не может быть объяснено воссозданием новой Саратовской крепости, как полагали прежде саратовские краеведы. Саратовское городище находилось в то время в буферной зоне между казацкими соединениями атамана Заруцкого, засевшего на юге, и присягнувшей новому царю Московией.

Невозможно, чтобы во время ожидаемых боевых действий, о которых стало известно уже в марте, кто-то начал бы воссоздавать Саратовскую крепость, причём когда Волга ещё не вскрылась, и сплавить лес для её стен было нельзя. То есть не было ни людей для строительных работ, если вспомнить размер и состояние самарского гарнизона, ни материалов. Да и, судя по документам, очередной воевода князь Фёдор Черново-Оболенский прибудет сюда для создания новой крепости Саратова лишь спустя два года.

Вывод один – в полном соответствии с данными Книги Большому Чертежу некоторое время на расстоянии 10 старых 1000-саженных вёрст друг от друга существовали два поселения: крепость Саратов 1590-1613 гг. и более древний Саратов, куда стрельцы в мае 1614 г. и завезли колокола. Не зря его название упомянуто при критике дел астраханских воевод, служивших до 1588 г., в указе № 230 [там же, 436-437], то есть за два года до основания Саратовской крепости.

Те колокола свидетельствуют о православии населения старшего Саратова. Видимо, это были казаки, контролировавшие ранее почти все переправы Нижней Волги. Потому воеводы в него не направлялись, и он нам почти не известен по официальным документам. Впрочем, как и стоявшая напротив Увешенская станция, чаще называемая тогда и сегодня просто Увек.

К сожалению, генеральные Чертежи сохраняли только опорные пункты. Да и как было показать все населённые пункты подробно, если территория страны стала очень быстро расти. Помещать её на стандартный лист становилось всё сложнее. При правлении Михаила Фёдоровича Романова (1613-1645 гг.) к России были присоединены земли по Яику и Енисею, Прибайкалье и Якутия. За какие-то 30 лет русские люди прошли всю Восточную Сибирь и вышли к Тихому океану.

Когда в 1601 г. на реке Таз с боем была основана будущая «златокипящая» Мангазея, никто и предположить не мог такое стремительное продвижение на восток. Но уже в 1607 г. воевода Мангазеи Жеребцов поставил в устье р. Турухана укрепленное зимовье.

В 1619 г. отряд тобольских казаков во главе с Максимом Трубочаниновым и Максимом Рукиным возвёл трёхбашенную деревянную крепость Енисейск.

В 1627 г. в качестве воеводы в Енисейский острог прибыл Пётр Бекетов. На следующий год в низовьях Ангары он поставит Рыбинский острожек, а в 1631 г. во главе отряда из тридцати казаков, сплавляясь по р. Лене, создаст острог, позднее названный Якутском.

В 1638 г. во время похода атамана Дмитрия Копылова по р. Алдан русские впервые услышали от эвенкийского

шамана Томкони о существовании на дальнем юге, за хребтом, большой богатой реки «Чиркол»: *«Есть де близко моря река Чиркол, а на той реке Чирколе гора, а в ней серебряная руда, а окол тое руды живут в орде сиделья многие люди, а живут домами своими, устроены дворы, а городов у них никаких нет и иных крепостей нет же, а ис той руды плавят серебро. А у тех сидельных людей во всех деревнях устроены пашины и лошадей, и всякой животины много»* [Полевой 1963, 27].

Россия тогда крайне нуждалась в серебре, и Копылов решил отправить опытного казака Ивана Москвитина разведать путь до той горы. От эвенков русские узнали, что гора «близко моря» и второе название р. Чиркол - «Омур». Преодолев ряд рек и речушек в августе 1639 г. отряд Москвитина, состоявший из тридцати одного томских и красноярских казаков, по р. Улье вышел к Охотскому морю. Перезимовали там и сделали морские суда: *«А на весну пошли на море на святой неделе, а суда делали зимой по осьми сажень. А морем шли с вожами подле берег к гиялтцкой орде к островам»* [там же, 29].

Судя по «распросным речам» И. Ю. Москвитина, записанным в Томске 28 сентября 1645 г., они дошли морем до устья Амура. Лишь из-за своего малолюдства и скопления здесь местного населения казаки были вынуждены повернуть назад, отказавшись от намерения пройти в устье Амура к Серебряной горе, под которой подразумевалась реальная гора Оджал с коренными выходами золота и серебра в низовьях Амура, прежде называемая Серебряной горой [Эдельштейн 1905, 264-265].

Но речи казаков о богатствах края и их примитивные чертежи вызвали не только волну новых экспедиций на

восток, но и попали позже на многие русские и европейские карты (рис. 58).

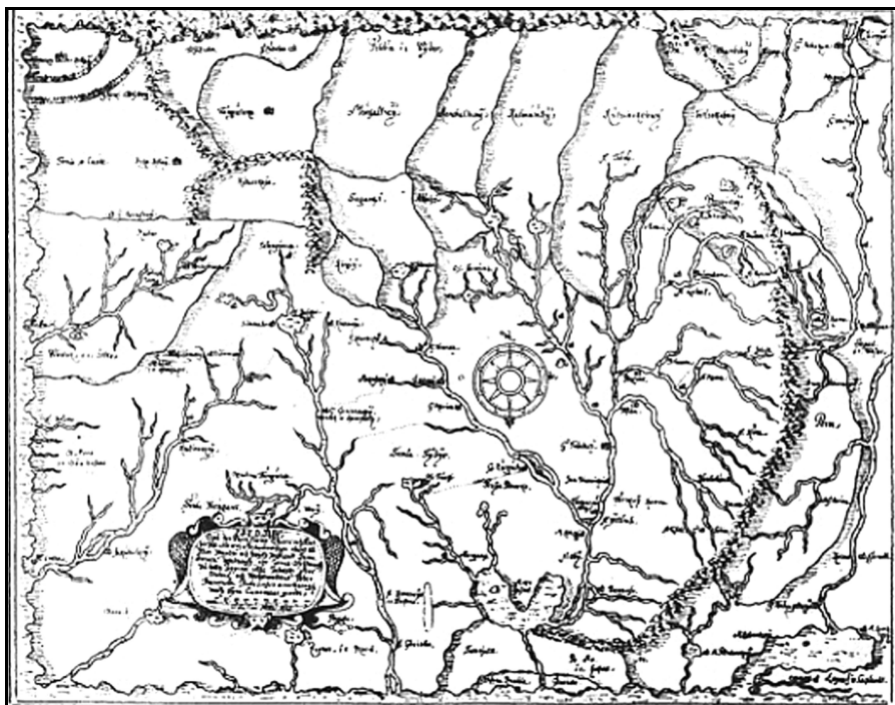

Рис. 58. Шведская копия «Чертежа Сибирской Земли» П.Годунова 1667 г.

В это же самое время активные действия казаков после небольшого перерыва на Смутное время возобновились и на юге страны, причём их морские походы проводились тогда почти ежегодно:

1612 г. – гетман Петро Сагайдачный организовал морской набег на турецкое побережье.

1613 г. – морской поход на Крым и на Очаков.

1614 г. – поход уже на Синоп, где 2000 казаков, разрушив крепость и перебив гарнизон, ограбили арсенал,

подожгли мечети, освободили пленников-христиан. Общий убыток от того налёта турки оценили в 40 миллионов золотых монет.

1615 г. – донские казаки напали на Азов и Кафу, запорожские добрались до Босфора и Константинополя, где взяли нескольких прибрежных поселений и пристаней. Погнавшийся за ними турецкий флот был разбит близ Дунайского устья, а его командующий, капудан-паша, попал в плен.

1616 г. – поход на Кафу, где, освободив пленников и спалив город, казаки пересекли море и, напав на Трапезунд и Синоп, взяли их приступом, а затем вернулись домой через Азовское море.

Царь Михаил Фёдорович, взойдя на престол разорённой страны, опасался новых военных конфликтов, а потому корил казаков в грамоте от 29 июля 1617 г.: *«Дошло до нас известие, что пришли к вам с Запорог две тысячи человек, ходили на море, взяли многие турецкие города и много добычи, теперь же они стоят у вас в войске и хотят идти под Азов. Мы удивляемся, как вы это делаете без нашего указа»* [Сборник грамот И.Прянишникова, с. 25 / Савельев 2002, 295].

Но казачество продолжало всё активней продвигаться как на восток, так и на юг. Ему не нужны были царские указы. «Сары аз ман» – сам себе царь, величал себя казак той эпохи. «Сари кумыш казаклер», то есть казаки – камышовые цари, язвили турки, глядя на борта их юрких чаек, надставленные камышом и лозою. А видели они их почти вдоль всего Черноморского побережья.

В 1621 г., пройдя вдоль западного побережья, казаки добрались до пригородов Константинополя, сожгли Га-

лату над Золотым Рогом, по ходу позаимствовав порох, ядра и орудия на турецких кораблях, которые везли их под Белгород для наступавшей на север армии турецкого султана Османа II.

В 1624 г. казаки вновь громили Трапезунд, обрушились на мешавший им в походах Азов, где взяли приступом две башни, разрушив их до основания, а захваченные там девять пушек перелили на колокола.

В 1628 г. казаки сожгли в Крыму города Карасу-Базар, Балаклаву и другие, после чего с большой добычей вернулись домой.

В 1629 г. подобный поход предприняли две тысячи казаков, взявшие Бахчисарай и Мангуп-кале, не считая менее укрепленных пунктов. Затем они двинулись к берегам Румелии, где, поддержанные подоспевшими запорожцами, одержали блестящую победу над флотом султана и обратили турок в позорное бегство.

В 1630 г. 1400 казаков на 28 стругах разгромили Керчь, Трапезунд, практически дошли до бывшего Царьграда. Они не прибили щит к его воротам, как в десятом веке, лишь за отсутствием щитов. Но рушницами, пистоллями да пушками они действовали не хуже своих великих предков.

В 1637 г. началось знаменитое Азовское сидение, когда отбитая казаками у турок крепость Азов, древняя Тана в устье Дона, стала вольным городом. При взятии Азова было освобождено около 2000 православных пленников. Казаки совершали немислимые подвиги – они верили «своему», ими избранному царю, верили в будущую прекрасную жизнь, если не в этом, то в лучшем мире. Вера помогала преодолевать безмерные трудности.

Поддержка оружием и припасами подпитывала их наивную веру в царя, в высшую справедливость. В 1637 г. царский посланник Иван Чириков привёл караван из 49 судов с государевым жалованьем в виде пороха, 84 пищалей с 4200 ядрами к ним, 40 поставов сукна, 400 четверт. сухарей, толокна и круп, 16 бочек вина, а также 2000 рублей. В 1638 г. на Дон доставили царское знамя, 100 пудов пороха, 150 пудов свинца.

Османская империя не задержалась с ответом. Но флот Пиали-паши казаки разбили ещё у Керченского пролива. И у крымского хана осада Азова не заладилась. В октябре 1638 г. он тоже поворотил коней к дому. Смена султанов дала небольшую передышку. В июне 1641 г. под стены Азова, где собралось тогда до 6000 казаков и 800 их жён, прибыла 120 000 турецкая армия. Казаки выдержали 24 штурма (рис. 59). Город выстоял.

Рис. 59. Азовское сидение (Н. А. Драгунов, Б. Н. Крыжевский 1957 г.)

В ночь на 26 сентября 1641 г., турецкая армия, потеряв до трети личного состава, включая убитого каффинского пашу Юсуфа и заразившегося под Азовом и умершего по возвращении крымского хана Бахадыр Гирея, спешно отступила.

Но за три месяца непрерывных обстрелов от крепости не уцелело почти ничего. Сплошь изранены были её защитники. Не оставалось припасов. Было принято решение обратиться к Москве за помощью.

Царь 30 апреля 1642 г. ответил: «к нам Великому государю писали о том же, что вам города Азова держати некем, и чтоб нам велети Азов город принять и воеводу и ратных людей послати; а вы учнете жити по прежним своим местам. И ныне нам Великому Государю ведомо ученилось подлинно, что у Ибрагим Султана под Азов Турские и Крымские и иных Государств многие ратные люди больше прежняго, и идут под Азов морем и сухим путем вскоре; а осадя Азов, хотят идти воевать наши украинные городы; и ныне нам город Азова принять и воевод и ратных людей послати не к делу, и быти им в таком разоренном месте немочно <...> и жалея мы Великий Государь о вас атаманах и казаках и о всех православных Христианех, чтоб кровь Христианскую уняти, город Азов велели покинути и из него вам выдти на старья свои места, в которых местех преж сего жили, чтоб вас неверные бусурманы, пришедши, не побили» [Прянишников 1864, 77].

Казаки исполнили волю царя. Тогда турки, вернув азовский плацдарм и заново отстроив крепость, уже в 1644 г. ринулись вверх по Дону, сожгли Монастырский, Черкасск, Маныч, другие городки. Сколько тогда проли-

лось христианской крови, не знает никто. Азов вновь стал реальной угрозой югу России. Малодушие царя, судя по событиям последующих лет, включая азовские походы Петра I, непомерно дорого обошлось стране.

Хотя понять Михаила Романова как человека можно. Он уже был тяжело болен. Как сказал А.С.Пушкин: «и под старость захотел отдохнуть от ратных дел». Для защиты с юга в его правление была создана Белгородская засечная черта. В её пределах, он, видимо, и рассматривал свои земли, а она была в верховьях Дона (рис. 60).

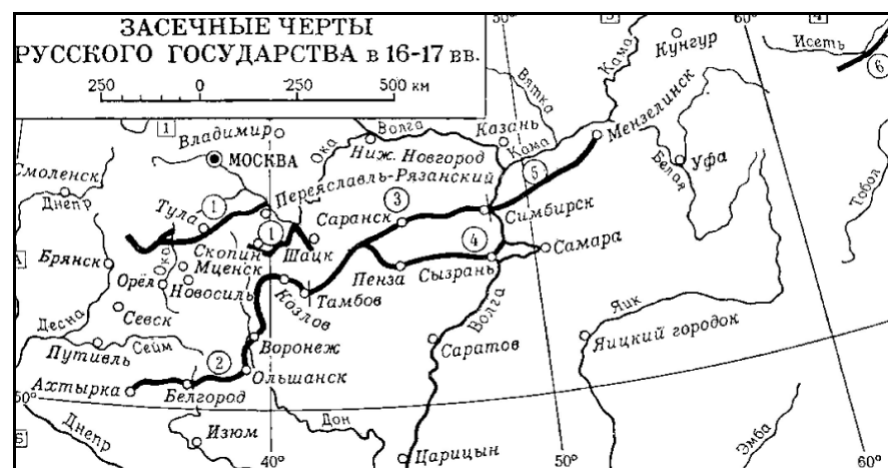

Рис. 60. Засечные черты. Цифрами обозначены: 1 – Большая засечная черта (1521-1566 гг.); 2 – Белгородская (1635-1646); 3 – Симбирская (1648-1654); 4 – (1683-1684); 5 – Закамская (1652-1656); 6 – Исетская (1685) (БСЭ)

Активные военные действия требовали всё новых и новых чертежей. К 1645 г., началу царствования Алексея Михайловича, в Посольском, Разрядном, Тайном, других приказах скопилось множество «чертежей» территорий России. Ещё более их было создано в его правление. В приказных росписях их перечислено бо-

лее четырехсот. Так, опись чертежей Тайного приказа только по Волге указывала семь названий чертежей полосы от Самары к Персии периода 1658–1676 гг.:

1. От Воронежа по реке Дону, городам и казачьим городкам до Азовского моря, да по Волге от Симбирска.
2. Хвалынскому морю и реке Волге с протоками.
3. Городам по Яику, Волге и Тереку.
4. Реке Волге, учугам на ее протоках и островам Хвалынского моря.
5. Восток и запад, полдень и полночь Кизылбашским (персидским – С.Б.) городам.
6. Астрахани и окрестным островам.
7. Самаре, Волге и р.Рождественке [Постников 1985, 128].

Данные в описях чертежи в большинстве своём утрачены, но обнаружены сотни других, не упомянутых в документах инвентаризации того времени. В результате поисков удалось выявить и описать 935 русских географических чертежей. И это не удивительно.

С приходом к власти молодого царя политика заметно переменилась. Уже в 1646 г. казакам было отправлено усиленное жалованье. В письме от 15 марта 1646 г. царь просил помочь московской рати Пожарского и Кондырева в нападении на Крым с суши и моря. Впрочем, вскоре внимание Москвы переключилось с южного направления на западное.

В 1647 г. Богдан Хмельницкий был пожалован гетманством запорожским. Его действия были неожиданны для всех сторон. Заключив договор с крымским ханом, он с запорожскими казаками и с татарами разгромил поляков под Корсунем, где те потеряли 127 офицеров и 8520 рядовых. Украина взволновалась. Смерть

польского короля Владислава способствовала разрастанию смуты. Под клич «веди на ляхов!» Хмельницкий со своими казаками дошёл до Львова, с которого взял огромный окуп. Вернувшись с того похода, он торжественно въехал в Киев. Следующая крупная битва состоялась под Зборовом и завершилась новым поражением Речи Посполитой. После чего был подписан крайне непродолжительный Зборовский мир.

Поляки собирали все силы, объявили посполитое рушение, то есть поголовное вооружение шляхты. В феврале 1651 г. война началась снова. 20 июня 1651 г. под Берестечком на реке Стыри соединённые силы татар и украинских казаков потерпели от шляхтичей сокрушительное поражение. Литовский гетман Радзивилл занял Киев, разграбил казну Печерского монастыря, разорил многие православные храмы.

Военные действия на том не закончились. Богдан Хмельницкий запросил помощи у Москвы. Переяславская рада с украинской стороны и Земский собор с российской в 1653 г. приняли решение о воссоединении России и Украины. И уже весной 1654 г. войска во главе с царём Алексеем Михайловичем двинулись на запад. Поляки оставили без боя Дорогобуж. Были взяты Невля, Белая, Полоцк, Рославль, Мстиславль, Орша, Гомель, Могилёв... Но Смоленск держался. Лишь 23 сентября 1654 г. литовские воеводы, покидая Смоленск, сложили знамёна к ногам московского царя. Если в начале XVII в. карты были нужны для продвижения польских войск на Московию, то во второй его половине они спешно понадобились уже для выбора их пути обратно. Картографы не успевали оперативно менять вид её границ (рис. 61).

Рис. 61. Фрагмент карты *Estats de la Couronne Pologne* Н.Сансона 1663 г.

Под шум тех баталий и донские казаки воспрянули духом. В 1652 г. они во главе с атаманом Раздорского городка Иваном Богатым вновь добрались до стен Царьграда. Разгромили его предместья, взяли огромную добычу, разбили на Чёрном море погнавшихся вслед за ними турок и без потерь в людях вернулись на Дон.

В 1653 г. атаманы Иван Богатый и Фёдор Будан возглавили морской поход 1700 казаков по маршруту Крым – Трапезунд – Триполи, откуда после схватки с турецким флотом казаки с победой и богатейшей добычей вновь счастливо вернулись домой [Донские дела 1913, столб. 698-699].

В 1657 г. атаман Корнил Яковлев с донскими казаками на 33 стругах опустошил всё южное побережье Крыма и вернул домой много русских пленников. Точно так несколько лет спустя будет поступать и его знаменитый крестник, Степан Разин.

В том же году умер Богдан Хмельницкий, и Корсуньская рада избрала гетманом Ивана Выговского, положив тем начало Руине на украинской земле. Новый гетман был видным представителем узкого круга разбогатевшей за годы войны казацкой старшины. Этот круг влекли шляхетские вольности Речи Посполитой. И уже 6 сентября 1658 г. он заключил Гадячский договор с поляками с возвращением земель польской короне. Это была явная измена как народу, вернувшая простым казакам и крестьянам Украины роль «хамов» при беспредельном господстве шляхты, так и царю, которому Выговский и его окружение присягали в 1653 г.

20 декабря татары и верные Выговскому казацкие Каневский, Черкасский, Чигиринский и Корсунский

полки дали бой московскому князю Ромодановскому. В апреле 1659 г. состоялась печально известная Конотопская битва, где было побито и в полон поймано 4769 человек [Бабулин 2009, 127-128]: *«цвет московской конницы <...> сгиб в один день; пленных досталось победителям тысяч пять; несчастных вывели на открытое место и резали как баранов»* [Соловьев 2010, 260-261]. На север пошли крымские татары. Опустошая земли Елецкого, Ливенского, Курского, Воронежского и других уездов, они угнали в Крым более 25000 человек.

В Москве началась паника. *«В августе по государеву указу люди всех чинов спешили на земляные работы для укрепления Москвы. Сам царь с боярами часто присутствовал при работах; окрестные жители с семьями, пожитками наполняли Москву, и шел слух, что государь уезжает за Волгу, за Ярославль»* [Елисеев 2010, 261]. И в следующем 1660 г. Москва жила в страхе. Дела в Малороссии шли тяжко. Победы сменяли поражения. Велика была опасность удара с тыла.

Поэтому в мае 1660 г. по поручению Войска Донского Степан Разин и Фёдор Будан отправились заключать договор с калмыцкими тайшами. Они успешно справились со своей сложной и опасной дипломатической миссией. В сентябре они подкрепили заключение договора государевым жалованьем калмыкам: *«И дьяк Иван Горохов великого государя з грамотою и з жалованьем к Дайчину тайше поехал в то ж время с Казбулатом мирзою Черкасским вместе, да донские казаки Федор Будан да Степан Разя»* [Калмыцкие дела 1660. Д.5. Л. 48-49/ Крестьянская 1954, 28]. А ранней весной 1661 г. очередная дипломатическая миссия Будана и Разина к калмыкам состоялась

уже по вопросу обмена пленными. Тогда сопровождал их к Дайчину тайше калмыцкий мурза Баатырка Аянгеев [Донские дела 1661. Д. 1. Л. 2-6 / там же, 27].

Замирение с калмыками весной 1660 г. было великим даром донцов чрезмерно напуганной новой военной невзгодой Москве. Сложно сказать, что произошло бы, если с востока ко всему прочему двинулись на Москву ещё и калмыцкие орды.

Велика вероятность, что общались Будан и Разин с калмыками вблизи Увека, под Саратовской крепостью. Во-первых – в 1660-м дело было практически летом, когда калмыки откочёвывали к северу. Во-вторых, уж слишком явные подсказки даёт местная топонимика, невольно подталкивая к вопросу – не об этом ли Фёдоре Будане хранит память Буданова гора с сохранявшимся на ней ещё в 1736 г. Будановым городищем, как показывает «Большой чертёж окрестностей Саратова» Трумпичковых [Браташова, Максимов 2008, 182-200]. Тем более что по соседству с нею был Разинский бугор.

Тем временем военные действия русско-польской войны продолжались с переменным успехом, пока у обеих сторон силы не иссякли окончательно. Из-за общего истощения обороноспособности заметно возросла угроза крымских набегов и турецкой экспансии.

Поэтому 30 января 1667 г. обе стороны заключили Андрусовское перемирие. По нему поляки отказывались от Смоленска, Дорогобужа, Белой, Невеля, Вележа, Красного, северских земель с Черниговом и Стародубом. К тому же Россия сохраняла за собой свою древнюю столицу Киев с его пригородами.

После завершения в 1667 г. русско-польской войны

надобность в казачестве у Москвы отпала. Пошедшие по традиции на службу казаки уже в том же 1667 г. вернулись домой ни с чем, более того, выпрашивали у царя хоть что-нибудь на обратный путь, чтоб с голоду не помереть. Так как на самом Дону в XVII веке своего хлеба не было. Даже в войсковой грамоте от 9 марта 1690 г. указывалось: *«есть ли кто станет пахать землю и сеять хлеб, и того бить до смерти»*.

О том же свидетельствуют слова самого Разина, сказанные им царицынскому воеводе Ондрею Унковскому 3 июня 1667 г.: *«В войске де им пить и есть стало нечево, а государева денежного и хлебного жалованья присылают им скудно, и они де пошли на Волгу реку покормитца»* [Приказные дела старых лет 1670. Д. 105. Л. 2]. Не мудрено, что Разину пришлось *«государев насад с казною и патриарший и троецкой насад и многие струшки торговых людей»* [там же] полонить и ограбить – покормиться с ним ушло около тысячи человек.

Насколько скудно было государево жалованье, отмечено в записи бывшего войскового дьяка в январе 1668 г.: *«Ныне многие в войске русские казаки и хохлачи говорят, что им на Волгу будет ити воровать, а на Дону жить им не у чего: великого де государя жалованья в дубане досталось по кусу на человека, а иным и двум кус, денег по 30-ти алтын, сукна по два аршина человеку, а иным по аршину, и тем де прокормитца нечем. А потому еще: на море путь заперт, и зипуна достать стало негде»* [там же, л. 113.]. И это тяжелейшее положение в войске, когда на человека приходился один кус хлеба, несколько медных монет и 70 см сукна, сложилось несмотря на то, что Разин увел заметную долю едоков на

богатый рыбными запасами и дичью Яик (совр. р. Урал).

Но, судя по отпискам воевод, на Яике царевой службы им тоже не нашлось. Разину они предложили на Саратов идти, видимо, стать супротив своих же собратьев. Ему остался лишь один выход – вспомнить заветы морского атамана Будана, а потому, перебив более полусотни из посланного на него войска астраханского воеводы, он пошел по весне на Каспий в *«шахову область»*.

И удача вновь не покинула удалого атамана. Не посрамил он славы своего учителя: *«казаки Стенька Разин с товарищи многие шаховы городи и уезды и потешные его дворы, которые близко моря, пограбили и жгли, и Фарабат и Астрабат городы вырубил и выжгли, и многих людей мужеска и женска полу в полон поймали, и меж Гиляни и Фарабата на острову зделали деревянной городок и землю осыпали. <...> И перед прежним их многолюдно, а пополнились де они людьми от кизылбашского полону. И приходили они на Ряш и на Баку город ызгоном, и в то время взяли кизылбашских людей в полон мужеска и женска полу с 500 человек, и на тот полон выменивали русских людей, имали за одного кизылбашенина по 2, и по 3, и по 4 человека русских»* [там же, л. 46, где кизылбашской землей называлась русскими Персия из-за традиции использовать хну для окраски волос, то есть земля красноголовых – С.Б.].

Почти два года «гулял» Стенька по Каспию, наголову разбил посланный за ним флот из семидесяти судов шаха персидского под Свинным островом, парчой да шелками устлал улицы Астрахани по возвращении, но как на Дон воротился, видно стало, добытым холстом все слёзы не утрёшь, походными караваями всех голут-

венных казаков не накормишь. Удалось ему вернуть в отечество в шестьдесят первом году калмыцкий полон, в шестьдесят девятом – персидский полон, но как ему было помочь самим казакам у себя же на родине?

Собрал Стенька в Паншином городке казачий круг: «Атаманы де молотцы, куда мы пойдём отсюда, на море ли, по Волге или к иному царю служить? <...> И казаки донские, которые тут же были в кругу, говорили ему. – Мы де готовы за дом пресвятыя богородицы и за великого государя умереть и головы свои положить и служить, а что де бояря не велят нам ходить на море и на Волгу, и от того мы стали наги и голодни. И ныне де пойдём на бояр и воевод на Волгу за то, что де бояря и воеводы нас голодом морят» [Малороссийский приказ, кн. № 11, л. 88 / Крестьянская война 1954, 253].

До конца июля 1670 г. атаманы с Разиным во главе заняли города Царицын, Чёрный Яр, Астрахань. Потом, вернувшись в Царицын, круг вернулся к решению стратегических вопросов: где добыть хлеб на долгую зиму и как быть с угрозой, исходящей от московских воевод и бояр. Круг рассмотрел три варианта движения на Москву: Доном, степью и Волгою.

Первые два были отклонены. Первый, «потому что де Дон река коренная, и как де запустошит украинные городы, которые к Дону блиско, и у них де на Дону запасов не будет». К тому же «Танбов и Козлов городы многолюдные и там де дворян и всяких людей много, и они де в тех городах их, воровских козаков, побьют». Второй, «потому что им, степью идучи, есть нечева и запасов весть им не на чем» [Разрядный приказ, Белгородский стол, стб. № 692, Л. 277 / Крестьянская война

1959, 31]. Документы показывают, что с конницей у Разина тогда действительно было плохо. Оставался один путь – на стругах вверх по Волге на Саратов, тем более что саратовцы звали его давно: «А ис Саратова де к нему, Стеньке, прибегают саратовцы человека по 2 и по 3 по часту и говорят де ему, Стеньке, чтоб он шол к ним под Соратов не мешков, а саратовцы де градские люди город Саратов ему, Стеньке, здадут, только де в Саратове крепитца саратовской воевода» [Разрядный приказ, Белгородский стол, стб. № 692, л. 275 / там же].

И Разин с войском двинулся по Волге на Саратов. В письме пензенского воеводы воеводе тамбовскому отмечено, что Разин остановился за 7 верст до Саратова, а торжественный въезд в город состоялся следующим утром: «На Успенев де день Пресвятыя Богородицы поутру рана вор изменник Стенька Разин с казаками пришил на Саратов» [там же, л. 237 / 46] (рис. 62).

Рис. 62. Встреча Степана Разина в Саратове (картина С. А. Бузулукова)

И город де Саратов саратовские жители здали, и ево де, вора, Богородицкого монастыря игумен и саратовские все жители встретили с хлебом <...>. А на Саратове саратовские жители к воеводе приставили кораул 20 человек накануне ево воровского приходу, чтоб он не ушол. А от него, (головы казанских стрельцов Тимофея Давыдова – С.Б.), казанских стрельцов 300 человек да самарен 200 человек ушли с Саратова и ево покинули на Саратове одного с сотниками» [там же].

С Царицына на Саратов шло около 6000 человек [Крестьянская война 1959, 27, 31]. Причём «*струшки де у него, Стеньки, небольшие, человек по 10-ти, и в большем человек по 20-ти в струшке, а иные в лотках человек по 5-ти человек*» [там же, 20].

А значит, на Саратов шло порядка 400 - 500 судов. Психологический эффект их появления был более чем ошеломляющий, раз пять сотен стрельцов все как один покинули крепость под покровом ночи. Степану Разину досталась и царская казна, хранившаяся в Саратове, «золотые», запасы, вооружение, а главное – столь нужный его голодавшим казакам хлеб [там же, 83].

В Саратове было введено казацкое управление с казачьим кругом и атаманом, хорошо знакомое местному населению. Ведь казацкие земли простирались тогда до Саратовской крепости. Так, например, незадолго до этого Ян Стре(ю)йс, проплывая по Волге в 1669 г., указывал: «*14- го мы бросили якорь в Саратове, лежащем под 52°12' широты на рукаве Волги, который течет слева от неё. В нём живут только московский воевода, стрельцы, назначенные для защиты от казаков и калмыцких татар, границы которых начинаются с*

этого места» [Стрейс 1935, 191, выделено С.Б.]. И где не случайно целый ряд дошедших до нас карт чуть южнее Саратовской крепости, стоявшей с 1617 по 1674 г. на левом берегу Волги, указывал на правом её берегу станицу Увешенскую (рис. 63).

С приближением казаков к Самаре, там разыгралась усобица. Город, стоявший у прежде казацкой Самарской Луки и ещё помнивший атаманов Ермака, Барбошу, Мещеряка, не забыл обычаев Понизовской вольницы. Казаки взяли верх и здесь. Разин занял Самару без боя. Московский воевода, как и в Саратове, был посажен в воду, то есть утоплен, приказные и дворяне казнены.

В начале сентября казаки подступили к Симбирску, к только недавно созданной Симбирской засечной черте Московии (см. рис. 60). Разин рассылал «прелестные» письма, подымая на войну крестьян, но, видимо, то была ошибка. Стекавшийся к нему простой люд не имел ратного опыта. В бою не владевшие казацкими навыками тысячи крестьян были скорее помехой, чем подспорьем.

Это наглядно продемонстрировала битва за заново укрепленный Симбирск, продолжавшаяся с 4 сентября по 4 октября 1670 г. с регулярными войсками И. Б. Милославского и Ю. Н. Борятинского. Разин был тогда тяжело ранен, отступил на Дон, вскоре был там предан, схвачен и люто четвертован в спасенной им десятью годами ранее Москве 6 (16) июня 1671 г.

Спокойствие в стране царь восстанавливал своими обычными методами – кнутом, топором да виселицами. Были казнены тысячи человек. Дон при помощи домовитых казаков, выдавших Разина, был приведен к крепостному целованию – первой клятве на верность царю.

Рис. 63. Фрагмент карты Азии Витсена 1687 г. Увешенская выделена пунктиром

Царь Алексей Михайлович потребовал описи вновь присоединённых казачьих земель. Сохранились показания атамана Фрола Минаева в Посольском приказе от 7 декабря 1672 г. И хотя многие верховские станицы, чьи казаки принимали деятельное участие в восстании, были к тому времени запустошены, Минаев всё же указал на Дону от Коротояка до Черкасского 48 казачьих городков, на Хопре – 8, на Медведице – 17 и т. д. [Дела Донские. Список 1864, XXII / Савельев 2002, 370].

Не все из прежних городков возродились даже к эпохе Петра I. Например, на карте рубежа XVII-XVIII вв., так как на ней есть и прежние наместничества XVII в., и г. Санкт Петербург, мы видим уже не станицу, а лишь Увешенское городище, и на Медведице только 13 городков. Правда, возросло их число на Хопре – 24, и это не считая 14 на его притоке – Бузулуке (рис. 64).

Казачество уходило всё дальше от Волги: «на Волге жить, нам ворами слыть». Но и на Хопре им удалось продержаться недолго. После жестокого разгрома Булавинского восстания 1707-1709 гг. казачьи поселения на Хопре, Медведице, Иловле совсем обезлюдели. Позднее, в 1731 г. для возврата населения Анне Иоанновне пришлось заново воссоздавать Волгское казачье войско, приглашать казаков с Днепра и Дона для защиты русских, а немного позднее и иностранных новопоселенцев Екатерины Второй от набегов кочевников.

Жестокость Петра I к казачеству отметил Корнелий де Бруин, спускавшийся в 1703 г. вниз по Волге: «... в 60 верстах от Кашкура. Мы встретили здесь три больших струга, из которых один принадлежит Его Величеству. Все эти струги нагружены были Казачьими женами,

Рис.64. Фрагмент карты Великаго Росискаго Государства счастьями пограничных

отправляемыми в Казань; мужья этих жен были в прошлых годах схвачены и перевешаны за разбои» [Бруин 1873, 175–176]. И эта депортация проводилась ещё до Астраханского (1705–1706) и Булавинского (1707–1709) восстаний. Главная вина казаков была лишь в следовании древней традиции: «с Дону выдачи нет». А на Дон из-за поголовной рекрутизации после страшного разгрома под Нарвой войск Петра I бежали очень многие.

После подавления Булавинского восстания здесь начался уже геноцид: «Русские воеводы отдали им (калмыкам – С. Б.) всю добычу от булавицев, в том числе и возмущившихся казаков, с их женами и детьми, а калмыки, поощренные таким поистине калмыцким позволением, увели в свои улусы не одну тысячу русских, населявших ближние к Саратову, и Пензе, и Тамбову деревни, и распределили их в Персию, Бухару, Хиву и на Кубань» [Попов 1861, 245].

Из документов известно о более чем ста сожжённых казачьих городках. Ведь в приложении к указу от 12 апреля 1708 г. командующему карательной армией князю В. В. Долгорукому, Петр I велел мятежные городки «жечь без остатку, а людей рубить, а завогчиков на колесы и колья, дабы сим удобнее оторвать охоту к приставанию воровства у людей, ибо сия сарынь, кроме жесточи, не может унята быть» [Булавинское восстание 1935, 193].

Так земли на Правобережье Волги, по Иловле, Медведице, Хопру обезлюдели настолько, что о Волжском казачестве и его городках, казалось бы, сама память стёрта, несмотря на его великие заслуги перед Россией по защите её южных рубежей и в деле завоевания восточных земель от Яика до Тихого океана. Древняя ис-

тория великой Руси исчезала вместе с её волей. Некому стало поведать прежние сказы о героях, что бороздили великие моря и громили чужие крепости, давая свободу их гордым пленникам и увозя дивных темнооких ясырок. Мир изменился. Мощные пушки и скорострельность стрельбы теперь решали исход баталий.

Царь отправился за военной наукой в Европу, но привёз оттуда не только свежие технические достижения. У него, как у многих неофитов, возникло слепое, почти рабское преклонение перед всей западной культурой. Оно зашкаливало как семь веков до этого у князя Владимира. Результат для культуры был также трагичен – очередной культурный шок и новые утраты знания русской старины. Начатое тогда насаждение иноземных представлений об истории России ощутимо поныне.

Впрочем, не стоит забывать и об отечественных фальсификаторах, таких как патриарх Никон (1605-1681) с его правками летописей ещё в допетровскую эпоху. Да и сам царь Пётр в яростной борьбе с инакомыслием не церемонился. Это с его ведома были изданы фальшивые якобы 1157 г. «Деяния соборные на еретика арменина Мартина» и «Феогностов требник» вроде как 1329 г. с жёсткой критикой обрядов древнего благочестия староверов. Это ему понадобилась удобная теория о происхождении казаков от беглых крестьян, а документы прежних лет, где цари обращались к ним уважительно, отлично понимая, с кем имел дело Посольский приказ, исчезли под спудом. Это он в своей второй европейской поездке 1717 г. пригласил поработать в России Жозефа Николая Делиля, который позднее увлечённо занимался выкопировкой, а чаще хищением русских чертежей.

Делиль тогда исполнял полученное им при отъезде из Франции задание министра морского флота Морепана «заняться географическими работами, из которых Франция могла бы извлечь пользу» [Новлянская 1964, 75]. Потому «с самых первых лет своего пребывания в России Делиль был занят доставкой во Францию переписанных и исправленных им карт», как отметил его личный биограф [Isnard 1915, 56–57]. В результате Франции досталась огромная «коллекция Делиля»: 27 томов рукописей и карт в Депо карт и планов Морского министерства, 190 карт в Королевской библиотеке, 150 карт в Национальной библиотеке Франции [Постников 2005, 1–38]. Эта часть географии России ещё ждёт исследователей.

Впрочем, Ж.Н. Делиль имел заслуги и перед Россией. В 1727 г. он основал в Петербурге при Академии наук астрономическую обсерваторию. По богатству оборудования, продуманности работ и полученным результатам она стала одной из лучших в Европе. Чуть позднее, в 1731 г., был учреждён первый учебный и научный центр военной топографии и картографии – Петербургский Шляхетный кадетский корпус. Карты стали создаваться в полном соответствии с новейшими веяниями той эпохи. Россия стремительно вошла в круг великих держав с развитой геодезической школой. Прежние традиции, методы и единицы измерений были забыты, доверие к ранним чертежам и описаниям утрачено.

Поэтому сегодня предстоит ещё очень многое сделать, чтобы воссоздать ту часть древней книги Земли, где в географической номенклатуре разных народов записана история великой, но почти неведомой ныне страны с названьем кратким – Русь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ретроспективный анализ географических документов о землях Руси и её исторических соседей показал, что попытки воссоздать историю великой державы на одном, пусть и растражированном по конфессиональным причинам источнике являются ярким примером затянувшейся фальсификации её реальной истории.

Не поэтому ли основополагающим датам «Повести временных лет», таким как крещение Руси **988 г.**, противоречат даже её византийские первоисточники?

Ведь святитель Фотий в своём «Окружном послании к Восточным Архиерейским Престолам» ещё в **867 г.**!, за 121 г. до того, указывал: *«даже для многих многократно знаменитый и всех оставляющий позади в свирепости и кровопролитии, тот самый так называемый народ Рос – те, кто, поработив живших окрест них и оттого чрезмерно возгордившись, подняли руки на саму Ромейскую державу! Но ныне, однако, и они переменили языческую и безбожную веру, в которой пребывали прежде, на чистую и неподдельную религию христиан, сами себя с любовью! поставив в положение подданных и гостеприимцев вместо недавнего против нас грабежа и великого дерзновения. И при этом столь воспламенило их страстное стремление и рвение к вере, что приняли они у себя епископа и пастыря и с великим усердием и старанием встречают христианские обряды».*

Этот парадокс вполне логично можно разрешить, если вспомнить о землях Восточной Руси ал-Истахри, Ибн Хаукаля, ал-Идриси и др. Так как там, на древнем торговом пути «Волхов – Волга – Дон – Тамань», христианство, с Тмутаракани начиная, могло быть принято намного ранее, чем на Днепре. Тому должны были подействовать элементы ранней государственности Русского каганата. Да и древняя христианская епархия Зихии находилась там по соседству.

Не случайно же древнейший «Новгородский кодекс» из Троицкого раскопа 2000 г. Великого Новгорода в переводе на современный алфавит указывал: *«В лето 6507 (999 г. – С.Б.) аз мних Исаакии поставлен попом в Соуждали в цркве святого александра арменина».* Причём он дополнен другими «скрытыми текстами», свидетельствующими о высочайшем уровне славянской книжной культуры монаха из волжских краёв, который бесспорно не мог быть достигнут за те 11 лет, что прошли с момента крещения Киева в **988 г.** князем Владимиром.

Но трагедия Восточной Руси, земли коей подверглись наиболее тяжким испытаниям при нашествиях XIII–XIV вв. диких воинов степей, направляемых волей великих завоевателей Востока от Чингисхана до Тимура, практически стёрла следы этой культуры в Понизовье Волги и Дона. Сказалось здесь и официальное принятие ислама в 1320/21 г. Золотой Ордой. Лишь каменные кресты (рис. 65) у древних городищ с давно

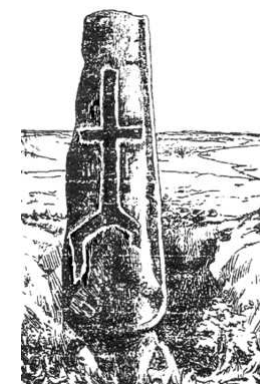

Рис.65. Ранний крест хутора Потайновского

забытыми названиями ещё долго служили указателями в бескрайнем мире степей.

Недостаточная археологическая изученность региона, где раскопки чаще всего проводились в авральном режиме перед самым затоплением памятников очередным возводимым водохранилищем, привела к накоплению противоречий между представителями ряда исторических научных школ с национальным уклоном. Особенно этот процесс активизировался после распада СССР, чему заметно поспособствовали так называемые «новые подходы», а точнее некорректное использование нарративных источников в интерпретации найденных археологических артефактов.

Именно о «*новых подходах*» писал В.Я.Петрухин в последней фразе своего послесловия к «Очеркам хазарской археологии» С. А. Плетнёвой [Плетнёва 1999, 230], изданной израильским издательством «Гешарим», и скоропостижно ставшей почти Библией для современных «хазароведов». Базисом тех «*новых подходов к истории народов Восточной и Центральной Европы (включая историю еврейской диаспоры)*» [там же] стало тогда ещё предположительное! включение Плетнёвой материалов салтово-маяцкой культуры в относительно бедный комплекс археологических артефактов Хазарии.

Активное движение в заданном ею направлении позволило ныне растянуть земли Хазарского каганата по Днепр и Оку включительно (см. рис. 7), базируясь на всё тех же мифах «Повести временных лет» да «письма Шехтера», для коего даже естественнонаучный анализ бумаги за сто с лишним лет так и не был проведён. Причём явно намеренно забыта разница в размерах области славян

3500 на 700 фарсахов и области владений хазар и алан, притом совместной!, в 700 на 500 фарсахов конца VIII столетия. Что уж говорить про более позднюю Русь, перешедшую в наступление, если доверять словам святителя Фотия в IX-ом и Ибн Хаукаля в X-ом столетиях.

После распада Союза ситуация в среде «булгароведов» и «татароведов» была аналогичной (см. рис. 8). Но к чести добросовестных исследователей истории Татарстана, псевдобулгарские летописи, относительно недавно созданные в процессе «*изобретения болгарского самознания*»: «Джагфар тарихы» М.Бу-Юргана и «Сказание за дъщерята на хана» М. Башу якобы 882 года, были весьма компетентно изобличены ещё десять лет тому назад в работах Юлая Шамилоглу [Шамилоглу 2011, 275-287], А.Е.Петрова [Петров 2011, 288-296] и др., хотя рецидивы всё ещё дают о себе знать.

Активизация исторического мифотворчества последних десятилетий вынудила субъективные результаты «новых подходов» перепроверять объективными методами точных наук. Топографическая информация ушедших веков оказывается в этом деликатном деле неопенимым подспорьем. Ведь канонизированные на Востоке практически со времён архаики единицы измерений позволяют узнать и протяжённость маршрутов между древними городами, и восстановить, пусть в первом приближении, границы отдельных государственных образований. Благо ошибка измерений расстояний в странах ислама уже с IX века составляла не более 1%.

Остаётся только добиться от исторической науки адекватного обращения с теорией размерностей. Ведь если в XIX веке В. Томашек вдруг решил, что «*на цифры и*

расстояния у ал-Идриси никогда нельзя полагаться» из-за того, что не понял, имел ли ал-Идриси в виду «*франкскую leuga или итальянскую miglia, или арабскую миль*» [Tomaschek 1887, 5-6], так и доныне его коллеги продолжают изобретать свои личные единицы измерений. Эта методика очень полюбилась современным комментаторам ранних научных трактатов, давая полную волю в их географических и исторических импровизациях.

К примеру, сам Томашек решил, что на коротких интервалах миля ал-Идриси равна ~1555 м, день пути ~24 миль (37,5 км), при быстрой езде до 30 миль (46 км). Т.Левицкий, комментируя тот же трактат ал-Идриси, на маршруте из Киева во Владимир Волынский при той же миле счёл величину дня пути чрезмерной и сократил её до 20 миль (~31км) [Lewicki 1938, 98]. А академик Б.А.Рыбаков мили предпочёл по 1972,8 м [Рыбаков 1952, 16] и указал день пути в Приднестровье ~ 58 км [там же, 15], в заволжских степях ~35 км [там же, 28], а на созданном им пути Булгар-Киев даже ввёл новую единицу – «остановку» в 87 км длиной [там же, 30].

Никого из академиков почему-то не смутил факт, что уже античные единицы измерений были строго сопряжены между собой, определялись однозначно и были закреплены священной для древних многовековой традицией [Heronis 1912, 87-407]. Благодаря той ранней «стандартизации» мер можно было не только прежние измерения между населёнными пунктами продолжать использовать, но даже размеры самой планеты сравнивать. Так, Аристотель (384–322 гг. до н.э.), цитируя «*математиков*», указал окружность планеты 400 000 ст. [Боднарский 1953, 72]. Иной размер окружности Земли

есть в трудах Архимеда (287–212 гг. до н.э.): «*некоторые пытались доказать, что она имеет около 30 мириад стадий*» [там же, 83], где мириада равна 10 000, то есть всего 300 000 ст. Их точный перевод в метрическую систему доказал единство взглядов на облик планеты: числа совпали между собой и с 1000 дней пути в длинных (караванных) фарсах Востока:

$400000 \times 0,148165 = \underline{59266 \text{ км}}$ (в римских стадиях);

$300000 \times 0,197554 = \underline{59266 \text{ км}}$ (в ионийских стадиях);

$1000 \times 59,266 = \underline{59266 \text{ км}}$ (в караванных фарсах).

А география стран ислама, перепроверив и подправив эти данные, продолжила использовать наработанный веками математический аппарат [Бируни 1966, 211]. Знание этой географии позволило разобраться и с доордынкой урбосетью Руси, и с маршрутами нашествий XIII-XIV вв., заметно изменивших этнографическую карту и систему расселения Восточной Европы.

Не менее важно для воссоздания истории Руси привлечение ранних русских Чертежей, с характерной для них высокой качественной детализацией отображения объектов и земель, хотя изначально они создавались без привлечения строгой математической основы. В лучшем случае в документах вдоль рек и дорог указаны поприща, днища, вёрсты и мили. Хотя уже в 1556 г. в «Писцовом наказе» были указаны правила исчисления плоскостей [Иванов 1846, 19].

Но наивные русские чертежи, с изображениями бытовых сценок, верблюдов, коней, средств передвижения, выдающихся сооружений и т.п. с приходом геодезии стали казаться архаичными живописными набросками местности, а потому массово были утрачены. Как писал

академик В. И. Ламанский: «Неуважение к народной старине и невежественное пренебрежение многими её драгоценными памятниками, столь отличавшее XVIII век, были главнейшею причиною гибели и наших старинных чертежей» [Ламанский 1860, 18].

Это невежественное пренебрежение, рождённое иноземным засильем в научном мире Санкт Петербурга, привело к утрате ценнейших источников, и, как следствие, к историческому мифотворчеству в отображении ранней Восточной Европы. О ней стали судить по выдумкам европейских карт XV-XVII вв. А традиция начинать исторические трактаты длинным перечнем аксиом предтеч донныне вынуждает игнорировать противоречия их географии и объяснять неизвестное через неизвестное.

Но следовать той схоластической стезе мешает один парадокс. Если к зарождению государства приводит необходимость единения при страшной внешней угрозе, если его границы обусловлены средой обитания и использованием определённых ресурсов, и если первые города встают на пересечении древнейших путей, то почему о том ничего не рассказывает история Киевской Руси?

На востоке же стоит лишь взглянуть на современную рельефную карту, как ясно видны пути с Урала на Волгу эпохи бронзы, подтверждаемые работами Е. Н. Черных [1970, 33: карты-схемы]. По ним же позднее пролегал «Золотой путь» сармат от Урала к Чёрному морю с дивными украшениями их курганов (рис. 66), а затем пути серебряных дирхемов от Средней Азии до Балтики и Днепра. Карта чётко показывает путеводные реки и вставшие на перекрёстках тех древнейших путей первые цитадели (рис. 67). Была здесь и явная угроза с Востока.

Рис. 66. Золотые серьги-лунницы из кургана № 13 у Золотой горы близ Увека [Ляхов, Матюхин 1998, 18]

Рис. 67. Рельефная карта Восточной Руси и её соседей, где красными числами даны дни пути из «Книги Рожера»

Эта подлинная, воспетая в былинах Русь не была маленькой и беззащитной где-то там, в окрестностях Киева никогда. Она сама отправляла корабли по всем окрестным морям, иногда воюя, иногда торгуя драгоценными мехами от Багдада до Константинополя.

Это её предки со скифских времён добывали полиметаллические руды из недр родных кряжей, которые даже в самые трудные для Руси XIII-XIV вв. иноземцы продолжали звать «горами Русских» и описывать добываемое там серебро. И карта наглядно раскрывает различия земель хазар, Руси, буртасов, указывая их естественные границы (см. рис. 67), подтверждаемые как данными учёных стран ислама, так и Византии, где Константин Багрянородный ясно отметил пять дней пути от Боспора (Керченского пролива) до Хазарии.

Это на своих торговых путях русы возвели первые каменные цитадели-укрытия, разделённые на отсеки, дабы их дорогой пушной товар не превратился в дым от зажигательных стрел лихих соседей. Какие-то из тех цитаделей, стоявшие в удобных местах, со временем стали городами, как древняя Куйоба – Кеибекермен – Укек – Увек, а какие-то были заброшены, став безмолвными памятниками забытой эпохи, от которой до нас ни единой подлинной русской летописи не дошло.

Слишком поздно, только в XII столетии, к тому же под патронатом киевских князей был составлен свод «Повести временных лет», вполне естественно отразивший события лишь на торговом пути у Киева – пути «из варяг в греки». Наивно искать там «рекламу» конкурирующего более древнего пути «из варяг в персы». Ведь поток серебра с Востока уже иссяк, а славяне с Днепра за

двести лет, прошедшие с X в., явно успели и объединиться с русами Волги и Дона, их знаменитое имя позаимствовав, и рассориться с ними, возможно, не только по торговому, но также по конфессиональным причинам.

Не зря же ал-Идриси в том XII в. Русь обрисовал так: *«Что касается земли ар-Русиййа, то это большая страна, но города невелики, а возделанные земли чередуются с необработанными. Расстояния между городами большие, а области изолированы. Там постоянные войны и междоусобицы между их разновидностями и соседними народами»* [Коновалова 2006, 114].

Потому надо ли повторять, что без привлечения математического аппарата выдающихся географов той эпохи дискуссия на тему кто, где и с кем в соседстве жил может тянуться до бесконечности. Топонимика в том плохом подспорье – со становлением Орды она вновь кардинально изменилась. Приходится крайне скрупулёзно разбирать её источники со схожими в арабском написании названиями опорных пунктов. Да и велик риск натолкнуться на лезть придворных летописцев, таких как поэт и историк Тимуридов Шереф ад-дин Йезди, расцветивший деяния их великого предка в роскошном восточном стиле, почти не взирая на реалии.

Впрочем, очень осторожно надо изучать также и западные источники того времени. Дабы лаконичные описания отдалённых друг от друга пунктов не привязывать к наиболее известным городам эпохи Золотой Орды, как это произошло с «новым посёлком» фламандца Рубрука или азовским Укаком марокканца Ибн Баттуты со всеми вытекающими из той путаницы выводами о возрасте Увекского городища.

Тогда как ранние русские чертежи, включая КБЧ, служат заметным подспорьем в изучении процессов пост-ордынской эпохи. Точность их описаний позволяет выявить даже, казалось бы, навсегда исчезнувшие города, такие как казацкий Саратов на месте Яйлака и Буртаса.

Но непонимание топографических, морфологических, геологических данных ранних описаний, чертежей, карт, и сопряжённое с ним небрежное отношение к географическим источникам пока продолжается. Плотины исторических штампов, созданных под прессом власти и церкви, увы, не владевших широтой обзора и глубиной знаний, но крайне жёстко следовавших принципу: «разделяй и властвуй!», ещё сдерживают поток фактов о подлинной географии и истории великой страны. Хотя под напором противоречий та плотина может и рухнуть, а тогда вал сомнений и неверия, сметая всё на пути, вновь много принесёт лиха, как уже не раз бывало на Руси.

Не пришла ли пора открыть её шлюзы, возродить дивный сад музыки истории Клио, наполнить его живой водой знаний, как ныне принято говорить, вспомогательных исторических дисциплин. Тем более что ретроспективный абрис земель Руси показал, что это была великая страна задолго до времён «Повести временных лет», а имя ей подарила самая великая река Европы. Не зря для русов что VII, что XVII-го веков моря и реки преградой не были. Живой ум, природная смекалка позволяли им находить выход из любых бед, а неистребимое стремление к вольной воле до берегов Тихого океана довело. Не армии, а именно русский люд, простые казаки своею волею создали Россию, ставшую величайшей державой планеты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Акты исторические, собранные археографической комиссией...// Т.1. – СПб., 1841. – 614 с.

Акты исторические, собранные археографической комиссией...// Т.3. – СПб., 1841. – 538 с.

Александровская О.А. Становление географической науки в России в XVIII веке. – М.: Наука, 1989. – 230 с.

Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. XIII-XVII вв. – Иркутск: ОГИЗ. Иркутск. обл. изд-во, 1941. – 677 с.

Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. 2-е изд. – СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 2009. – 464 с.

Алешковский М.Х. «Повесть временных лет». Из истории создания и редакционной переработки – М.: Весь Мир, 2015. – 320 с.

Алиев С.М. О датировке набегов русов, упомянутых Ибн Исфандийаром и Амоли // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. – М., 1969. Т. II. – С. 316-321.

Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / пер. с англ. Ю.В. Готье. (Иностранные путешественники о России). – Л.: ОГИЗ, 1937. – 308 с.

Андреев А.И. Чертежи и карты России 17 века, найденные в послевоенные годы // Труды ЛОИИ АН СССР. 1960. Вып. 2. С. 80–90.

Аннинский С.А. Рассуждение о делах Московии Франческо Тьеполо. // Исторический Архив. Т. III. – М.-Л.: АН СССР, 1940. – С. 305-388.

Анонимная летопись 1584-1632 гг. / Корецкий В. И. Новое о крестьянском закрепощении и восстании И.И. Болотникова. // Вопросы истории. № 5. 1971. – С. 130-139.

Арриан Ф. Объезд Эвксинского Понта / пер. П.И. Прозорова // ВДИ. 1948. №1. С. 265-275.

Артамонов М.И. Средневековые поселения на Нижнем Дону: по материалам Северо-Кавказской экспедиции. – Л.: ОГИЗ, 1935 г. – 117 с.

Артамонов М.И. Саркел – Белая Вежа // Труды Волго-Донской археологической экспедиции / Материалы и исследования по археологии СССР. – №62. – М.-Л.: изд. АН СССР, 1958. – С. 7-84.

Артамонов М.И. История Хазар / под ред. и примеч. Л.Н. Гумилева. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. – 523 с.

Бабулин И.Б. Князь Семен Пожарский и Конотопская битва. – СПб.: Русск. симфония, 2009. – 168 с.

Багров Л.С. История картографии / пер. с англ. Н.И. Лисовой. – М.: Центрполиграф, 2004. – 318 с.

Багров Лео. История русской картографии / пер. с англ. Е.В.Ламанова. – М.: Центрполиграф, 2021. Url: iknigi.net/avtor-leo-bagrov/206308-istorya-russkoj-kartografii-leo-bagrov.html.

Баллод Ф.В. Приволжские «Помпеи». – М.– Пг.: Гос. изд-во Мосполиграф, 1923. – 132 с.

Баллод Ф.В. Старый и Новый Сарай, две столицы Золотой Орды и современные им селения Нижнего Поволжья // Новый Восток. 1923. № 3. С. 372–377.

Аль-Балхи Книга видов Земли // Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X века по Р.Х. / пер. А.Я.Гаркави. – СПб., 1870. С.272 – 278.

Барбаро и Конгарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. / пер. Е.Ч. Скржинской. – Л.: Наука, 1971. – 275 с.

Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии: География Начальной летописи. – М.: Кучково поле; Горные технологии, 2012. – 336 с.

Бартольд В.В. Сочинения. – М.: Наука, 1973. Т.VIII. – 725 с.

Бейлис В.М. Сведения о Черном море в сочинениях арабских географов IX-X вв. // Ближний и Средний Восток. – М.: Изд-во восточной литературы, 1962. – С. 21-28.

Бейлис В.М. Ал-Идриси о портах черноморского побережья и свя-

зях между ними // Торговля и мореплавание в бассейне Чёрного моря в древности и средние века. – Ростов-на-Дону, 1988. – С. 67-76.

Бейлис В.М. Приложение. Ал-Муккадаси // Восточное историческое источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 2. – М.: Наука, 1994. – Url: www.vostlit.info/Texts/rus15/Mukaddasi_2

Бейлис В.М. Сообщения Халифы ибн Хайяга ал-'Усфури об арабо-хазарских войнах в VII-первой половине VIII в. / ДГВЕ. 1998. Памяти А.Н.Новосельцева – М.: Вост. лит-ра, 2000. – С. 32-53.

Беляев И.Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. – М.: Тип ун-та, 1846. – 86 с.

Беляев И.Д. О географических сведениях в древней России (до 1100 г.). – М., 1846. – 264 с.

Березин И. Н. Ханские ярлыки. III. Внутреннее устройство Золотой Орды (по ханским ярлыкам) // Отд. оттиск из ЖМНП. 1850. №10. – С. 1-24.

Березин И. Н. Нашествие Батгя на Россию. // Отд. оттиск из ЖМНП. 1855. №3. – С. 1-36.

Бируни А.Р. Избранные произведения / пер. П.Г. Булгакова. Т. 3. – Ташкент: ФАН, 1966. – 363 с.

Бируни А.Р. Избранные произведения. Т. 5, ч. 1. – Ташкент: ФАН, 1973. – 647 с.

Блинов А.В. Готско-греческо-русский словарь. – М.: МГУ, 2017. – 440 с.

Богачёв А.В. и др. Кармалинское городище // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области). – Самара, 2013. – С. 119-163.

Боднарский М.С. Античная география. Книга для чтения. – М.: Географгиз, 1953. – 376 с.

Браташова С.А. К вопросу о планиграфии Укека. // Археологическое наследие Саратовского края / ред. А. И. Юдин. – Саратов: Научная книга, 2006.– Вып.7. – С. 91-97.

Браташова С.А., Максимов Е.К. Чертеж Трумпичковых Саратовской округи и ее топография // Саратовский краевед. сб.: науч. тр. и публ. под ред. проф. В.Н.Данилова. – Саратов: Наука, 2008. – Вып. 4. – С. 182–200.

Браташова С. А. Волга инкогнита по картам II–XVIII веков. – Саратов: Изд-во ООО “Орион”, 2011. – 208 с.

Браташова С.А. Ранний казацкий некрополь на Увекском городище // Археологическое наследие Саратов. края / ред. А. И. Юдин.– Саратов: Научная книга, 2012.– Вып. 10.– С 164-173.

Браташова С.А. По забытым крепостям Кавказа (первая логия и последующие карты берегов Кавказа) – Саратов: Научная книга, 2014. – 224 с.

Браташова С.А. Башни Увека: комплексное изучение многослойного археологического памятника на примере Увекского городища – Саратов: Амирит, 2016. – 48 с.

Браташова С.А. Начала топографии Причерноморья. – Саратов: Научная книга, 2017. – 269 с.

Браташова С.А. Волга X века по данным научных школ Средней Азии и Ирана // Вспом. ист. дисциплины в совр. научном знании: мат-лы XXXII Международной научн. конф. Москва, 11-12 апр. 2019 г. / РГГУ, Ист.-арх. ин-т, Высшая школа источниковедения, спец. и вспом. ист. дисциплин; ИВИ РАН. – М.: ИВИ РАН, 2019. – С. 86-87.

Браташова С.А. По неведомой Руси: норманнская сага ал-Идриси.– М.: Изд-во «Итар-ТАСС», 2019. – 98 с.

Браташова С.А. Цитадели Нижней Волги. Изд. 2-е. – Саратов: Амирит, 2020. – 272 с.

Бруин К. Путешествие через Московию / пер. П.П. Барсов. – М.: ИОИДР, 1873. – 292, XIX с.

Брун Ф.К. Перипл Каспийского моря по картам XIV столетия. – Одесса, тип. Ульрих и Шульце, 1872. – 34 с.

Брун Ф.К. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии южной России. – Одесса: Печатная типография Г.Ульриха, Т 1. – 1879. 285 с.; – Т 2. 1880. 409 с.

Булавинское восстание (1707–1708 гг.) // Труды историко-археологического ин-та АН СССР. – М.: Изд-во Всесоюз. об-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1935. – 526 с.

Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государств в 1613-1621 гг. – М.: Наука, 1987. – 278 с.

Васильев Д.В. Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д. Исследования на Самосдельском городище и в его окрестностях: [Астрахан. обл.] // Нижневолжский археологический вестник. 2002. Вып. 5. – С. 398–399.

Виноградов В.И. Иллюстрированный спутник по всей Волге. – Н. Новгород: Тип. И.М.Машистова, 1897. – 160 с.

Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о Славянах и Русских (с половины VII в. до конца X века по Р.Х.). – СПб., тип. ИАН, 1870. – 256 с.

Герасимов А.А. История Саратовского края в XVI – XVIII вв. – Саратов: Друкарь, 1923. – 376 с.

Герберштейн С. Записки о Московии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 430 с.

Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества. Ч. 1: Путешествие из Санктпетербурга до Черкаска, главного города Донских казаков в 1768 и 1769 годах. – СПб.: Изд-во ИАН, 1806. – 272 с.

Гнутова С. В., Зотова Е. Я. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI – начала XX века. / Из собрания музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева: Альбом. – М.: Интербук-бизнес, 2000. – (URL: <http://www/icon-art-info/source.php>).

Голицын Л.Л., Краснодубровский С.С. Укек: доклады и исследования по археологии и истории Укека. – Саратов: Тип. Губ. земства, 1890. – 106, XV с.

Голомбовский А.А. Выписка в Разряде о построении новых городов и черты 1681 г. // Изв. Тамбов. учен. арх. комиссии. – 1892. Вып. 33. – С. 49–56.

Григорьев А.П., Фролова О.Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник / 2001: Золотая Орда и её наследие. – М.: Вост. лит., 2002. – С. 261-302.

Грот Л.П. Призвание варягов [Норманны, которых не было] – Url: mir-knig.com / read_229279-85 – 85 с.

Гумилёв Л.Н. Открытие Хазарии. – М.: Айрис-пресс, 2009. – 416 с.

Донские дела. Книга четвертая. // РИБ. Т. XXIX – СПб., 1913. – 577 с.

Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. Т. III. Восточные источники – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. – 264 с.

Дубман Э.Л. Сказание о первых самарцах: Очерки по истории Самары 1586–1680-х годов. – Самара: АртМакет, 1991. – 74 с.

Духовников Ф.В. Поездка в село Квасниковку // Изв. Об-ва арх., ист. и этногр. при Казан. ун-те, 1894. Т. 12, вып. 3. – С. 203–207.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. – М.: Наука, 1985. – 244 с.

Елисеев Г.А. Смута и бунташный век: сборник. – М.: Вече, 2010. – 384 с.

Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. – М., Географгиз, 1961. – 224 с.

Жузе П.К. Из соч. Баладзори "Книга завоевания стран" (Материалы по истории Азербайджана, Вып. III). – Баку: Общество обследования и изучения Азербайджана, 1927. – С. 4-38.

Жуков И.А. Ранняя вислая печать черниговского князя Мстислава Владимировича – когана русского. // Материалы I Международной нумизматической конференции «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.» – СПб.: 2014. – С.128-138.

Загоревский В.П. Белгородская черта. – Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1969. – 304 с.

Загоревский В.П. Изюмская черта. – Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1980. – 238 с.

Зайковский Б.В. Области: Топография наиболее достоверных монетных кладов и отдельных монетных находок древнего времени до XIII века включительно // Труды Нижне-Волжского обл. науч. об-ва краевед. Саратов: Изд-во Н-Волжск. обл. науч. об-ва краевед., 1926. Вып. 35, ч. 1 (арх. сб.). С. 41–49.

Замысловский Е.Е. Герберштейн и его историко-географические известия о России. – СПб.: Тип. брат. Пантелеевых, 1884. – 563 с.

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 1: Горган и Поволжье в IX–X вв. – М.: Вост. лит-ра, 1962. – 280 с.

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2: Булгары, мадьяры, народы Севера, печенег, русы, славяне. – М.: Вост. лит-ра, 1967. – 212 с.

Ибн ал-Асир / Из летописи Ибн ал-Асира // Золотая Орда в источниках. Т. I. / пер. В. Г. Тизенгаузена. – М.: Центр по изучению воен. и общей ист., 2003. – С. 11-39.

Иванов П. Опыт исторического исследования о межевании земель в России. – М.: Тип. С. Селивановского, 1846. – 152 с.

К сочинению «О небе» / Схолии к Аристотелю / Латышев В.В. // ВДИ. 1947. № 2. – С. 332.

Калинина Т.М. Сведения ранних арабских ученых Арабского Халифата. – М.: Наука, 1988. – 180 с.

Калинина Т.М. Страна Хазария, какой она представляется по арабо-персидским источникам // Восточная коллекция. 2006. № 2 (25). С. 29–41.

Карамзин Н.М. История государства Российского. – М.: АСТ МОСКВА, 2009. – 992 с.

Карпини И.П. История Монгалов / Рубрук В. Путешествие в восточные страны. / пер. А.И.Малеина. – СПб., 1911.– 224 с.

Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербейджане. I. Ал-Истахрий. // Сборник мате-

риалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис: изд. Управления Кавказского учебного округа, 1901. – Вып. 29. – С. 1-73.

Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербейджане: III. Ибн Хордадбэ // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис: изд. Управления Кавказского учебного округа, 1903. – Вып. 32. – С. 1-21.

Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербейджане. IX. Ибн-Хаукаль // Сб. мат. для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис: Упр. Кавказ. Учебн. Округа, 1908.– Вып. 38.– С. 79-129.

Карпини П. Историческое сочинение Иоанна де Плано-Карпини, котораго папа Иннокентий IV посылал послом к татарам в 1246 году. // Собрание путешествий к татарам и другим возточным народам в XIII, XIV и XV столетиях. – СПб, 1825. – С. 1-217.

Карпини И.П. История монголов / пер. А.И.Малеина. СПб.: изд. А.С.Суворина, 1911. – 232 с.

Ал-Кашгари М. Диван лугат ат-турк / пер. с араб. З.-А.М.Ауэзовой. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 1288 с.

Киннам И. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комниных. / Пер. В.Н.Карпова. – СПб., 1859. – 108 с.

Киртичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги // Славяне и скандинавы – М.: Прогресс, 1986. – 416 с.

Клименко А.В. Значения некоторых древних единиц линейных мер // Вопросы геодезии, фотограмметрии и картографии. – М.: Изд-во ВАГО при АН СССР, 1977. – С. 85–96.

Клименко А.В. Древнейшие определения размеров Земли // Развитие методов астрономических исследований. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1979. Вып. 8. – С. 70–83.

Клименко В.В. Климат и история России [Электронный ресурс] / В.В. Клименко, А.М. Слепцов, В.В. Довгалюк. 2010. (URL: <http://gepl.narod.ru>).

Книга Большому Чертежу / под ред. К.Н. Сербиной. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 229 с.

Книга Марко Поло / под ред. С.Н. Кумкес. – М.: Географгиз, 1956. – 376 с.

Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. – М.-Л.: Ин-т востоковед АН СССР, 1941. – 619 с.

Коковцев П.К. Еврейско-Хазарская переписка в X веке. – Л.: Изд-во АН СССР, 1932. – 184 с.

Колгушкин В.В. Описание старинных карт, атласов и планов XVI, XVII, XVIII веков и половины XIX века, хранящихся в Архиве центрального картографического производства ВМФ. – Л.: Изд. Управл. нач-ка гидрограф. службы ВМФ, 1958. – 270 с.

Колло Фр. Доношение о Московии / Итальянец в России XVI в. – М.: Наследие, 1996. – 84 с.

Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII – XIV веков. – М.: Вост. лит-ра, 2009. – 223 с.

Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. – М.: Вост. лит-ра, 2006. – 328 с.

Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. – М.: Вост. лит-ра, 1999. – 254 с.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М.: Наука, 1991. – 496 с.

Кордт В.В. Материалы по истории русской картографии: Карты всей России и Южных ее областей до половины XVII в. Вып. 1. – Киев: Изд-во Киевской Комиссии для разбора древних актов, 1899. – С. 15, XXXII.

Кордт В.В. Материалы по истории русской картографии: Карты всей России, Северных ее областей и Сибири. Вып. 1. Сер. II. – Киев: Изд. Киев. комитета. для разбора древних актов, 1906. – С. 22, XLIV.

Кордт В.В. Материалы по истории русской картографии: Карты всей России и Западных ее областей до конца XVII в. Вып. II. – Киев: Изд. Киев. ком. для разбора древних актов, 1910. – С. 30, XLV.

Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. Т. IV. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – 920 с.

Крестьянская война под предводительством Степана Разина. // сост. Швецова Е.А. Т. I. 1666- июнь 1670 гг. – М.: изд. АН СССР, 1954. – 322 с.

Крестьянская война под предводительством Степана Разина. // сост. Швецова Е.А. Т. II. Август 1670–январь 1671. Ч.2. – М.: изд. АН СССР, 1959. – 248 с.

Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э.–V в.н.э.) // САИ, Д1-27 – М.: Наука, 1970. – 278 с.

Кропоткин В.В. Клады римских монет на территории СССР // САИ, Г4 – 4 – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 135 с.

Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР // САИ, Е4 – 4 – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 64 с.

Кропоткин В.В. Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н.э. – М.: Наука, 1967. – 135 с.

Кротков А.А., Шишкин П.Н. Городище и курганы близ с.Квасниковки // Труды СУАК, Саратов, 1910. Вып. 26. С. 101–105.

Кротков А.А. О памятниках старины Саратовской губернии // Труды СУАК. – Саратов, 1912. Вып. 29. – С. 157– 76.

Кротков А.А. Увек-Саратовский по данным истории и археологии. (1915). ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 2341, л. 2–30об.

Кузин А.А. История открытий рудных месторождений в России до середины XIX в. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 360 с.

Кусов В.С. Картографическое искусство Русского государства. – М.: Недра, 1989. – 96 с.

Ламанский В.И. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. – СПб.: Тип. ИАН, 1859. – 611 с.

Ламанский В.И. Старинная русская картография // Вестник Императорского РГО. 1859. Ч. 27, отд. 5. – СПб.: тип. В. Безобразова и К., 1860. С.18-45.

Лев Диакон. История / пер. М.М.Копыленко. – М.: Наука, 1988. – 237 с.

Львова З.А. Стекланные браслеты и бусы из Саркела-Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. – Том II. – МИА., 75, 1959. – С. 307-332.

Львова З.А. Стекланные бусы Старой Ладogi как исторический источник. 2008 Url: chernov-trezn.narod.ru/ZLATA_LVOVA.htm.

Ляхов С.В., Матюхин А.Д. Тайны «Золотых курганов» // Вольная губерния / Памятники отечества. 1998. № 3–4 (40). – С. 16–19.

Матвеева Г. И. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии нашей эры // Культуры Восточной Европы I тысячелетия н. э.: Межвузовский сборник статей. – Куйбышев, 1986. – С. 158-171.

Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи: тексты, перевод, комментарий.– М.: Наука, 1977. – 276 с.

Мельникова Е.А. Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях древнерусских летописцев XI-начала XII вв. // ДГВЕ. 2005 г. Рюриковичи и Российская государственность. М. 2008. С.47-75.

Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. – Рязань: Александра, 2009. – С. 41–274.

Минх А.Н. Набережный Увек // Саратовский сборник: материал для изучения Саратовской губернии. Т. 1, отд. 1. – Саратов: Статистический комитет, 1881. – С. 211–238.

Минх А.Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии. [Южные уезды Камышинский и Царицынский]. – Саратов: Тип. Губ. Земства, 1898-1901. – 1409 с.

Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. – Харьков: «Вища школа», 1985. – 150 с.

Невострюев К.И. О городищах древняго Волжско-Болгарскаго и Казанскаго царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской. – М., 1871.– 74 с.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Увек и его округа. М.: Восточная литература, 2000. – 224 с.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынские города Поволжья и их

округа. – М.: Восточная литература, 2010. – 349 с.

Нечволодов А.Д. Сказания о русской земле. Ч.2. – СПб., 1913. – 487 с.

Никитин А.Л. Текстология русских летописей (XI-начала XIV вв.). Вып. 1. Киево-Печерское летописание до 1112 года. – М.: Минувшее, 2006. – 400 с.

Никитин А.Л. Текстология русских летописей (XI-начала XIV вв.). Вып. 2. Южно-русское и владимирское летописание XII в. – М.: Минувшее, 2007. – 488 с.

Никитин А.Л. Текстология русских летописей (XI - начала XIV вв.). Вып. 3. Летописание Владимиро-Суздальской Руси XIII в. – М.: Минувшее, 2011. – 360 с.

Никитин А. Хождение за три моря – М.: Эксмо, 2009. – 480 с.

Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика из камня. XI-XV вв. // САИ. Вып. Е 1-60. – М.: АН СССР, 1983. – 232 с.

Огородников В.И. Донесение о Московии второй половины XVI века / пер. Вл. Огородникова. – М.: Имп. о-во ист. и древн. рос. при Моск. ун-те, 1913. – XIX, 44 с.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. – СПб.: изд. Суворина, 1906. – 582 с.

Отчет императорской археологической комиссии за 1882-1888 годы – СПб.: тип. ИАН, 1891. – 463 с.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи: Физическое путешествие по разным провинциям Росс. империи, бывшее в 1768-1769 г. / пер. С.И. Волков, В.Г. Костыгов. СПб.: ИАН, 1770–1773. Ч.3. 624, XVI с. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. 2-е изд. // РИБ. Т.6. – СПб.: ИАК, 1908. – 1466 с. и стб.

Пархоменко В.А. У истоков русской государственности (VIII-IX вв.). – Л.: Гос. изд-во, 1924. – 113 с.

Петров А.Е. Небулгарская идея и легитимизация поддельного свода Джаяфа // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. – М.: ИА РАН, 2011. – С. 288–296.

Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. – М.-Л.: АН СССР, 1941. – 172 с.

Плетнёва С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА № 142. – М.: 1967. – 200 с.

Плетнёва С.А. Очерки хазарской археологии / ред. и послесловие В.Я.Петрухин – М.: Мосты культуры, 1999; Иерусалим: Гешарим, 5759 – 375 с.

Плетнёва С.А. Древнерусский город в кочевой степи: историко-стратиграфическое описание. – Воронеж: изд. ВГУ, 2006. – 390 с.

Подосинов А.В. Гидрография Восточной Европы в античной и средневековой геокартографии // Русская река: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии – М.: Языки славян. культур, 2007. – С. 13–101.

Полевой Б.П. Новый документ о первом русском походе на Тихий океан («Распросные речи» И. Ю. Москвитина и Д. Е. Копылова, записанные в Томске 28 сентября 1645 г.) // Тр. Томск. обл. краевед. музея. Т. VI. Вып. 2. (1963). С. 27.

Попов Нил. В.Н.Татищев и его время – М.: Изд. К.Солдатенкова и Н.Щепкина, 1861. – 803 с.

Постников А.В. Новые данные о российских картографических материалах первой половины XVIII в., вывезенных Ж.-Н.Делилем во Францию // Вопросы истории естествознания и техники. 2005. № 3. С. 17–38.

Постников А.В. Развитие картографии и вопросы использования старых карт. – М.: Наука, 1985. – 214 с.

Похилевич Л. И. Сказания о населенных местностях Киевской губернии. – Киев: тип. Киевопечер. лавры, 1864. – 763 с.

Приказные дела старых лет (рукопись) – Url: rgada.info

Прокопий Кесарийский История войн. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. – М.: Наука, 1993. – 576 с.

Прокофьев Н.И. Хождение Игнатия Смольнянина / археографическое вступление и текст // Литература Древней Руси. Вып. 2. М.: МГПИ, 1978. С. 136–145.

Прянишников И.П. Материалы для истории Войска Донско-

го: Грамоты. – Новочеркасск: Войсковая тип., 1864. – 332 с.
ПСРЛ, том 2. Ипатьевская летопись / под ред. А. А. Шахматова / – СПб.: тип. Александрова, 1908. – 638 с.
ПСРЛ, том 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. А.Н.Насонова. – М.-Л.: АН СССР, 1950. – 640 с.
ПСРЛ, том 4. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. Новгородская четвертая летопись. – Л.: АН СССР, 1925. – 536 с.
ПСРЛ, том 6. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 312 с.
ПСРЛ, том 7. Летопись по Воскресенскому списку / под ред. А.С.Норова.– СПб., 1856. – 345 с.
ПСРЛ, том 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью / под ред. С.Ф.Платонова, С.А.Адрианова. – СПб, 1901. – 266 с.
ПСРЛ, том 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью (окончание) / под ред. С.Ф.Платонова, С.А.Адрианова Ч. 1. – СПб, 1904. – 302 с.
ПСРЛ, том 22. Русский хронограф. Ч.1. Хронограф изд. 1512 г. – СПб., 1911. – 580 с.
ПСРЛ, том 23. Ермолинская летопись. – СПб., 1910.– 252 с.
ПСРЛ, том 24. Летопись по Типографскому списку – Пг., 1921. – 272 с.
ПСРЛ, том 25. Московский летописный свод конца XV века. – М.-Л.: АН СССР, 1949. – 464 с.
ПСРЛ, том 33. Холмогорская летопись. Двинской летописец. – Л.: Наука, 1977. – 250 с.
ПСРЛ, том 37. Устюжские и вологодские летописи XVI-XVIII вв. – Л.: Наука, 1982. – 228 с.
Псевдо-Арриан. Объезд Евксинского Понта / Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1948. №4. – С. 226-238.
Путешествие в восточные страны Платона Карпини и Рубрука. – М.: Географгиз, 1957. – 270 с.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. / Пер. с перс. О.И. Смирновой. – Т. I. Кн. 2. – М.-Л.: АН СССР, 1952. – 315с.
Рашид ад-Дин / Извлечения из «Сборника летописей» Рашид ад-Дина // Золотая Орда в источниках. Т. I. / пер. В.Г. Тизенгаузена. – М.: Центр по изучению военной и общей истории, 2003. – С 400-436.
Ремезов С. Приложение к чертежной книге Сибири, составл. ... в 1701 г. – СПб.: Тип. А.М.Котомина, 1882. – 58 с.
Ригельман А.И. История или повествование о Донских козаках...1778 г. – М., 1846. – 161 с.
Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией. Том 6. Ч. I / Памятники древнерусского канонического права (XI-XV в.).2-е изд. – СПб., 1908. – 1466 с. и стб.
«Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии / Т.Н.Джаксон, Т.М.Калинина, И.Г.Коновалова, А.В.Подосинов. – М.: Языки славян. культур; Знак, 2007. – 360 с.
Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV–начала XVI в. – М.: Наука, 1974. – 111 с.
Рыбаков Б.А. Русские земли по карте Идриси 1154 года // КСИИМК. – М., 1952. Вып. XLIII. – С. 1–43.
Рычков П.И. Опыт казанской истории древних и средних времен. – СПб.: ИАН, 1767. – 196 с.
Рязанские достопамятности, собранные архимандритом Иеронимом / с примеч. И. Добролюбова. – Рязань, 1889. – 129 с.
Савельев Е.П. Древняя история казачества. – М.: Вече, 2002.–222 с.
Садиков Н.А. Поход татар и турок на Астрахань в 1969 г. // Исторические записки. Т.22. 1947. – С. 132-166.
Сборник императорского Русского исторического общества: Памятники сношений древней России с державами иностранными / под ред. Г.Ф. Карпова, Г.Ф. Штедмана. – СПб.: ИАН, 1895. Т. 95. – XIX, 706, 108 с.
Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. –

М.: Восточная литература, 1994. – 470 с.

Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. – М.: Восточная литература, 1995. – 588 с.

Седов В.В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. – М.: ИА РАН, 1999. – 317 с.

Седов В.В. Русский каганат IX века // Отечественная история. № 4. 1998. – С. 3-14.

Седов В.В. Славяне в древности. – М.: НПБО «Фонд археологии», 1994. – 344 с.

Седов В.В. Анты // Исчезнувшие народы (по материалам журнала «Природа» – М.: 1988. – С. 77-84.

Сибирские летописи. – СПб.: изд. Императорской археографической комиссии, 1907. – 395 с.

Сизов В.И. Раскопки на двух городищах близ Цимлянкой станицы на Дону // Труды VI Археологического съезда в Одессе. Т.4. – Одесса: тип. Шульца, 1889. – С. 273-281.

Синицын И.В. Древние памятники в низовьях Еруслана (По раскопкам 1954-1955 гг.) // МИА № 78 – Древности Поволжья. – М.: АН СССР, 1960. – Т. II. – С. 10-168.

Славянская энциклопедия. Киевская Русь – Московия: в 2 т. / Автор-составитель В. В. Богуславский. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. Т. 1. – 784 с.

Славянская энциклопедия. Киевская Русь – Московия: в 2 т. / Автор-составитель В. В. Богуславский. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, ОАО ПФ «Красный пролетарий» 2004. Т. 2. – 816 с.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. 2-е изд. Кн. 2. Т. 6-10. История России с царствования Ивана IV до начала царствования Алексея Михайловича. – СПб.: Общественная польза, 1896. – 1726 стб.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – М.: «Эксмо», 2010. – 702 с.

Сообщения Халифа ибн Хайята ал-Усфури об арабо-хазарских войнах в VII — первой половине VIII в. / пер. В. М. Бейлиса // Древнейшие государства на территории СССР.

Материалы и исследования. 1998 г. – М.: Восточная литература. 2000. С. 36-43.

Спицын А. А. Некоторые новые приобретения Саратовского музея. // ИАК. – Вып. 53. – 1914. – С. 95-106.

Стрейс Я.Я. Три путешествия. / Пер. Э. Бородиной – М.: ОГИЗ-Соцэкгиз, 1935. – 416 с.

Стрыйковский М.О. Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси / пер. Р.П. Погодин – Варшава: 1582 / СПб.: 1844. – 214 с.

Тарнбул С. Армия монгольской империи. – М.: АСТ-Астрель, 2003. – 33 с.

Татаринов С.И. Минерально-сырьевая база Донецкого горно-металлургического центра эпохи бронзы в Восточной Украине // Проблемы гірничої археології (доповіді II-го міжнародного Картамиського польового археологічного семінару). – Алчевськ: ДГМІ, 2003. – С. 196-204.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. – СПб.: Изд-во ИАН, 1884. Т. I. – 563 с.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. II. – 308 с.

Тихомиров М.Н. Список русских городов дальних и ближних / Русское летописание. – М.: Наука, 1979. – С. 83-137, 357-361.

Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – М.: Вост. литература, 2002. – 752 с.

Фальк И.П. Полное собрание ученых путешествий по России. – СПб.: Изд-во ИАН, 1824. Т. VI, ч. 1. – 446 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Монеты – свидетели прошлого. Популярная нумизматика. – М.: Изд-во МГУ, 1985. – 176 с.

Флеров В. С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. – М.: Мосты культ.-Тешарим, 2011. – 260 с.

Фоменко И.К. Атлас Тартарии: Евразия на старинных картах: Мифы. Образы. Пространства. – М.-Казань: Феория, 2006. – 480 с.

Фоменко И.К. Первые упоминания «Самары» в западноевропейских средневековых источниках // Среднее Поволжье в контексте средневековой российской истории: на перекрест-

ке культур (конец XIII-XVI вв.). Мат-лы Самарской обл. н.-практ. конф. – Самара: «Офорт», 2012. – С.9-23.

Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. – Казань: ФЭН, 1994. – 164 с.

Хвольсон Д.А. Абу-Али Ахмед Бен Омар Ибн-Даства. Известия о Хозарах, Буртасах, Болгарах, Мадырах, Славянах и Руссах. – СПб.: тип. ИАН, 1869. – 214 с.

Хонианин Н. История со времени царствования Иоанна Комнина. / Пер. под ред. В. И. Долоцкого. Т. 1 (1118-1185). – Рязань: Александрия, 2003. – 440 с.

Худуд ал-'алем: рукопись Туманского / с введением и указателем В. В. Бартольда; АН СССР. – Л.: АН СССР, 1930. – 78 с.

Чернецовы Г. и Н. Путешествие по Волге (Воспоминания из путешествия по Волге в 1838 г.). – М.: Мысль, 1970. – 192 с.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. – М.: Наука, 1970. – 180 с.

Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана и «Бревиарий» Никифора – М.: Наука, 1980. – 216 с.

Шамилоглу Ю. «Джагфар тарихы»: как изобреталось болгарское самосознание // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. – М.: ИА РАН, 2011. – С. 275–287.

Щекатов А. Новый и полный географический словарь Российского государства или Лексикон... – М.: Тип. Моск. унта, 1787. – 683 с.

Эдельштейн Я.С. Коренное месторождение золота и серебра в горе Серебряная на р.Амуре // Золотопромышленность и горное дело вообще. – Томск, 1905. Т. XIV. № 8. – С. 264-265.

Юань ши / Китайская династийная история «Юань ши (Официальная история [династии] Юань)» // Золотая Орда в источниках. Т. 3. Китайские и монгольские источники / пер. Р. П. Храпачевский. – М.: Центр по изучению военной и общественной истории, 2009. – С.121-252.

Янин В.Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода.– М.: Языки славянских культур, 2009. – 416 с.

Atlas historique, ou nouvelle Introduction a l'Histoire, a la Chronologie, & a la Geographie Ancienne & Moderne... Tome IV. – Amsterdam, MDCCXIV (1714).

Bibliotheca geographorum arabicorum / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum: Т. I, 1870 (ал-Истахри); Т. II, 1873 (Ибн Хаукал); Т. V, 1885 (Ибн ал-Факих); Т. VI, 1889 (Ибн Хордадбех, Кудаман ибн Джа'фар); Т. VII, 1892 (Ибн Русте, ал-Йа'куби); Т. VIII, 1894 (ал-Мас'уди).

Heronis Alexandrini. Opera quae supersunt omnia. Vol. IV. – Lipsiae, 1912. – P. 87-407.

Isnard A. Joseph Nicolas Delisle. Sa biographie et sa collection de cartes geographiques a la Bibliotheque Nationale. Paris, 1915.

Lewicki T. La voie Kiev – Vladimir (Wladzimierz Wolyński), d'après le geographe arabe du XII siecle al-Idrisi // Rocznik Orientalistyczny. – Krakow / Т. 13. 1938.– P. 91-105.

Lindkvist Th., Sj"Oberg M. Det sv"anska samh"allet 800-1720. Klerkernas och adelna tid. Andra upplaga. Studentlitteratur, 2008. – S. 35, 42, 62-63.

Manuscript Codex Vaticanus Graecus 177. – Vatican: Bibliotheca Apostolica Vaticana, XIII. – 241 f.

Manuscript Codex Vaticanus Graecus 191. – Vatican: Bibliotheca Apostolica Vaticana, XIII. – 397 f.

Manuscript Codex Vaticanus Urbinas Graecus 82. – Vatican: Bibliotheca Apostolica Vaticana, XIII-XIV. С. 1r-110r.

Manuscript Codex Vaticanus Urbinas Graecus 83. – Vatican: Bibliotheca Apostolica Vaticana, XV. С. 20r-116r.

Müller C. Geographi graeci minores. Vol. II. – Parisiis, 1861.– 665 p.

Недков Б. България и съседните ѝ земи през XII век според Идриси. – София: Наука и искусство, 1960. – 175 с.

Pallas P.S. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. Dritter Theil. Bohm Jahr 1772 und 1773.– SPb., 1776. – 786 p.

Ptolemy Claudius. Cosmographia / translated by Jacobus Angelis; edited by Nicolaus Germanus. Ulm: Lienhart Holle, 1482 (URL: <http://maps.bpl.org>).

Ramusio G.B. Primo volume et Terza edizione delle navigationi et viaggi raccolto gia da M. Gio. Battista Ramusio. – Venetia, 1563. – 34, 395 ff.

Schlözer A.L. Tableau del'histoire de Russie. –Göttingue, 1769. – 30 p.

Schlözer A.L. Нестор. Руския летописи на Древле-Славенском языке. / пер. с нем. Д. Языкова. – СПб., 1809.– 708 с.

Schmidt Fr. M. Über Rubruk's Reise von 1253-1255. // Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin», 1885. Т. XX. S. 217-255.

Tomashek W. Zur Kunde der Hämus-Halbinsel. Die Handelswege im 12 Jahrhundert nach den Erkundigungen des Arabers Idrisi. // Sitzungberichte der Philosophisch-historischen Classe der KAdW. B.113 – Wien, 1886. – S. 285-373.

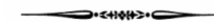
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВАГО – Всесоюзное астрономо-геодезическое общество
ВДИ – Вестник древней истории
ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения
ИВИ – Институт всеобщей истории РАН
КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры
ЛОИИ – Ленинградское отделение института истории
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК – Отчет Императорской Археологической Комиссии
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РИБ – Русская историческая библиотека
САИ – Свод археологических источников
СУАК – Саратовская ученая архивная комиссия

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абдуррахман 25	Архимед 294
Абу-л-Бара 31	Ал-Асир 123, 127, 128, 130
Абу-ль-Фида 150-152, 163, 171, 178	Артамонов М.И. 45, 81, 120
Абу Халид 31	Асид ибн-Зафир 33
Абу-Язид 33	Аскольд 49
Агафий Миринеийский 22	Ат-Табари 25, 26, 30
Агриппина княгиня 221	Ахмат хан 198-200
Адамс К. 202	Аянгеев Б. 277
Адриан император 9	Бабулин 276
Александр Македонский (Зу-л-Карнайн) 51-53, 62, 210	Багров Л.С.
Александровская О.А. 246	Байдар 131, 136
Алексей Михайлович царь 271, 273, 285,	Байер Г.З. 4,
Алексий митрополит 186	ал-Балазури 31, 33
Алиев С.М. 48	Балановский А.В. 8
Альфонсо V 189	Баллод Ф.В. 164
Андрей Васильевич 195	Аль-Балхи 57, 62
Андрей Меньшев князь 195	Барбаро И. 168, 257
Андрей Ольгердович 174, 175	Барбоша атаман 283
Анна Иоанновна 285	Бартольд В.В. 80
Анна принцесса 84	Баторий С. 241
Аннинский С.А. 257	Батый (Бату) 122-123, 130, 131, 135, 136, 139-141, 143, 144
Антонин Пий 9	Бахадыр Гирей 270
Аньезе Б. 206-208, 210-213, 224, 225, 229	Бачман 130, 131, 134
Арабшах А.М. 165	Бащу М. 293
Арзубьев К. 197	Баялунь ханша 169, 170
Аристотель 15, 294	Баян 133
Арриан Ф. 113, 114	Бейлис В.М. 32, 80
	Бекетов П. 264
	Бек-Мурза 240
	Бек-Ярык 178, 180

- Беляев И.Д.. 187
 Бельский Б. 253
 Бельский М. 221
 Бельский С.Ф. 226
 Березин И.Н. 131-133, 142
 Берды-Шиик 197
 Бериг король 14
 Берке 135, 140
 Бируни А.Р. 295
 Благой Б. 235
 Блинов А.В. 113
 Б(о)луш 91
 Богатый И. 275
 Богачёв А.В.. 19
 Боднарский М.С. 294
 Боплан Г.Л. 107
 Борецкий Д. 197
 Борис Васильевич князь 195
 Борис Владимирович 86
 Борятинский Ю.Н. 283
 Браташова С.А. 53, 96, 103, 115, 217
 Брахвельт 160
 Бруин К. 285, 287
 Брун Ф.К. 157, 161, 164, 171
 Будан Ф. 275-277, 279
 Бузулуков С.А. 281
 Булавин К.
 Бурал(ун)дай эмир 131, 138
 Бури 123, 124, 131, 135, 139, 140
 Бушев П.П. 261
 Бушков А.А. 29, 41
 Бучек 131, 140
 Бу-Юрган М. 293
- Бэрроу Х. 245, 246, 250
 Ал-Васик халиф 56
 Василенко И.Г. 17
 Василий I Дмитриевич князь 182, 183, 193
 Василий II Васильевич 194-196
 Василий III 185, 205, 206, 212, 220, 221, 224, 226, 241, 244
 Васильев Д.В.
 Васильевский В.Г. 47
 Весконте П. 170
 Вестерфельд А. 145
 Ви(е)д А. 206, 226, 227, 228
 Виноградов В.И.
 Витовт 175, 188
 Витсен Н. 284
 Владимир Давыдович 109
 Владимир Святославич (Георгий) князь 49, 73, 75, 76, 82, 84, 86, 288, 291
 Владимир Юрьевич 137
 Владислав IV 173, 261, 273
 Вреден Э. 207
 Всеволод князь 91
 Всеволод Юрьевич 137
 Выговский И. 275
 Гадариг король 14
 Гардизи 58, 61, 89, 90, 134
 Гаркави А.Я. 25, 41, 67, 77
 Ал-Гарнати 58, 118, 119, 121
 Гастальди Я. 206, 225
 Гваньини А. 241
 Гедимин князь 173, 174
- Георгий Амастридский 47
 Гераклитов А.А. 262
 Герасимов Д. 206, 207, 212, 229
 Герберштейн С. 205, 206, 212, 213-215, 217-222, 224-226, 257
 Герон Александрийский (Heronis Alexandrini) 58, 294
 Герритс Г. 252-254, 256, 257
 Глеб Владимирович 86
 Глебов 78
 Глинская Е. княгиня 229
 Гмелин С.Г. 166
 Гнутова С.В. 120
 Годунов Борис царь 251, 256
 Годунов П.И. 266
 Годунов Ф.Б. 253, 256
 Голомбиовский А.А. 136
 Голохвастов посол 221
 Горбатый-Шуйский А. князь 231
 Горохов И. дьяк 276
 Григорьев А.П. 171
 Гуюк-хан (Куиншхан) 124, 130, 131, 136, 140, 141, 143
 Дабрагез таксиарх 22
 Давыдов Т. 282
 Дайчин тайша 276, 277
 Дарий I 104
 Девлет-Гирей 237
 Делатор Г. (Юрий) 200
 Делиль Ж.Н. 288, 289
 Дербьш-Али хан 232
 ад-Димашки 94
 Дир 49
- Джагфар 7
 Джанибек 165
 Ал-Джейхани 58, 62, 66
 Дженкинсон А. 200-202, 204, 232-235, 256
 Джиху 133
 Джомард Е.-Ф. 154
 Джувеини 122
 Джучи 127, 129, 130, 135
 Джэбэ 125, 129
 Димитрий князь 174
 Дмитрий Донской 175
 Долгорукий В.В. 287
 Драгунов Н.А. 269
 Дубман Э.Л. 262
 Дульсерт А. 152, 153, 158, 161, 163, 165, 168
 Духовников Ф.В. 162
 Егоров В.Л. 163, 165, 166
 Екатерина II 285
 Елизавета I королева 233
 Елисеев Г.А. 276
 Ермак 238, 239, 283
 Жеребцов воевода 264
 Жузе П.К. 33
 Жуков И.А. 75
 Зайковский Б.В. 19
 Займ М. 60
 Замысловский Е.Е. 216, 218, 222
 Заруцкий И.М. 261-263
 Захария Ритор 15
 Заходер Б.Н. 60, 61, 90, 102
 Зиливинская Э.Д. 29, 30, 41
 Зотова Е.Я. 120

- Иаков Мних* 76
Ибн Баттута 169-171
Ибн Зайд 48
Ибн Исфандийар 30, 48
Ибн Мискавейх 26
Ибн Русте (Ибн Даста) 58, 60, 61, 66, 90
Ибн Фадлан 39
Ибн Хаукаль 57, 61, 73, 74, 79, 91, 96, 97, 101, 102, 119, 133, 161, 291, 293
Ибн Хордадбех 42, 65, 79
Ибрагим султан 270
Ибрагим хан 197-199
Иванетинков С. 78
Иван III Васильевич 185, 195-200, 202, 203, 205, 221
Иван IV Васильевич Грозный 82, 202, 229-232, 235, 238, 244, 246, 247, 252, 256, 260
Иван Дмитриевич 261
Иван Руно 196, 197
Иванов П. 295
Игорь князь 70, 77
Идегей 144
Ал-Идриси 60, 93, 94, 96-98, 102-105, 107-115, 118, 119, 133, 291, 294, 299
Измаил хан 229
Изяслав Давыдович 109
Изяслав Мстиславич 109
Иларион митрополит 75, 88
Ингигерда 84, 85, 258
Иннокентий II папа 94
Иоанн Эфесский 17, 18
Иоанн Фессалоникийский 24
Иордан 14
Иосиф 71
Ирина императрица 35
Исаакий поп 291
Ал-Истахри 57, 61, 62, 64-66, 72, 73, 79, 90, 91, 97, 101, 119, 133, 161, 291
Йоде 202
Кадан 130, 131, 135, 139, 140
Казбулат Черкасский 276
Казимир III Великий 173
Казимир IV 197-199
Калинина Т.М. 51, 56, 64, 65, 73, 74
Карамзин Н.М. 133
Караулов Н.А. 72, 74, 79
Карпини И.П. 143, 145, 148
Касим паша 236
Ал-Кашгари М. 53, 143
Кейстут 175
Киннам И. 103, 104
Киприан митрополит 183, 184
Киртичников А.Н. 40
Клейменова С.В. 8
Клименко А.В. 6
Климент VII 185, 206
Клио муза 296
Кожонов Б. воевода 196
Козин С.А. 123
Кейстут 174
Козин С.А. 123
Коковцев П.К. 71
Колло Ф. 222, 224
Колупаев М. 232
Кольцо И. 238
Коновалова И.Г. 94, 97, 98, 100, 107, 108, 113, 299
Константин V 35
Константин VII Багрянородный 44, 45, 67, 70, 71, 74
Комнин А. 119
Комнина А. 119
Кондырев воевода 272
Конрад император 95
Контарини А. 168, 257
Копылов Д. 264, 265
Кошелев Н. 126
Краснодубровский С.С.
Крачковский И.Ю. 62
Кропоткин В.В. 16, 36, 105
Кротков А.А. 40, 162
Крыжевский Б.Н. 269
Кубрат 27, 28
Кузин А.А. 78
Кулкан 131, 135
Курбский С. князь 203, 216
Курицын И. Волк 200
Кутлуг-Буга 174
Ал-Куфи 31, 33, 79
Ламанский В.И. 171, 295, 296
Лев Диакон 77
Лев VI 92
Левицкий Т. (Lewicki) 294
Лжедмитрий I 251
Линдквист Т. 80
Лихачев Н.П. 121
Лондинензи н.Р. 202
Лопата-Пожарский 261
Львова З.А. 40
Льюис Х. 29, 41
Людвик I 45
Ляпун (Филимонов) 232
Ляхов С.В. 297
Ляцкой И. 226, 227, 228
Маврикий император 18, 23
Макаров В.З. 8
Максим митрополит 186
Максимилиан император 200, 205, 213, 222
Максимов Е.К. 8, 277
Мальцев С. посол 235
Мамай 171, 175, 176
аль-Мамун халиф 31, 50
Ал-Мансур халиф 41
Мансуров Л. посол 232
Мануил I император 95, 103, 104, 110, 112, 116
Марвази 58, 61
Марван II халиф 30-33
Марк Аврелий 9
Масса И. 252, 256-259
Ал-Мас'уди 77-79, 96, 102, 140
Матюхин А.Д. 297
Махмутек (Махмуд, Маматяк) 194
Межаков Ф. 260
Мезенцов А. 247
Мельникова Е.А. 80
Менгли-Гирей 199, 200, 221
Менгу-хан 131, 134, 140, 141

- Меркатор 241, 244
 Мерперт Н.Я. 8
 Меховский М. 210, 217, 218, 257
 Мещеряк атаман 283
 Миллер Г.Ф. 4
 Милославский И.Б. 283
 Минаев Ф. 285
 Миних М.Г. 8
 Минх А.Н. 146, 164, 178
 Мираншах 180
 Михаил Александрович князь 174
 Михаил Андреевич князь 194
 Михаил Фёдорович царь 267
 Михеев В.К. 81
 Михов Г. 207
 Мнишек М. 260, 261
 Морепан граф 289
 Москвитин И.Ю. 265
 Мстислав Владимирович (Храбрый) 75, 86-88
 Мстислав Романович князь 127
 Ал-Муккадаси 57, 80
 Мунке 123, 124
 Мурашкин воевода 238
 Мустафа царевич 144
 Мюллер И. 71
 Надеждин Н.И. 9
 Невоструев К.И. 160
 Недашковский Л.Ф. 162
 Непея О.Г. посол 201, 233
 Нерва 9
 Нестор 49, 57
 Нечволодов А.Д. 173
 Низам ад-Дин Шами 177-180
 Ника богиня 121
 Никитин А. 203, 204
 Никитин А.Л. 49, 72, 76, 77, 83, 91, 106, 121, 127, 134, 140, 204
 Никифор Григорас 10
 Николаева Г.В. 121
 Николай епископ 117
 Никон патриарх 256, 288
 Никон Печерский 117
 Новиков Н.И. 247
 Ногай 149
 Огородников В.И. 257
 Одоевский князь 261
 Оларий А. 160, 162
 Олег князь 8
 Олег Святославич (Михаил) князь 115, 117
 Ольга княгиня 72
 Ольгерд князь 174
 Аль-Омари 149
 Онганья Ф. 207
 Орда 131, 135
 Ортелий А. 202, 256
 Осеив С. 196
 Осман II 268
 Острожский князь 212
 Иовий П. 206, 207, 210, 257
 Палеги паша 236
 Палеолог С. княгиня 202
 Паллас П.С. 162, 164, 167, 168
 Пархоменко В.А. 68
 Пелепелицын В. 238
 Песах 8
 Петров А.Е. 293
 Петрона Каматир 43-45
 Пётр Ф. князь 198
 Пётр митрополит 186
 Пётр I 101, 236, 253, 255, 256, 258, 271, 285, 287, 288
 Пигулевская Н.В. 15
 Писемский Ф. 232
 Писларий И.А. 78
 Пищигани 60, 154-156, 158, 159, 163, 168, 189
 Плануд М. 10, 11
 Племянников В.С. -206, 213
 Плетнёва С.А. 16, 292
 Плиний Старший 46
 Пожарский 272
 Полевой Б.П. 265
 Поло М. 148, 161
 Поло Н.и М. братья 148
 Попов А. 287
 Постник Яковлев 231
 Постников А.В. 272, 289
 Похилевич Л. И. 107
 Прокопий Кесарийский 20-22, 25
 Прокофьев Н.И. 173
 Пронский-Шемякин Ю. 231
 Пруденций епископ.45
 Прянишников И.П. 267, 270
 Птолемей К. 9, 10, 32, 33, 34, 50, 56, 62, 154, 207, 210, 216, 217, 244
 Пуреш 121
 Пургас 121
 Пухов Т. 232
 Пушкин А.С. 271
 Радзивилл Я. 145, 273
 Разин С.Т. 275-283
 Рамузио Г.Б. (Ramusio) 206
 Рашид ад-Дин Хамадани 122, 125, 126, 131-136, 140
 Ремезов С.У. 250
 Рёнгвальд Ульфссон 84
 Ригельман А.И. 230
 Рожер II 93-96, 102, 103, 109, 111, 117
 Рожинский Б. 240
 Романов М.Ф. царь 260, 262, 264, 271
 Ромодановский князь 276
 Рубрук Г. (В.) 121, 148
 Рукин М. 264
 Рыбаков Б.А. 65, 66, 183-185, 200, 202, 203, 207, 227, 294
 Рычков П.И. 160
 Рюрик 49
 Савельев Е.П. 221, 229, 267, 285
 Сагайдачный П. гетман 266
 Садиков Н.А. 235
 Сансон Н. 241, 242, 244, 245, 258, 260, 274
 Сафа-Гирей 229
 Сваруна 22
 Святополк Владимирович 86
 Святослав Игоревич князь 66, 70, 72-75, 77, 86

- Святослав Ольгович 108
 Святослав II Ярославич 75, 76
 Святослав Владимирович 86
 Серебряный князь 236
 Седов В.В. 12, 16, 28, 47
 Селезнев В. 197
 Селим II 101, 236
 Сигизмунд I 185, 212
 Сизов В.И. 81
 Симокатта Ф. 23
 Синеус 49
 Сигизмунд III 251
 Синицын И.В. 163
 Синкелл Ф. 23
 Скилица И. 115
 Скиргайло 175
 Слепой Б. воевода 196
 Смольнянин И. 172, 173, 186, 193
 Сокал князь 88
 Соловьев С.М. 261, 276
 Спицын А.А. 121, 168
 Строгоновы 239
 Стрыйковский М.О. 86, 87
 Стре(ю)йс Я. 282, 283
 Субедей (Субеетай-Баатур) 123, 130, 132-134, 138
 Сулейман султан 229, 236
 Сухощок Е. 197
 Тангут 131
 Тарханиот Ю. 200
 Тарханов княж сын 197
 Татаринов С.И. 78
 Татищев В.Н. 246
 Темир-Кутлуг 188
 Тиверий 17
 Тизенгаузен В.Г. 132, 135, 149, 169, 177, 181
 Тимур (Тамерлан) 149, 163, 165, 168, 173, 176-184, 187, 193, 291
 Тихомиров М. Н. 186
 Толмачев Н.А. 163
 Томашек В. 293, 294
 Томкони шаман 264
 Тохтамыш хан 176, 177, 182, 183, 188
 Транковский А.И. 85
 Траян 9
 Трерапавлов В.В. 235, 237
 Трубчанинов М. 264
 Трувор 49
 Тулуй-хан 131
 Тьеполо Ф. 257
 Угэдэй 123, 129, 131, 135, 141
 Узбек хан 152, 154, 165, 169, 188
 Улаф III король 84
 Улу-Мухаммед (Махмет) 194
 Унковский О. 278
 Урус хан 238, 240
 Урусь-Богатырь 200
 Ушатый П. 203
 Ал-Фазари 41
 Фальк И.П. 164
 Фальчетто П. 192
 Феогност митрополит 186
 Феодора императрица 35
 Феофан 34-36, 43, 47
 Феофил 43, 45-47, 72
 Фёдор Черный 157
 Флёров В.С. 44
 Фоменко И.К. 154, 160, 161
 Фоскарини 256
 Фотий патриарх 48, 49, 290, 293
 Фра Мауро 189, 190-193
 Фролова О.Б. 171
 Хаджи-бек 174
 Халиков А.Х. 157
 Халифа ибн Хаййат 31, 32
 Харауер К. 226
 Хвольсон Д.А. 60
 Хмельницкий Б. 272, 273, 275
 Хонианит Н. 103
 Ал-Хорезми 40, 50-53, 55, 56, 59, 62, 79, 146
 Хотосы-хан 134
 Худяков Г.И. 8
 Худяков Д.С. -8
 Хосров Великий 23, 25, 26
 Цезарь 210
 Чагатай 131, 135
 Черемисинов И. 232
 Чернецовы Г. и Н. 55, 193
 Черных Е.Н. 55, 296
 Чингисхан 122, 126-129, 135, 141, 291
 Чириков И. 269
 Чичуров И.С. 34, 47
 Чорново-Оболенский Ф. 263
 Шахматов А.А. 4
 Шамилоглу Ю. 293
 Шахриар (Шахрбараз) 25
 Шеберг М. 80
 Шевченко И. 47
 Ше(и)йбан 131, 136, 140
 Шехтер 7, 292
 Ширяй И. 231
 Шишкин П.Н. 162
 Шлёцер А.Л. 4
 Шмидт Ф.М. 148
 Щекатов А. 164
 Эдельштейн Я.С. 265
 Элмингур лохаг 22
 Юдин А.И. 8
 Юрий Васильевич князь 195
 Юрий Дмитриевич 182, 183
 Юрий Елецкий князь 172
 Юрьев К. 198, 200, 204
 Юстиниан II 35
 Юсуф-паша 270
 Ягайло - Владислав 174, 175
 Ядвига королева 175
 Яковлев К. 275
 Якуб (Якуп) 194
 Ямгурчей хан 231, 232
 Янин В.Л. 67
 Яропкын М.Кляпик 200
 Ярослав Владимирович (Мудрый) князь 75, 84-88
 Brook К. А. 30, 41
 Isnard A. 289

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ

Абаскун 48
Аварский каганат 19, 26
Авсийа - см. Родень
Адрианополи 17
Азербайджан 32
Аззу (Узи) река – см. Днепр
Азия 82, 84, 223, 256, 284
Азов (ал-Азак, Азак, Тана)
149, 171, 180, 181, 211, 221,
229, 232, 236, 237, 267-271
Азовское море (Меотида,
Маниташ, ал-Азак) 14, 20,
21, 34, 36, 56, 96, 103, 151,
154, 170, 171, 267, 272
Акча-керман (Акджа-
Карман) – см. Белгород
Днестровский
Алания 32, 37, 70, 71, 125
Албания (Кавказская) 14
Алдан река 264
Александрия 10
Альмасарай 247
Алушта (Шалуста) 113, 114
Амастрида 47
Амстердам 252
Аму-Дарья (Джейхун) река
149, 154
Амур (Чиркол) река 265
Анапа 20

Ангара река 264
Анхиал 104
Арабский халифат 42, 48
Аракс река 87
Аральское море 4, 30
Арман – см. Белая Церковь
Армения 32
Арса (Арта, Urtab) 63, 64,
73, 91, 97, 99-101, 135
Архангельск (Михаил Ар-
хангел) 253
Аслам-Кермен 241
Астрабат (ныне Горган) 279
Астраханская обл. 166
Астрахань (Хаджитархан,
городище Ш(ж)ареный Бу-
гор, Котоба) 59, 60, 128,
168, 169, 181, 182, 203, 211,
221, 232-238, 245, 246, 249,
256, 261, 262, 272, 279, 280
Ате(и)ль река- см. Волга
Атлантический океан 4, 83
Аусбург 206
Афганистан (Хорасан) 78
Афины 21
Африка 39, 82, 84, 94, 189
Ахайа 24
Ахас 221
Ахмат гора 162

Ахтуба (Хабан, Джаян) ре-
ка 131, 132, 166, 257
Баб-ал-Абвab – см. Дербент
Баба Салтук 169
Баганд 80
Багдад 32, 43, 48, 57, 62
ал-Байд'а (Бейда) 32, 33, 41,
42, 79, 80,
Байлакан крепость 87
Баку 279
Балаклава (порт Символов,
Саранба) 114, 241, 268
Балтийское море (Немец-
кое, Ливонское) 4, 66, 77, 83,
175, 191, 192, 211, 219, 222
Балх 57
Балыкля река 247, 249
Банджгир (Панджшер) го-
ра 78, 79, 89
Бараний Лоб (Морда), Криу
Метопон гора и мыс 34
Барасаниса (Пересечен?)
105-108
Бахгин (Богдан) река 253
Башни Зу-л-Карнайна 51
Баразула – см. Переяславль
Барзлав (Воинь на Суле?)
105, 108
Барамуниса 104, 107, 108
Баренцево море 30
Бармуни – см. Хотин
Бартаниги – см. Партенит
Бах(к)чисарай 247, 268
Бежецкий Верх 195

Белая 258, 273, 277
Белая (Белая Волошка) ре-
ка 196
Белая Церковь (Юрьев,
Арман) 105, 108, 109
Белгород Днестровский
(Мауро Касгрон, Маргури,
Акча-керман, Акджа-
карман) 110, 112, 149-152,
268
Белград (Белеград) 71
Беленджер (Баланджар)
25, 41, 42, 79, 80
Белое море 184, 192, 248
Белоозеро (Белозерск) го-
род 49, 64, 210
Бельджамен (Балджаман,
Берджиман, berciman,
Vexima?) 151, 163, 164, 180,
181, 245
Белый Яр – см. р.Иловля
Бендеры (Тягин, Туйя,
Сармали) 110-112
Берда'а 33
Березва (Berezvua) река 217
Березина река 219
Берестечко 2743
Берёзов 253
Биляр 91, 129, 132
Битюг (Битюк) река 172
Бобруйск 219
Болгария 154
Большетарханское г-ще 19
Борисов 219, 253

- Борисфен – см. Днепр
 Боровск 200
 Боспор – см. Керчь
 Боспор Киммерийский – см. Керченский пролив
 Босфор пролив 23, 47, 115, 170, 267
 Брест (Берестье) 184
 Британия 233
 Буг Западный река 184, 192
 Буг Южный река 92, 174, 175
 Бугаз-Кум 181
 Буданова гора 277
 Буданова городище 277
 Будапешт 226
 Бузан протока 204
 Бузулук река 285
 Бузун-река 173
 Бу(о)лгар (Булар, Боргар Болгары) город 39, 58-62, 64-66, 72, 80, 90, 91, 93, 98-100, 102, 103, 109, 118, 119, 127, 132, 133, 135, 141, 144, 146, 148, 149, 151, 158, 160, 171, 182, 245, 294
 Булгария «Великая» 27, 28
 Булгария Волжская 4, 30, 41, 62, 70, 73, 121
 Бургас (Яйлак, уаһаһи, Квасниковское г-ще) 60, 102, 161
 Бугар 113-115, 300
 Бухара 19, 58, 89, 176, 233, 234, 287
 Вавилон 58
 Вазуза река 229
 Варна (Карна) 184
 Варяжское море 83
 Василь-город (Василь, Васильсурск) 213, 233, 245
 Вележ 277
 Великая река 211
 Великая Ворона река и городок Ворона 186, 187
 Великая Лука 163, 172, 203
 Великое Болото (Paluč magno, Фроново болото) 210, 219
 Великое княжество Литовское (Литва) 87, 173-175, 182, 184, 195, 213, 219
 Велич крепость 213
 Венгрия (Ункарийа) 95, 97
 Венеция 95, 152, 189
 Вехра река 219
 Видин (Видычев) 184
 Византий - см. Константинополь
 Византия (Рум страна) 15, 21, 25, 35, 41, 42, 43, 50, 64, 65, 70, 79, 95, 96, 103, 115, 121, 290
 Вильнюс (Вильна) 175, 219
 Висла (Вистула) 13, 14
 Вистула – см. Висла
 Витебск 175, 219
 Витичев крепость 75
 Вичина – см. Сакджа, Исаки
 Вишера река 212
 Владимир 137, 138, 210
 Владимир Волынский 294
 Волга (Рось, Ра, Атель, Итиль, Исил, нахр Русиййу – Русская река, Идил, Эдель, ал-Атил) 4, 5, 10, 12, 15, 16, 19, 22, 28, 30, 31, 33, 34, 36, 38-40, 42, 43, 51-56, 59-61, 64-66, 70, 72-74, 77, 79, 80, 82, 87, 88, 90, 91, 96, 97, 99, 101, 102, 112, 117-124, 128, 129, 131, 132, 134-136, 141, 144, 148, 150, 151, 153, 154, 156, 158, 159-164, 168, 171, 177, 178, 181, 192, 193, 198, 203, 208, 210, 211, 218-221, 223-225, 229, 232-240, 244, 248-250, 253, 256-260, 262, 263, 272, 280, 281, 287, 291
 Волгоград (Царицын) 37, 60, 164, 182, 246, 249, 250, 253, 256, 257, 280, 282
 Волгоградская обл. 36
 Волконский (Vuolkonzki) лес 219
 Вологда 195, 196, 225, 229, 234
 Волоколамск (Волок Ламской) 195
 Волхов (Новогадо) река 38, 40, 67, 68, 82, 156, 210, 225, 291
 Воронеж 261, 272
 Воронеж река (с истоками Лесной и Польный Воронежи) 172
 Воронеж Лесной река 136
 Воронеж Польный река 136
 Ворскла река 188
 Вроцлав 202
 Вышгород (Вусеград) 68
 Вышегород Поротовский 195
 Вязьма 202
 Вятка река 16, 184, 196, 199, 212, 216
 Вятка (Киров) 184, 200, 224, 225
 Габес 94
 Галич (Галисийа) 110, 111, 173, 184
 Галич (Костромской обл.) 196
 Галуччо 94
 Гардарика 14
 Гарц горы 89
 Гем горы (Старая Планина) 103
 Генуя 221
 Гибралтарский пролив 41
 Гилянъ 279
 Гиперборейские горы (Гиперборея) – см. Урал
 Гомель 213, 273
 Городец 195
 Гороховец 140
 Греция (Эллада) 17, 24, 94
 Гродно 219
 Грузия (Иберия).. 14
 Гурзуф (Гурзуби) 113, 114
 Даниловка (Иловка) река 247

Данубий – см. Дунай
 Двина Западная (Даугава, Малая, Dvidna minor) река 82, 92, 176, 210, 211, 213, 219, 248
 Двинабург (Динабург, Двинск, Даугавпилс) 211
 Двина Северная 184, 216, 253
 Девичий городок 19
 Девичьи горы 193
 Демничик крепость (мыс Эмине) 103, 104
 Денежный остров 165
 Дербент (Баб-ал-Абваб) 25, 30, 33, 42, 74, 79, 87, 176
 Деркул река 55
 Дерпт (Юрьев) 219
 Десна река 68, 69, 82, 178, 211, 213, 258
 Дешт-и-Кипчак 63
 Джалига – см. Ялга
 Дженд 149
 Джукегау (Жукотин, Сакетим) 157, 182
 Джурджан 43, 73, 79
 Дмитров 195
 Днепр (Борисфен, Данабрис, Аззу, Узи) 3, 4, 10, 12, 30, 65, 67-69, 72, 77, 82, 83, 86, 92, 103-109, 112, 118, 126, 127, 144, 150-153, 156, 174, 176, 178, 180, 187, 188, 191, 192, 210, 211, 213, 219, 229, 240, 241, 250, 256, 258, 285, 291, 292
 Днестр (Данаст, Турлу) 82, 92, 110, 111, 113, 151, 245
 Дон (Танаис, Тан, Танай) 10, 15, 20, 22, 30, 33, 34, 36, 38, 39, 42, 43, 47, 64, 70, 72, 80, 96-98, 100-103, 109, 121, 136, 144, 146, 151-153, 156, 159, 163, 172, 173, 180, 186, 187, 211, 219, 221, 223, 229-231, 235, 236, 244, 245, 250, 256, 258, 261, 268-272, 275, 278-280, 283, 285, 287, 291
 Донауровка село 157
 Донец Мёртвый протока 241
 Донец Северский река 78, 178, 180, 222, 253, 256
 Донецкий кряж (горы Русских) 37, 78, 168
 Донков 221
 Дорогобуж 258, 273, 277
 Дубок 187
 Дубровна 219
 Дунай (Истр, Данубий, Туна) 12, 14, 21, 41, 70, 72, 75, 82, 95, 103, 104, 115, 150, 152, 184, 267
 Евпатория (Керкинитиды, Каркина, Карсуна, Гёзлев, Козлев) 113, 114, 247
 Европа 82-84, 88, 223, 232, 260, 288, 289, 292, 295, 296
 Египет 176

Елабуга (Алабуха) 239
 Елец 181, 183, 184
 Енисей река 264
 Енисейск острог 264
 Енотаевка село 166
 Ерусалим 188
 Еруслан (Улустан, Услан) река 55, 162, 203, 204, 245
 Ефрат река 41, 150
 Жаравли река 239
 Жигули поднятие 52
 Зака – см. Сороки
 Замьянов городок и переправа 166
 Запорожье (Запороги) 267
 Засечные черты 271
 Зборов 273
 Звенигород 195
 Земляное городище 38
 Зимьево 232
 Зихия 115, 116
 Зияя река 212
 Золотая Орда (Улус Джучи) 146, 148-150, 154, 156, 160, 165, 166, 169, 174-176, 178, 182, 188, 195, 291
 Золотой Рог залив 268
 Иберия – см. Грузия
 Ивангород 258
 Игнач-крест 138
 Изюм 187
 Икчебри-караул 246
 Иллирик 24
 Иловка – см. Даниловка

Иловля (Белый Яр) река 98, 100-102, 172, 236, 285, 287
 Ильмень (Илмер) озеро 92, 210, 211
 Ингельхайм 46
 Ингул река 105, 107
 Ингулец река 105, 107
 Ингрия - Ингерманландия 258
 Индия 41, 206
 Иран 13, 15, 26, 56, 57
 Ирги(ы)з река 245, 248
 Иртыш река 199, 203, 253
 Искор 198
 Испания 39
 Истр – см. Дунай
 Италия 94
 Итиль (Исил) город 58, 59, 61, 65, 66, 72, 74, 80, 90, 102, 121
 Кабако (кабасо) 163
 Кавказ горы 19, 25, 32, 34, 36, 41, 65, 75, 82, 116, 125, 132, 177, 181, 216, 217, 235
 Казанка река 230
 Казань 44, 61, 158, 182, 194, 196, 198, 199, 203, 204, 208, 211, 213, 218, 221, 224, 229-231, 233-235, 245, 248, 262, 287
 Кайбелы село (Караболам, Синбирское, оно же Крестово городище) 160
 Кайбула река 160
 Каланча протока 241
 Калка река 126

Калос Лимен 114
Кама река 15, 16, 19, 28, 51, 52, 59, 79, 131, 156-158, 183, 191, 196, 208, 211- 213, 233, 239, 245, 248, 256, 258
Каменный – караул 246
Камень (mons Camen) 217
Камень Большой (Camen Bolschoi) гора 217
Камышин 37, 38, 55
Камышинка река, Черепаша, Камышинская Переволока 101, 192, 233, 235, 249
Камышино крепость 98
Канев 219
Ка(о)нив (у устья р.Конки) 103, 105, 108
Караболам – см. Кайбелы
Караман река 247
Карасу-Базар 268
Карелия 224
Кармалинское городище 19
Карпатские (Сарматские) горы 216
Карское море 30
Карсуна – см. Евпатория
Касимов 233
Каспийское море (Каспий, Хвалынское, Джурджана, море Хазар) 14, 24, 30, 31, 36, 41, 43, 48, 65, 66, 79, 87, 88, 102, 125, 130, 154, 158, 177, 181, 228, 233, 248, 272, 279

Каф(ф)а – см. Феодосия
Кашка-Таг горы 150
Кашпир (Кашкур) 285
Керчь (Пантикапей, Боспор) 19, 70, 114, 115, 268
Керченский п-ов 113, 115
Керченский пролив (Боспор Киммерийский) 77, 91, 115
Киев (Кав, Киваменкермен) 3, 49, 61, 65-69, 72, 74, 75, 91-93, 102, 103, 105-108, 123, 126, 127, 141, 144-146, 148, 174, 178, 213, 219, 256, 258, 273, 277, 294
Кикладские острова 24
Кирменка река 158
Кирменское городище (Кирменчук, Кармансуко, Керменчук) 157, 158, 182
Кизеюр-караул 245
Китай 26, 41, 129
Китай озеро (Зайсан) 203, 256
Климаты 71
Клязьма река 140, 210
Ковуй Ермаков 239
Козельск 139, 140
Козлов 280
Кокшага 253
Колода (Кулой) река 203
Коломна 137, 138, 211, 233
Колхида 20
Кольский п-ов 257

Кондур(з)ча река 176
Конка река 108, 211
Константинополь (Византий, Цесарь-град, Царь-град, ал-Кустантинийя) 14, 17, 19, 21, 23, 47, 48, 49, 67, 70, 77, 83, 95, 150, 170, 172, 184, 241, 267, 268, 275
Копорье 258
Корела 258
Коринф 95
Корнике 187
Коротояк 285
Корсунь (Луджага?) 105, 108, 109, 272
Корфу остров 94
Краков 216, 241
Кострома 158
Красный 258, 277
Красный Яр 160
Кременец 200
Кременчук 133
Кривой Бор (ныне деревня Кривоборье) 172
Криу Метопон (Бараний Лоб - гора Ай-Петри и мыс Ай-Тодор) 114
Крым (Таврида, ал-Кирим) 19, 36, 70, 71, 76, 113, 126, 140, 146, 171, 187, 220, 229, 232, 237, 238, 266, 268, 272, 275, 276
Кубань река (Куфис, Укрух,

Мерула) 34, 79, 116, 180, 181, 216, 287
Куйаба – см. Увекское городище
Кума река 181
Кумания (ал-Куманийя) 103, 113, 192
Кура река 87
Курск (Карасу?) 180
Лабада (Кучук-Ламбат, Утес) 113, 114
Ладога река 40
Ладога Старая (Альдейгьюборг) город 38, 39, 76, 84
Ладожское городище 40
Ладожское озеро 38, 210
Лбище городище 16, 19
Лена река 264
Ливны 247
Ливония 219, 222
Листвин 86
Ловать река 219
Луджага – см. Корсунь
Львов 273
Любеч 68
Любшанская крепость 38, 67
Ляпин 203
Мавераннахр – см. Средняя Азия
Магас (Мевет, Мекетмен) 124, 129, 140
Маджар 149
Майорка остров 152
Македония - Макадунийя 97

- Мангазея 264
 Мангалия 170
 Мангуп-кале 268
 Мангышлак 234
 Маныч городок 270
 Маныч река 34
 Мартури – см. Белгород
 Днестровский
 Масмада 80
 Махтули 170
 Маяцкое городище 89, 173
 Мегары 21
 Медведица река 91, 172, 261, 285, 287
 Медина 24
 Мекка 24
 Меотида – см. Азовское море
 Меча река 172
 Мечегь 203
 Мидия 245
 Мидье (Аймидийе) 115
 Могилев 107, 219, 273
 Мозырь 219
 Можайск 195
 Молоди село 237
 Монастырский 258, 270
 Монгольская империя 149
 Мондасси (mondaffi, Ено-таевское гор-ще?) 166
 Мордия 70
 Москва 137, 152, 168, 174, 175, 176, 183, 184, 187, 188, 194, 198-200, 203, 210, 212, 221, 233, 234, 237-239, 247, 252, 256, 260, 261, 270, 273, 276-278, 283
 Москва река 210
 Московия (Московское государство) 201, 206, 209, 212, 213-216, 218, 219, 222, 241, 242, 247, 248, 251, 252, 256-258, 263, 273
 Мстиславль 219
 Мулиса (Мулиски у Херсона) 105-107
 Муравин 187
 Мурано остров 189
 Мста река 210
 Мстиславль 273
 Муром 140, 194, 233
 Набй (Най) 103, 105
 Нагольный Кряж 78, 170
 Нарва река 211
 Нарва крепость 211, 219, 287
 Нарус см. Ростов-на-Дону
 Нева река 210, 211, 258
 Невель (Невля) 258, 273, 277
 Некропилы 34
 Неман река 219
 Нерль река 210
 Нил река 192
 Новгород Великий 68, 86, 92, 137, 138, 139, 152, 156, 195, 197, 198, 211, 225, 229, 234, 291
 Новгород Нижний 157, 203, 218, 233-235, 245
 Новгород Святополчский (с. Витачево) 127
 Новгород Северский (Немогард) 68, 72, 258
 Норвегия 39
 Обдоры (Одор) 203
 Обь река 199, 203, 212, 217, 221, 248, 253, 256,
 Ока (Осса) река 16, 66, 198, 210, 218, 223, 225, 229, 256, 292
 Олексин 200
 Опочка 212
 Орель (Арель) река 187, 211
 Орешек 258
 Оса 239
 Орша 64, 211, 219, 273
 Оскол река 253
 Османская империя 232, 269
 Острая Лука 172
 Отрар 193
 Охотское море 265
 Очаков 241, 266
 Ош Пандо Моргинское городище 19
 Палермо 93, 113
 Паншин 280
 Парма 154
 Партенит (Бартанити) 113, 114
 Паскерти 157
 Пафлагония 47
 Пачинакия 70
 Пельнь река 199
 Пенза 287
 Перевитеск 233
 Перволока 22, 36, 232, 245, 246
 Перволоцкое городище 19
 Перекоп 229, 240, 247
 Переяславец на Дунае 72, 74
 Переяславль (Баразула) 104, 107, 108, 140
 Переславль (Переяславль) Залесский 210
 Переяславль Рязанский 233
 Пермия (Великая Пермь) 192, 196, 198
 Персия 14, 245, 272, 279, 287
 Песьи Кости 187
 Петрунино село 37
 Печора река 203, 212, 216, 217, 253
 Печора (mons Petzora) гора 216
 Пинега река 212
 Пиренейский п-ов 189
 Подолия 174, 199
 Поле Дикое 229
 Полота река 92
 Полоцк (Полтеск) 49, 211, 219, 273
 Полтава 188
 Польный караул 245
 Польша (Речь Посполитая) 39, 173, 175, 220, 226, 251, 273, 275
 Понизовье 235, 261
 Понт – см. Черное море
 Попова Гора 258

Потайновский хутор 291
Почеп 258
Припять река 68, 82, 92, 219
Псёл река 211
Псков (Плесков) 198, 211, 225, 229
Псковское озеро 211
Пятигорск (Бештаг) 181
Ра – см. Волга
Рабанко (Ra banco) 164
Раздоры 275
Ревель (Колывань) 219
Ржев 157, 195, 218
Рига 211, 219
Рим 9, 83, 218
Риони (Фасис) 21, 22
Рифейские горы 216-218
Родень (Авсийа) 105, 107, 109
Рождественка река 272
Романов 195
Рославль 258, 273
Россия (Roſſia, Roſia, Сарматия) 168, 188, 190-192, 200, 201, 205, 206, 213, 222, 233, 234, 250-252, 256, 258, 260, 271, 273, 277, 286-289, 296
Ростов Великий 49, 64, 152
Ростов-на-Дону (Нарус) 96, 97, 103
Рось река – см. Волга
Рось (приток Днепра) 108
Румелия 268
Русса Старая (Руса) 117, 195
Русский каганат 30, 40, 47, 62, 72, 75, 76, 78, 81, 98, 101, 144, 146, 171
Русь (Росия=Росия Вост.+ Росия Западн., внешняя, она же Рутения) 3, 5, 40, 67, 69, 70, 72, 76-78, 82, 86, 88, 93, 96, 117, 118, 121, 122, 136, 138, 143, 146, 149, 152, 168, 171, 174, 185, 186, 188, 189, 192, 195, 202, 205, 219, 222, 229, 235, 240, 244, 288-291, 293, 295, 296, 300
Русь Белая 191, 192, 222, 223, 225
Русь Красная 191, 192
Русь Черная 191, 192, 222, 225
Рыбинский острог 264
Рыбная 239
Рязань (Старая Рязань) 64, 137, 168, 188, 213, 223, 233
Ряш (Решт) 279
Савгар 80
Саганак 149
Сайрам 149
Сакджа (Исакчи, Вичина) 150, 152, 154
Сакир 97, 101
Саксин (Саджсин) 90, 118, 121, 128, 134, 135, 144, 149
Сал река (Черный, Юрюк, Сасык) 98
Салав (Сал, Белая Вежа, Правобережная Цимлянская

крепость) 45, 63, 72, 73, 75, 81, 91, 97-99, 101, 102, 187
Салоники (Фессалоники) 17, 71
Самара (Самар) 160, 161, 248-250, 253, 256, 261, 262, 272, 283
Самара река (приток Днепра) 187, 211
Самара река (приток Волги) 245, 272
Самара городок (Приднепровье) 187
Самарканд 89, 176
Самарская Лука 16, 19, 36, 52, 148, 193
Самбатсион река (миф.) 68
Санкт Петербург 285, 289
Санника 20
Сарай-Берке (Сарай-ал-Махруса, с. Селитренное, Берекезаны) 146, 149, 166, 169, 171, 188, 192, 193, 198, 200, 203, 204, 218
Сарай Новый (Сарай-ал-Джедид, Царев) 151, 154, 165, 166, 176, 181, 182, 193, 198, 200, 204
Сарайчик 237, 240
Сарапул 239
Саратов 16, 37, 52, 55, 60, 66, 100, 177, 193, 203, 248-250, 253, 256-258, 261, 263, 264, 277, 279, 281-283, 287, 300

Саратовка река 249
Саратовская обл. 35
Саратовское городище (Саратов 1590-1613 гг.) 262, 263
Сарир 32, 37, 65
Саркел (Сур, Теркли: городище и перевоз) крепость 44, 45, 47, 70, 71, 80, 98, 172, 173, 186
Сармали – см. Бендеры
Сарматия 10, 15, 192, 217, 223
Свиной остров 279
Свияга река 213, 245
Свияжск 44, 193, 229, 233, 248
Себеж 258
Севастополь (Херсонес Таврический, Херсон, Сару-Ка(е)рман, Корсунь) 19, 26, 70, 71, 76, 77, 114, 150, 152, 247
Северное море 83
Северный Ледовитый океан (Скифский Океан, Ледовитое море) 211, 224
Сейм река 178, 180
Селевкия 9
Семендер (Самандар) 32, 41, 75, 79, 80
Серебряная (Оджал) гора 265
Серебряная река 239

- Сероглазовка село 166
 Серпейск 258
 Серпухов 195, 226
 Сибирь 198, 199, 223, 235, 238, 239, 250, 252, 253, 257, 264
 Симбирск 272, 283
 Синджар 50
 Синоп 241, 266, 267
 Синубули – см. Смоленск
 Синюха (Синие Воды) 174
 Сицилия 93-96, 115
 Скандинавия (о.Скандза) 13, 14, 88, 147
 Скифия 14, 15, 33, 77, 92
 Смоленск (Милиниска, Синубули) 64, 68, 104, 107, 202, 211, 212, 258, 273, 277
 Согдиана 19
 Солхат – см. Старый Крым
 Сороки (Зака) 110, 111
 Сосна Быстрая река 172
 Сосна Тихая река 172, 173, 181
 Сосьва (Sossa) река 217, 253
 СССР (Союз) 5, 292, 293
 Средиземное море 4, 83, 93, 101, 115
 Средняя Азия (Туран, Мавераннахр) 39, 56, 62, 176, 188, 204
 Стародуб 258, 277
 Старый Крым (Солхат, Сулгат, Кырым, Крым, Эски Кырым 171, 247, Стенькин городок 19
 Столбичи поднятие 55
 Столп (Stolp) гора 216
 Ступино-караул 246
 Стырь река 273
 Сувар 80
 Судак (Султатийа) 113, 114, 126, 149, 151
 Судам (Sudam) 86
 Суздаль 64, 88, 137, 138, 194, 291
 Сула река 108, 211
 Суммеркент 156
 Сунжа река 235
 Сура река 91, 136, 211, 213
 Сурдак 169, 170
 Сухона река 212
 Сызранка (Сызан) река 248
 Сызрань 52
 Табаристан 30, 48
 Тавань (Таванская переправа) 211
 Тавда река 199
 Таз река 264
 Тамань (Тмутаракань, Матраха, Матрига) 70, 76, 86, 91, 101, 114-117, 146, 184, 187, 188, 291
 Тамбов 280, 287
 Тамирака 114
 Тамлуга 196
 Танаис – см. Дон
 Таника (tanica, Бережновское городище?) 162
 Тарага (taraga) 162
 Тараз (Джамбул) 89
 Тарлык (Большой, Малый, Мухор) реки 162
 Тарлыковка село 162
 Татария (Татарстан) 201, 224, 234, 293
 Ташкент 89
 Тбилиси (Тифлис) 33
 Тверь 157, 184, 224
 Тебриз 176
 Тендра (Андисира) коса 113, 114
 Терек река 79, 177, 235, 272
 Терехов 233, 234
 Терновское городище 55
 Тетюши 100, 233, 245, 258
 Тибарения 20
 Тибр река 218
 Тигр река 41, 150
 Тихий океан 264, 287, 296
 Тобол река 253
 Тобольск 253
 Томск 265
 Торжок 137, 138
 Тортанллы (tortanlli, Мечетное городище) 164, 166
 Торуса 195
 Трапезунд 102, 241, 267, 268, 275
 Триполи 94, 275
 Трубчевск 258
 Тузла (Азала) остров 113, 114
 Тула 211
 Тура река 239
 Туратур переправа 177
 Туркия 70
 Туров (Телеуца?) 68
 Турухан река 264
 Турция 238
 Тынново 184
 Тюмень 199, 253
 Тюркский каганат 26
 Тясмин (исток Верешанка – Барасани-су?) река 107, 108
 Увекское городище (Башня Александра, Куйоба, кермен-Кейбе, Кайшава, Укек, Кукийана, Укак, lochahі, Увешенская станица, Увек) 40, 52, 53, 58, 60, 62, 63-67, 73, 74, 80, 90, 91, 97-101, 117, 118, 120, 121, 124, 129, 133-136, 141, 144, 146-149, 151, 161, 170, 171, 177, 233-235, 240, 245, 249, 264, 277, 283-285
 Увеша река 249
 Угличь Поле (Углич) 195, 210, 211
 Угра река 199
 Узень река (ар-Р.мм, Румми) 31, 55
 Узия 70
 Укак (Locachi на Азовском море) 169, 170
 Украина 174, 258, 272, 273, 275
 Улиски город (русск 337 шье, Олешеск) 03, 187
 Улья река 265

- Упа река 229
Ураково городище 55
Урал горы (Земной Пояс, Singulus mundi, Гипербореи) 15, 54, 56, 191, 199, 203, 216-218
Урал река (Даикс, Яик, Аях, Чжаях) 31, 53, 55, 66, 70, 99, 102, 119, 123, 124, 129, 146, 235, 237, 240, 253, 258, 264, 272, 279, 287
Ургенч (Органджи) 90, 154, 234, 240
Урнякское городище 19
Урюпинск (Урюпе(и)ск) 187
Уса река (на Самарской Луке) 148
Уса река (Приуралье) 217
Усташ 203
Устюг 196, 199, 200, 224
Фарабат 279
Фасис – см. Риони
Феодосия (Кафа) 149, 241, 247, 267
Фессалоники – см. Салоники
Фессалия 24
Фивы 95
Финский залив 258
Фира 103
Фракия 17, 104
Франция 260, 289
Хазарский каганат (Хазария) 4, 22, 26, 30, 33, 36, 41-43, 56, 70, 71, 73, 74, 77, 79, 96, 115, 292
Халкидон 21
Хама река 152
Хамлидж (Хамлих) 42, 43, 79, 80
Харгау 180, 181
Хахит 33
Хвалынский 238
Хива 287
Холм 173
Холмогоры 184, 234
Хопёр (Похор, Хопор) река 136, 172, 186, 235, 285, 287
Хорезм 50, 89, 90, 134, 149
Хотин (Хотень, Бармуни) 110, 111
Хутынь 195
Царицын – см. Волгоград
Царицын-караул 245
Цимлянская станица 45
Цыльма река 222
Чаллинский городок (Чаллы, Ч(х?)ар) 157
Чебоксары 233, 248
Червлёные горы 172
Червлёный Яр 172, 186, 188, 235
Черемшан Малый река 91
Черкасский - Черкасск 270, 285
Черкассы 219
Чернигов (Чернигога) 68, 69, 86, 110, 140, 223, 258, 277
Чертыка река 158
Чёрное море (Понт, Румийское море, Русское море, Ниташ, ал-Кирым) 14, 20, 21, 34, 43, 47, 54, 56, 65, 66, 77, 82, 83, 86, 96, 101-103, 150, 152, 154, 171, 184, 192, 218, 220, 221, 241, 248, 275
Чёрный Лес 106
Чёрный остров 232
Чёрный Яр 280
Чёртово городище 239
Чистополь 157
Чудское (Пейбус) озеро 211, 223
Чуры Михайловы 172, 173
Чу(ю)совая река 239
Швеция 39, 46, 257
Шексна река 210
Шелонь река 197
Шемаха 125
Ширван 87, 125
Шумбут река 157
Щугор река 217
Эвлисия (Эвдусия, Синдика) 20
Эгейское море 16
Эльба 16
Эльтон озеро 164
Эмба (Емь) река 235
Энгельс город 60
Эпир 24
Юг река 196
Югра (Угра) 199, 203, 224
Яик - см. Урал река
Яйлак – см. Бургас
Якутия 264
Якутск 264
Ялта (Джалита) 113, 114
Ям 258
Яркенд 149
Ярославль 137, 157, 168, 211, 245, 276
Ехapolis 245
Nabaris 245
Tvia 245

ПЕРЕЧЕНЬ ЕДИНИЦ ИЗМЕРЕНИЙ

Единицы длины	(м)
Аршин	0,7112
Аттический стадий	185,207
Вавилонская (персидская) миля	1 975,54
Верста 500-саженная путевая (в.)	1 066,8
Верста 700 саженная	1 400
Верста 1000-саженная межевая	2 133,6
Германская (географическая) миля	7 422
День плавания (ал-Идриси)	197 554
День пути караванный (астрономический)	59 266,2
День пути пешеходный (астрономический)	44 444,95
День пути куманов (25 миль)	49 338,5
Ионийский стадий	197,554
Километр (км)	1000
Морская миля	1 852
Польская миля (по Боплану)	5 566,5
Римская миля	1 481,65
Римский стадий	148,165
Русская миля XVI в. (10000 аршин)	7 112
Сажень	2,1336
Фарсах длинный (караванный)	5 926,62
Фарсах короткий (пешеходный)	4 444,95

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
II век нашей эры: Волга – Рось	9
III–VI века: «Скифы, они же Росы»	14
VII век: великие мореходы	23
VIII век: арабы о землях Севера	31
IX век: башни Волги и Дона	42
X век: последняя битва каганатов	57
XI век: география первых сводов	82
XII век: норманны о пути Булгар – Киев	93
XIII век: трагедия Руси	122
XIV век: география Орды и пути Тимура	149
XV век: воскрешение Руси	189
XVI век: генеральные чертежи России	205
XVII век: великие мореходы 1000 лет спустя	251
Заключение	290
Библиографический список	299
Список сокращений	318
Именной указатель	319
Указатель географических наименований	328
Перечень единиц измерений	344

Научное издание

Браташова Светлана Александровна

Землеописание Руси

Редактор Камелина А.П.
Дизайнер Браташов И.Н.
Корректор Калинина О.А.

Подписано в печать 20.05.2021 г. Формат 60 x 90¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Minion Pro. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 21,38. Тираж 500. Заказ №42/08088.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

ISBN 978-5-9907523-0-6

9 785990 752306

в ООО «Амирит»,
410003, г. Саратов,
ул. Чернышевского 88
Тел.: (845-2) 24-85-33
E-mail: zakaz@amirit.ru